

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
УПРАВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА
НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

РОССИЯ И КИТАЙ: ДВУСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Материалы III международной
научно-практической конференции

г. Новосибирск, 2–3 ноября 2018 г.

НОВОСИБИРСК
2019

ББК 66.4(2Рос),9(5Кит),4я431
Р 768

Ответственные редакторы:
канд. истор. наук, доцент *В.А. Гаврилова*
директор УЦ НГТУ «Институт Конфуция», доцент *И.Г. Хрипунов*

Р 768 **Россия и Китай: двустороннее сотрудничество и региональный аспект**: материалы III Международной научно-практической конференции (Новосибирск, 2–3 ноября 2018 г.) / под ред. В.А. Гавриловой, И.Г. Хрипунова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. – 236 с.

ISBN 978-5-7782-3799-5

В сборнике представлены материалы участников III Международной научно-практической конференции «Россия и Китай: двустороннее сотрудничество и региональный аспект», проходившей 2–3 ноября 2018 г. в Новосибирском государственном техническом университете. Организаторами конференции выступили Учебный центр НГТУ «Институт Конфуция», кафедра международных отношений и регионоведения НГТУ, Управление международных связей правительства Новосибирской области и Государственная канцелярия КНР по распространению китайского языка.

ББК 66.4(2Рос),9(5Кит),4я431

ISBN 978-5-7782-3799-5

© Коллектив авторов, 2019
© Новосибирский государственный
технический университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Барышникова Н.Г., Капустина Е.А.</i> Азиатский вектор развития Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова» в международном пространстве.....	7
<i>Беленкевич Е.В.</i> Сравнительно-сопоставительный анализ национальной культурной специфики России и Китая на материале ЛСП «Мир».....	10
<i>Белокурова С.М., Мушникова Е.А.</i> Концепт «дом» в китайской лингвокультуре на материале классической поэзии и чэньюй	14
<i>Борисов Д.А.</i> Институты развития российско-китайских межгосударственных отношений: постановка проблемы	19
<i>Бузовская Л.В.</i> Цели и задачи практикума «Поговорим о традиционной культуре Китая» в курсе профессионального китайского языка.....	21
<i>Ван Вэйци.</i> 浅析汉语动态助词“了1”与“过2”	23
<i>Ван Жуйлу.</i> 新语境下中国对外传播话语研究——以国家元首海外媒体署名文章为例.....	27
<i>Ван Личжун.</i> Поставительный анализ и обучение китайскому языку как иностранному	31
<i>Ван Хуэйчуан.</i> Анализ использования языка-посредника в преподавании китайского языка как иностранного 媒介语在对外汉语教学中的应用分析	34
<i>Выбойщик А.В.</i> Этнокультурные вопросы взаимодействия граждан РФ и КНР на примере Южно-Уральского государственного университета.....	37
<i>Гамерман Е.В.</i> Инициатива «Один пояс – один путь» в контексте региональной безопасности	42
<i>Гарбарт М.И.</i> Ресурсы «мягкой силы» Китая в России на современном этапе	46
<i>Данилов В.Д.</i> Особенности публичной дипломатии КНР в рамках инициативы «Один пояс – один путь».....	50

<i>Данков А.Г.</i> Экспертное сопровождение российско-китайских проектов на региональном уровне	57
<i>Жукова В.А.</i> Опыт работы со страноведческими текстами при обучении школьников китайскому языку на среднем этапе обучения	59
<i>Залесская О.В.</i> Воспитательная работа с русскими и китайскими студентами как фактор адаптации к иностранной культуре в приграничной зоне российско-китайского взаимодействия	62
<i>Зарубин А.Н.</i> Негативная оценка региональных инвестиционных проектов с участием КНР	65
<i>Золотухин И.Н.</i> Территориальный спор в Южно-Китайском море как вызов проекту «Морской Шелковый путь в XXI веке»	72
<i>Ибрагимова Р.Р.</i> Лингвострановедческий и лингвокультурологический методы в преподавании китайского языка	75
<i>Исаев А.С.</i> Российско-китайская производственная кооперация: проблемы и перспективы	78
<i>Исаева Л.И.</i> Российско-китайское культурное сотрудничество как фактор укрепления стратегического партнерства	83
<i>Карагодин А.А.</i> К вопросу о содержании лингвокультурологической модели обучения РКИ студентов из региона Большой Алтай	87
<i>Карагодина И.А.</i> Принципы лингвокультурологической модели обучения РКИ	91
<i>Кобзева М.А.</i> Взгляд Китая на сотрудничество с Россией в рамках БРИКС (на материале китайского языка)	95
<i>Ковш А.В.</i> Динамика развития двусторонних торговых отношений РФ и КНР в 2017 г. – первой половине 2018 г.	98
<i>Кочергин И.В.</i> Единица перевода как научная и дидактическая категория	102
<i>Ли Цзинчэн, Погодин С.Н.</i> Восточный экономический форум – 2018 в контексте китайско-российского регионального сотрудничества	111
<i>Ли Цяньцзянь.</i> 俄罗斯留学生汉语语音偏误调查	114
<i>Макеева С.Б.</i> Использование советского опыта в рамках реализации региональной экономической политики КНР по отношению к северо-восточным провинциям Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин в 1950-е гг.	118
<i>Меньшикова Г.А.</i> Концепция «слабой силы» как основа российско-китайского сотрудничества: теоретические аспекты	121
<i>Нежданов В.Л.</i> Сотрудничество регионов России и Китая как катализатор развития межгосударственных отношений	125

<i>Ни Цзяоцзяо, Кучинская Т.Н.</i> Культурная репрезентация брендов КНР в контексте инициативы «Один пояс – один путь»	129
<i>Олейников И.В.</i> Историко-культурное обоснование формирования нации в Китае	133
<i>Решетина Н.А.</i> Зарубежные совместные покупки как особая форма торговли Китая с регионами Сибири	139
<i>Савкович Е.В.</i> Сынцзян в региональной стратегии КНР на современном этапе (2010–2018 гг.)	143
<i>Сафаров А.М.</i> Региональная безопасность в Центральной Азии	149
<i>Селькова А.В.</i> Культура межнационального взаимодействия в поликультурном пространстве вуза	151
<i>Соломин Д.Н., Кучинская Т.Н.</i> Тренды современных культурных инноваций в КНР	154
<i>Соломина Е.В.</i> О некоторых причинах недостаточной освоенности интонационных норм русского языка студентами-иностранцами	158
<i>Сунь Сяовэй.</i> Принципы сопоставительных исследований и обучение иностранному языку	161
<i>Тарасова А.А.</i> «Мягкая сила» во внешнеполитической деятельности Китая	163
<i>Тарасова В.В.</i> Лингвокультурный типаж «китайский бизнесмен»: перцептивно-образные характеристики	166
<i>Хоу Линьсюэ.</i> 对俄小学生汉语教学课堂管理 ——以新西伯利亚国立技术大学孔子学院小学部为例	170
<i>Хрипля Т.С.</i> Обобщение опыта проведения итогового контроля для студентов ФИЯ, изучающих китайский язык как второй иностранный	175
<i>Хэ Чжэнсяо.</i> 新媒体网络资源在对俄汉语教学中的应用探究	177
<i>Цзинь Си.</i> 中国东北地区与俄罗斯远东地区合作现状与前景	183
<i>Чжао Юнхуа.</i> Эффекты внешней коммуникации инициативы «Один пояс – один путь»: восприятие, оценка и использование в средствах массовой информации – анализ на основе опроса иностранной аудитории	186
<i>Чжу Си.</i> Китайско-российское сотрудничество в сфере межкультурной коммуникации Института Конфуция в эпоху новой медиа	192
<i>Чжун Ян.</i> 初级汉语综合课堂的教学技巧及常见问题	195

<i>Чистякова А.Н.</i> Российско-китайское сотрудничество в Арктике: начало.....	199
<i>Чэнь Цзиньлин.</i> Китайская стратегия «Один пояс – один путь» и перспективы китайско-российского нефтегазового сотрудничества.....	203
<i>Шунков А.В.</i> Образование, наука и творчество как социальная основа российско-китайского сотрудничества.....	209
<i>Фаткулин Б.Г.</i> Повышение роли китайского языка в российской науке: использование китайского научного индекса CNKI российскими учеными для цитирования публикаций на китайском языке.....	213
<i>Шеров-Игнатьев В.Г.</i> Россия и Китай в странах Центральной Азии: интересы и позиции в сферах торговли и инвестиций.....	216
<i>Шишикин В.Г.</i> География зарубежных энергетических проектов с участием КНР.....	219
<i>Яо Сун.</i> Сопоставление лингвостилистических особенностей в произве- дениях Н.С. Лескова и Лу Сюня.....	229
<i>Хрипунов И.Г.</i> К вопросу о профессиональных компетенциях военного переводчика и их учете при разработке учебника по китайскому языку.....	231

**АЗИАТСКИЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ
АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И.И. ПОЛЗУНОВА
В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Барышникова Н.Г., Капустина Е.А.

Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова, г. Барнаул
nat-bar@yandex.ru; evkapustina@yandex.ru

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова (АлтГТУ) ведет активную деятельность в международном пространстве: реализует специализированные образовательные программы, разрабатывает вариативные адаптационные курсы с целью привлечения контингента иностранных учащихся из различных регионов мира. Географическое положение региона исторически предопределило вектор развития международных связей АлтГТУ и сформировало международное образовательное пространство, в которое вошли в первую очередь вузы приграничных с регионом азиатских стран (Китай, Монголия, Казахстан и др.). Азиатские страны заинтересованы в недорогом и качественном образовании, Россия – в повышении конкурентоспособности на международном рынке образования.

Наиболее важным компонентом международной деятельности АлтГТУ является сотрудничество с университетами Китая.

Условиями развития сотрудничества с вузами Китая являются законодательная база, финансовые «вливания», кадры (умение вести диалог, а также мобильность, инициативность и заинтересованность сотрудничающих сторон). Министерством образования и науки РФ поставлена задача повышения академической мобильности между студентами Китая и России. Сотрудничество вузов Китая и России является обоюдовыгодным. Университеты осуществляют инновационное развитие и научное сотрудничество, совершенствуют механизмы развития образования, осмысливают особенности культуры и менталитета, часто осложняющие учебный процесс и препятствующие социальной адаптации, получают финансовые бонусы.

Интернационализация образовательных систем стимулирует развитие многих направлений деятельности вуза: повышение качества профессиональной подготовки специалистов и квалификации научно-педагогических кадров, совершенствование учебных планов и программ, внедрение новейших образовательных технологий, формирование позитивного имиджа вуза на международном рынке образовательных услуг и др.

В последнее десятилетие важным условием интернационализации образования в международном пространстве становится «институциональное партнерство»: добровольные партнерские объединения вузов или стратегические образовательные альянсы для проведения конкретных образовательных проектов.

Одним из таких объединений стал «Совет ректоров вузов Большого Алтая». Решением № 5 IX заседания Международного координационного совета «Наш общий дом – Алтай» (МКС) от 31 августа 2010 г. была поддержана инициатива Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова по созданию международного межрегионального объединения «Совет ректоров высших учебных заведений Большого Алтая» (СРВБА).

Основная задача МКС – развитие диалога и консультаций между законодательными ветвями государственной власти приграничных территорий с широким привлечением к его деятельности научных и общественных организаций региона.

В рамках Совета осуществляются ряд международных научных (исследовательских) проектов: 1) разработка научно-методических основ и программ для переподготовки специалистов Большого Алтая по технологии перевода текстов международных документов таможенных служб; 2) международный координационный проект «Наш общий дом Алтай» с 2003 г. С 2013 г. проводится в рамках международного проекта «Алтай – точки роста АТР» и др.

В 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин во время визита в Центральную и Юго-Восточную Азию предложил построить «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь 21-го века». В этой связи был организован Синьзянский Альянс университетов «Шелкового пути», в который входят ведущие университеты стран Экономического пояса Шелкового пути – из вузов России, Китая, Казахстана, Кыргызстана, Монголии, Пакистана, Таджикистана, Туркменистана.

С 2016 г. АлтГТУ входит в университетский альянс Китая и стран Центральной Азии. В рамках Альянса АлтГТУ сотрудничает с Синьцзянским университетом, Синьцзянским педагогическим университетом, университетом Шихэцзы. Университеты Альянса осуществляют совместную подготовку специалистов, международные научные и культурные обмены, обмен студентами, повышение квалификации специалистов, дистанционное обучение, международные научно-исследовательские проекты.

В 2018 г. АлтГТУ планирует стать членом Ассоциации технических университетов России и Китая, которая учреждена на базе Московского государственного технического университета им. Н. Баумана и Харбинского политехнического университета.

АлтГТУ длительное время сотрудничает с Даляньским университетом информатики Neusoft (г. Далянь) и Яньшанским университетом (г. Циньхуандао). Основными направлениями сотрудничества являются академические обмены студентами, магистрантами, аспирантами; приглашение преподавателей для чтения лекций; совместные исследовательские проекты, публикации и грантовые программы; научно-технические инновационные и коммерческие проекты в рамках университетских технопарков; участие в семинарах, конференциях, выставках вуза-партнера; российско-китайские студенческие фестивали, конкурсы, олимпиады.

Программа двойных дипломов предполагает совместную подготовку бакалавров по направлениям «Бизнес-информатика» и «Электронная коммерция» (университет NEUSOFT, КНР). Также организована и успешно осуществляется языковая практика студентов Даляньского университета и Яньшанского университета по программе «Русский язык и основы переводческой деятельности».

Стратегия развития АлтГТУ предполагает расширение международных контактов. На сегодня приоритетной деятельностью вуза является реализация совместных образовательных программ по новым направлениям. В этой связи уже имеются договоренности с китайскими вузами-партнерами о подготовке специалистов для IT-отрасли и машиностроения, об организации для студентов языковых школ во время зимних и летних каникул и реализация новых программ обмена студентами 2–4-х курсов.

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ РОССИИ И КИТАЯ НА МАТЕРИАЛЕ ЛСП «МИР»

Беленкевич Е.В.

Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова, г. Барнаул
evg-prokofeva@yandex.ru

В настоящей статье мы предприняли попытку описания лексических единиц, составляющих лексико-семантическое поле (далее – ЛСП) «Мир» в русской и китайской лингвокультурах. Определение ЛСП, данное И.И. Чумак-Жунь, воспринимается нами как наиболее полно отражающее основные характеристики ЛСП [Чумак-Жунь, 1996: 11]. Основой исследования послужили результаты русско-китайского ассоциативного эксперимента (далее – АС), проведенного в 2018 г., в АлтГТУ им. И.И. Ползунова (Барнаул) среди русских и китайских студентов (I–II сертификационный уровень владения русским языком). В эксперименте принимали участие студенты 1–4-х курсов, а также групп переводчиков. В анкете студентам предлагалось написать весь ассоциативный ряд, возникающий на слово-стимул «Мир».

Понятие «мир» представляет абстрактную категорию в языковом сознании, однако не исключает знания, закодированного в языке и выступающего предметом интерпретации исследователя. В Толковом словаре В.И. Даля находим следующие варианты толкования лексической единицы «мир»: *Вселенная; вещество в пространстве и сила во времени; одна из земель Вселенной или наша земля, все люди, весь свет, община* и пр. [Даль, 2012: 487–488]. С.И. Ожегов определяет в нескольких категориях «мир» как *совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве, Вселенную; как земной шар, как отсутствие войны, как спокойствие, тишину*. Также в словарной статье приводятся устойчивые выражения: *всем миром, не от мира сего, уйти в мир иной, сильные мира сего* и пр. [Ожегов, 1989: 356].

В Русском ассоциативном словаре [Русский ассоциативный словарь. Режим доступа: <http://www.thesaurus.ru/dict/index.php>] зафиксировано 105 реакций на слово-стимул «мир», наиболее частотные из которых *миру* 6 (миру – мир), большой 5, война 5, мир – труд – май 5,

огромный 3, планета 3 и др. Таким образом, значение лексической единицы «мир» в толковых словарях совпадает со словами-реакциями РАС не во всех позициях.

Проведенный же нами АС имел двойственную цель: во-первых, описание фрагмента языковой картины мира русской и китайской лингвокультур через описание ЛСП, во-вторых, сравнительно-сопоставительный анализ слов-реакций современных носителей русского языка (синхронический аспект) и русских диалектоносителей (диахронический аспект), что позволит «проследить» изменение в русской языковой картине мира концепта «мир» за последнее столетие. Концептосфера «мир» в языковой картине мира диалектоносителей была проанализирована ранее на обширном языковом материале [Прокофьева, 2012: 118] Таким образом, выбор слова-стимула для АС, исходя из целей исследования, был очевиден. Также слово-стимул «мир» включен в РАС и считается базовым для любой лингвокультуры.

Обращаясь к количественным показателям, полученным в ходе АС, прежде всего следует отметить частотность слов-реакций китайских студентов на слово-стимул «мир» – *Путин* (30 ед.). Частотность данной единицы довольно высока и в китайских, и в русских анкетах. На наш взгляд, лексическая единица *Путин* отражает реальное положение дел в мире, поэтому данный факт находит свое отражение в языковой картине мира двух народов. Интересно отметить такое слово-реакцию, как *Против Америки* в китайских анкетах, хотя частотность ее невелика (3 ед.).

На основании вышесказанного определим лексическую единицу *Путин* в качестве архисемы ЛСП «мир» в китайской лингвокультуре. Отметим, что в русской лингвокультуре архилексемой ЛСП «мир» будет *не война*, в это же время лексическая единица *Путин* имеет высокую частотность и среди русских студентов (15 ед.).

Нами также отмечены наиболее частотные слова-реакции китайских студентов: *планета* (15), *красивый* (11), *большой* (9), *путешествовать* (4). Как видим, данные реакции совпадают со значениями толковых словарей и РАС.

Для слова-стимула «мир» в анкетах русских студентов наиболее частотными оказались реакции *не война*, *окружающий мир*, *животные*, *птицы*, *рыбы*. Таким образом, по результатам АС, высокочастотные единицы в ответах-реакциях китайцев: *Путин*, *планета*, *красивый*,

большой, путешествовать; в ответах-реакциях русских – антоним слова «мир»: *не война, Путин, окружающий мир*.

На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что рассматриваемые лингвокультуры имеют много общего в мировидении, миропонимании, логике современного мироустройства. А значит, магистральное направление современной политики России, обозначенное В.В. Путиным как «Поворот на Восток», имеет в своей основе не только эффективное сотрудничество, но и укрепление добрососедских отношений сквозь призму языка и мышления.

Сравнивая результаты АС (русские ответы-реакции) с концептосферой «мир» диалектоносителей Алтайского края, мы получили следующие результаты. Рассмотрим фрагмент дискурсов некоторых старожилков – носителей диалекта:

А.В. Медведева, 1913 г.р.: «**Мир** – это когда миру много, Бож есть, и дружны все. Это земля вся **в миру**»;

У.А. Зверева, 1915 г.р.: «Да чё такое мир: ну, это война-то когда закончилась. А какой ишио мир? В войну-то хто знает, чё было, хто знает. Не дай Бож. Не дай Бож ишио войну»;

Л.Ф. Воропаева, 1932 г.р.: «Ну, как табё сказать, ну не война, а мир, да и в миру-то жить можно. В войну такая была работа, аж, говорю, начинала работать»;

А.Е. Тимчева, 1928 г.р.: «**Мир, войны нету. Вот мир. Войны нету, мир**».

В данных отрывках мир трактуется как отсутствие войны, что вполне закономерно для старшего поколения (сегодня можно сказать – уходящего). Война в жизни старожилков была тяжелейшим периодом, что не могло не найти отражение в языковой картине мира.

М.Н. Михалёва, 1918 г.р.: «Ну чё мир, **мир** – это должны быть люди дружны все должны быть друх за друга стоять, хватиться и держаться. Ты мой, а я твой».

Мир в качестве окружающей природы в речи Е.Е. Тамановой: «С десяти началá уж на пашню ходить, на бригаду, там у нас красивый мир был!».

Мир в значении люди У.А. Зверева, 1915 г.р.: «Вот на Пасху-то, там вот на бригаду, во всё, во всё – мир».

«Там миру страсть чё было. А потом ишио на последний день едут к родителям младые прощаца, всепрошóный день».

«Столько было **миру**, и все к этой бабушке».

Так, *мир* понимается носителями диалекта как *жизнь без войны; все люди; окружающая природа*, что находит свое отражение как в толковых словарях, так в РАС. Архисемой ЛСП «мир» являлась и является лексическая единица *не война* в языковом сознании русских связи с ее наибольшей частотностью. Отметим также совпадение в интерпретации ЛСП «мир» современным обществом – молодыми людьми, которые представляют наше будущее, и поколения уже уходящего от нас.

В заключение хотелось бы сказать, что исследования в русле антропоцентрической парадигмы, анализирующие соотношение, взаимосвязь языка и мышления, фокусируют внимание исследователей не только на человеке и его языке, но и шире – на видении мира человеком, обусловленном языком, на связи языка и культуры, на отражении в языке человеческого мировосприятия, на языке как орудии создания, трансляции, хранения и передачи языковой и культурной традиций [Прокофьева, 2012: 4].

Список литературы

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка в 2 т. – Т. I. – 2012. – 719 с.
2. *Залевская А.А.* Психолингвистические проблемы учебного двуязычия: учебное пособие / А.А. Залевская, И.Л. Медведева. – Тверь: Изд-во Тверского университета, 2002. – 195 с.
3. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // *Русская словесность: антология.* – М.: Academia, 1997. – С. 280–287.
4. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 21-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1989. – 924 с.
5. *Прокофьева Е.В.* Диалектная языковая личность: дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2012. – 232 с.
6. *Русский ассоциативный словарь.* – Режим доступа: <http://www.thesaurus.ru/dict/index.php> (дата обращения 10.10.2018).
7. *Чумак-Жунь И.И.* Лексико-семантическое поле цвета в языке поэзии И.А. Бунина: состав, структура, функционирование: дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1996. – 202 с.

КОНЦЕПТ «ДОМ» В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ НА МАТЕРИАЛЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ И ЧЭНЬЮЙ

Белокурова С.М., Мушникова Е.А.

Алтайский государственный технический
университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул
belle.sonet312@gmail.com, mushnikova77@mail.ru,

Рассматривая концептосферу китайской лингвокультуры, так же как и любой другой, мы должны сделать несколько предварительных замечаний.

Во-первых, само понятие концепта по своему генезису относится к основам традиционной культуры. Это некие базовые категории, которые максимально точно определяют рассматриваемую культуру, с одной стороны, а с другой – формируют своего рода семантическую решетку, матрицу, которая крайне эффективна при анализе различных культурных, лингвокультурных, художественных явлений.

Во-вторых, концепт имеет строго положительную природу. Это тот созидательный опыт, который в сжатой форме концепта дает возможность исследования генезиса культуры. В связи с этим мы можем с уверенностью говорить, что концепт – это аксиологическая единица, раскрывающая ценностные ориентации данного народа.

В-третьих, исследования концептосферы ввиду «архаичности» природы концепта должны учитывать специфику источниковой базы. Нам представляется верным строить изучение лингвокультурных концептов с опорой не на современный язык, а на литературные, фольклорные памятники. В этом есть определенный смысл, поскольку современный язык в ряде случаев дает размытое понимание концепта, тогда как в прецедентных текстах семантическое наполнение концепта более четко кристаллизуется. Это, однако, не отрицает использования современного языкового и речевого материала для подтверждения определенных фактов.

Близкое нам определение концепта дано М.В. Пименовой: «Концепт – это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными груп-

пами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в закреплённой и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц – репрезентантов концепта. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры. Полное описание того или иного концепта, значимого для определенной культуры, возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его выражения» [Пименова, 2004: 10].

В качестве эмпирического материала мы используем устойчивые выражения чэньюй. Чэньюй – это устойчивое фразеологическое словосочетание (чаще четырехсловное), построенное по нормам древнекитайского языка, семантически монолитное, с обобщенно переносным значением, носящее экспрессивный характер [Войцехович, 2007: 18]. Чэньюй фактически представляет собой сжатую форму притчи, легенды, исторического эпизода, которая до сих пор активно используется в современной речи.

Концепт «дом» является одним из наиболее важных в китайской культуре, как и в любой другой. Однако специфика китайской концептосферы видна уже на уровне иероглифических знаков. Наиболее распространенными в современном китайском языке иероглифами со значением «дом» являются 房 и 家. Иероглиф 房 (fang) обозначает дом как здание, строение. Сходное значение имеет и иероглиф 屋 (wu).

Иероглиф 家 (jia) также имеет значение «дом», однако второе значение его, которое используется в современном китайском языке, это «семья»: 我在家 («Я дома»), 我家不大 («Моя семья небольшая»). Таким образом, 家 – это не просто дом как таковой, а родной дом.

Итак, в китайской лингвокультуре концепт «дом» не только полисемичен, но и пересекается с другим, не менее важным концептом «семья». Таким образом, все выбранные чэньюй о доме могут трактоваться значением как фразеологизмы со значением «семья». Для анализа были привлечены 7 чэньюй, в которых речь идет о доме в том или ином значении. Определим, насколько здесь отражены концептуальные категории и характеристики.

1. 高屋建瓴 («лить воду с высокого дома»). Переносное значение – «занимать выгодную позицию». В данном случае мы видим, что слово

«дом» (屋) используется только в качестве метафоры и к концепту «дом» не имеет отношения.

2. Ряд чэньюй, в которых концепты «дом» и «семья» тесно взаимосвязаны. Это позволяет говорить о том, что «дом» и «семья» представляют собой единый концепт.

家和万事兴 – «в дружной семье все получается»

四海为家 – «в четырех морях как дома»

安家落户 – «пустить корни, обзавестись семьей (домом)»

3. Чэньюй, которые через иносказание раскрывают концепт «дома (семьи)»

落叶归根 – «падающий лист возвращается к корням» (человек всегда возвращается домой)

乐不思蜀 – «во время веселья забыть о Шу» (забыть о доме)

入孝出悌 – «уходя из дома, уважать старших»

Подведем предварительный итог. Слово «дом» в китайском языке имеет два основных значения, причем концептуальная составляющая касается значения «родной дом», «дом, где живет семья». Даже то небольшое количество устойчивых архаичных выражений чэньюй, которые были привлечены в качестве эмпирической базы, показывает, что именно второе значение слова «дом (家)» является оценочно значимым и культурно наполненным. Таким образом, мы можем сказать, что концепт «дом» в китайской культуре и языке может быть уточнен как «родной дом» или «дом-семья». К сходным выводам приходят, в частности, и авторы статьи «Культурные универсалии и концепт “дом-семья”» [Тихомирова, 2012].

Однако мы можем предположить, что такая специфика концепта должна проявиться не только в сжатой разговорной форме, но и, например, в жанрах литературы. Интерес в данном случае представляет китайская классическая поэзия. Как уникальное производное китайской культуры и философии, классическая поэзия IV–VI вв., на наш взгляд, по-своему раскрывает базовые культурные универсалии. Нами было рассмотрено несколько стихотворений поэтов указанной эпохи: Тао Юань-мин «В пятый месяц года гэнцзы на пути из столицы домой задержан ветром в Гуйлине» (пер. Л.З. Эйдлина), Се Линъюнь «В Шаншу поднимаю на гору Каменный барабан», Се Тяо «Зимний день в Ваньцзюни. Сижу без дела» (пер. Л.Е. Бежина). В рассмотрен-

ных произведениях раскрывается (или затрагивается) тема дома, и мы можем сказать, что концепт «дом-семья» в текстах реализован. Но есть и особенности. Во-первых, как и во многих произведениях китайской классической лирики, во всех трех произведениях сильна «природная» составляющая. Каждое из стихотворений – это своего рода размышление, и к мыслям о доме лирический герой приходит, отталкиваясь от созерцания луга, гор, цветка и др. Каждый образ природы в китайской поэзии и живописи является символом, однако анализ символики не входит в задачи настоящего исследования, поэтому констатируем, что образ дома всегда связан с природными образами, а реализация концепта «дом» предполагает его расширенное восприятие через природную составляющую. Во-вторых, в данных произведениях дом воспринимается лирическим героем как точка постоянного возвращения, стремления к чему-то далекому и почти недостижимому. Дом – конечный пункт в странствиях, описанных в стихотворениях. Таким образом, мы можем трактовать дом как некую идеальную реальность, к которой устремлен герой. Очень часто мотив дома в стихотворении связан с мотивом дороги, пути. В этом случае мы можем говорить о перспективах исследования соотношения двух концептов – «дома» и «пути». Это расширяет эмоциональный и содержательный компонент концепта «дом».

Подведем итоги. Очевидно, что даже при глубоком жанровом различии между чэньюй и классической поэзией реализация концепта «дом» имеет определенное сходство (в частности, «дом» и «семья» в данном случае едины). Тем не менее классическая поэзия расширяет содержание концепта за счет соответствующей символики, которая формирует коннотации с концептом. Кроме того, концепт «дом» насыщается содержанием, обусловленным историко-культурными реалиями.

Список литературы

1. *Войцехович И.В.* Практическая фразеология современного китайского языка: учебник. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 509 с.
2. *Пименова М.В.* Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику / под ред. М.В. Пименовой. – Кемерово, 2004. – Вып. 4.
3. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.

4. *Тао Юань-мин*. Лирика / пер. с кит. Л.З. Эйдлина. – М. : Худож. лит., 1964. – 151 с.

5. *Тихомирова Е.Е., Чжао Цзиннань*. Культурные универсалии и концепт «дом-семья» // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2012. – № 2(6). – URL: <http://www.vestnik.nspu.ru>.

6. Утренний иней на листьях клена (поэзия семейства Се) / пер., предисловие и прим. Л.Е. Бежина. – М.: Книга, 1993. – 208с.

7. *Чжан Янь*. Опыт лингвокогнитивного исследования этнокультурных представлений о доме (на материале русского и китайского языков): автореф. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2017. – 24 с.

ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Борисов Д.А.

Новосибирский университет экономики и управления
Denisborisov69@gmail.com

Структурные изменения в международных отношениях и мировой экономике XXI века наглядно выявили методологические ограничения действующих доктрин для объяснения и прогнозирования современных международных политических и экономических процессов. Фрагментация общего международного процесса, формирование новых кооперационных и конкурентных коалиций, поляризация аксиологических моделей различных вариантов мирового порядка требуют поиска новых методологических оснований для построения эффективных моделей политического и экономического планирования и прогноза [1]. Логика междисциплинарного институционального похода стимулирует поиск наиболее эффективных моделей и шаблонов развития на основе локальных условий производственных и общественных отношений, географических особенностей, качества социального и человеческого капитала на государственном, региональном и муниципальном уровнях.

Эти глубокие кризисные явления прямо затрагивают внешнюю политику РФ, объективно распространяясь на российско-китайские межгосударственные отношения, которые выступают в качестве одного из противовесов в складывающемся международном балансе XXI века [2]. В основе российско-китайских отношений лежит продолжительная история развития двухстороннего взаимодействия, на протяжении которого была сформирована многокомпонентная система многосторонних и двухсторонних межгосударственных институтов. Сложившаяся система институтов определяет принципы, направления и темпы развития, а также формирует пределы взаимовыгодного сотрудничества отношений между РФ и КНР.

По мере роста неопределенности размывается образ будущего, нарушается синхронность и согласованность экономических, политических и социальных действий, учащается создание архаичных и избыточных надстроечных институтов в социально-экономических системах, обостряется проблема преемственности политического курса,

что в конечном итоге приводит к увеличению издержек и потерь во внешней политике государств [3]. В таких условиях все большее значение начинают играть эффективное взаимодействие национальных, региональных и местных институтов развития между РФ и КНР. Для планирования и реализации политических решений требуется независимая академическая оценка, которая во многом способствует четкому определению проблем и формулированию предложений по преодолению кризиса неопределенности и оптимизации институциональных форм, для повышения эффективности их функционирования. Соответственно, проблематика функционирования институтов развития в межгосударственных отношениях между РФ и КНР в настоящий момент представляет большой исследовательский интерес для отечественной науки о международных отношениях. В качестве объекта исследования можно выделить три уровня деятельности институциональных форм в российско-китайских отношениях. На макроуровне наиболее активно действуют ШОС, БРИКС, межправительственные комиссии РФ (инвестиции, гуманитарное сотрудничество, энергетика), 20 отраслевых подкомиссий, межпарламентская комиссия, контакты по линии Аппарата Президента и Центрального Комитета КПК. На мезоуровне: программа по развитию Дальнего Востока, Восточной Сибири РФ и Северо-Восточного района КНР, торговые представительства, торгово-промышленная палата РФ и ее региональные отделения, 91 партнерская пара на уровне субъектов Федерации. На микроуровне можно выделить 143 партнерские пары – на уровне муниципалитетов, институты побратимских связей, профессиональные ассоциации в различных отраслях экономики, коммерческие компании, участвующие в обеспечении ВЭД между странами, а также общественные организации, проекты и инициативы.

Список литературы

1. *Караганов С.* Будущий мировой порядок // Российская газета. № 7368. URL: <https://rg.ru/2017/09/07/karaganov-zapadu-stanovitsia-vse-trudnee-naviazuyat-svoei-cennosti.html> (режим доступа: 01.10.18).
2. *Сербина А.С.* Приграничное сотрудничество России и Китая // в сборнике: Россия – Китай: стратегическое взаимодействие в XXI веке: Материалы международной школы-семинара. – 2015. – С. 82–87.
3. *Татаренко В.И.* Анализ и оценка некоторых аспектов ВЭД несырьевых регионов РФ (на примере Новосибирской области). – Новосибирск, 2018. – С. 182.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ПРАКТИКУМА «ПОГОВОРИМ О ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КИТАЯ» В КУРСЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Бузовская Л.В.

Сибирский государственный университет путей сообщения,
г. Новосибирск, lvbmax@yandex.ru

В настоящее время важным и актуальным является преподавание иностранных языков в тесной связи с культурой страны изучаемого языка. Владение иностранным языком происходит через приобщение к культуре страны изучаемого языка, а целью является участие в диалоге культур. Данная цель достигается путем формирования способности к межкультурной коммуникации через интеграцию в учебный процесс знаний о культуре страны изучаемого языка. Это позволяет решить задачу формирования и развития коммуникативной, социокультурной и культурологической компетенций.

Обучение языку происходит в непосредственной связи с культурой, поэтому несомненно культурологическая компетенция, в том числе и лингвокультурологические знания, должна формироваться на начальном этапе обучения языку. В связи с этим на кафедре разработан Практикум по культуре Китая [Бузовская, 2018], в котором реализуются цели Программы по иностранному и профессиональному иностранному языку в части формирования общекультурной компетенции. В соответствии с целями программы обучающийся получает необходимый минимум лексики, отражающей специфику китайской культуры, традиций и искусства, приобретает навыки владения основными способами коммуникации на китайском языке по темам, касающимся культурных реалий Китая. Задачей данного пособия является формирование общего представления о традиционной культуре Китая через набор диалогических текстов и заданий к ним. В структуре урока присутствуют дотекстовые упражнения, которые позволяют совершенствовать произносительную сторону речи, акцентируют внимание на иероглифическую письменность, расширяют лексический запас, тем самым формируя лексический навык обучающихся. В целом комплексы упражнений имеют целью сформировать и развить межкультурную

компетенцию, активизировать грамматический и лексический материал. Культурологическая компетенция формируется непосредственно через развернутые комментарии к каждому уроку, благодаря чему обучающиеся расширяют страноведческие и культурологические знания о культуре, истории, географии Китая, повышают свой общий культурный уровень.

Практикум «Поговорим о культуре Китая» реализует культурологический подход в преподавании профессионального иностранного языка. Невозможно осуществить полноценную эффективную коммуникацию в профессиональной сфере без знаний культурных реалий страны, так как деловое общение базируется на понимании лингвистических и культурологических особенностей языка. В нашем вузе курс профессионального китайского языка предназначен для освоения базовых и профессиональных знаний по китайскому языку в сфере экономики и делового общения. Исходя из требований профессиональных компетенций обучающиеся должны владеть навыками исследования взаимосвязи культуры и экономики Китая [Бузовская, 2018: 131]. Практикум «Поговорим о традиционной культуре Китая» обеспечивает формирование такой взаимосвязи.

Список литературы

1. *Бузовская Л.В.* Китайский язык: Поговорим о традиционной культуре Китая. Практикум. – Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2018. – 79 с.
2. *Бузовская Л.В.* Обучение профессионально-ориентированной лексике студентов экономического профиля / Восток – Запад: теоретические и прикладные аспекты преподавания европейских и восточных языков: материалы Международной научно-практической конференции. – Сибирский государственный университет сообщения. – 2018. – С. 131–133.

浅析汉语动态助词“了1”与“过2”

Ван Вэйци 王玮琦

新西伯利亚国立技术大学孔子学院

УЦ «Институт Конфуция» Новосибирского государственного
технического университета
首都师范大学

Столичный педагогический университет, г. Пекин, КНР
1909068905@qq.com

一、动态助词“了”与“过”研究的意义

现代汉语动态助词“了”与“过”的语法意义和语法功能相对复杂，对于母语者来说，我们往往意识不到这种复杂性。但在对外汉语教学中，涉及到动态助词“了”“过”的语法点往往是学生学习的易混点之一。动态助词“了”“着”“过”的对外汉语教学在对外汉语语法教学领域具有十分重要的地位，其中本文重点讨论“了1”与“过2”的差异。

二、关于“了”与“过”的研究

2.1. 关于“了”的研究

“了”是现代汉语中使用非常普遍的虚词，用法复杂灵活，因此在过去的一个世纪的时间里一直是汉语语法研究的重点、热点和难点。汉语语言学家对助词“了”分为动态助词和语气助词这一观点已经取得了一致意见。“了1”作为动态助词的“了”用于动词词尾，表示动作的完成；而作为语气助词的“了2”用于句末，主要表示事物已经发生变化或将要变化，有成句的作用。

本次所讨论“了”限指动词词尾处“了1”

朱德熙先生(1982)把“了”称为动词的后缀，表示“完成”的语法意义，但动作发生与时间没有关联，过去、现在或将来的动作均可用“了”表示“完成”的概念。

吕叔湘先生(1999)对“了1”表示动作完成的语法意义在《现代汉语八百词》一书中做了详细地分析。1.一般表示动作完成。动词前可加时间副词“已、已经”强调明确动作的实现性质。“不用去火车站，我已经在网上买了五张票”2.动词后接数量补语时，表示动作从开始到完成的时

间或动作发生的次数。“睡了五个小时”3.“动词+了”在复句中作为某种句子成分不独立成句时,表示前一动作完成后再出现后面的动作,或者说后一动作的发生必须在前一动作的完成为前提;也可表示前一动作进行了一段时间后再发生后一动作,动词前常常加“才、刚”。“吃了晚饭再走也不迟”

2.2. 关于“过”的研究

“过”的语法意义比较简单明,黎锦熙、朱德熙和吕叔湘先生对“过”的解释基本一致,表示曾经发生或经历的事情,具有表时作用;吕叔湘先生还提出了“过”表示“动作完结”的概念。另外,徐通锵(1997)指出“过”的时间适用范围相对最小。只用于发生在过去的事情,并且由于“了”的适用范围包括过去,二者之间存在重合,因而有时“了”在表示过去事情时可与“过”替换。

“我去过北京”——“我以前去过北京”

“我去了北京”——“我以前去了北京....”

房玉清、刘月华(1988)、孔令达(1995)和陈小红等学者深刻地讨论研究了

动态助词“过”,归纳了其语法意义和功能,并将“过”划分为“过1”和“过2”。房玉清根据能否与副词“曾经”共现将“过”划分为“过1”和“过2”,能共现的是“过2”,不能共现的则是“过1”。关于“过1”和“过2”在意义上的区别,孔令达和刘月华都认为“过1”表示动作完结,“过2”表示过去曾经有这样的事情。

“吃过1饭我们散步去吧”

“他曾经当过2老师”

“过

2”虽指“过去曾经怎样,现在动作或状态已不存在”但在特定的语境中,动作和状态可能再次发生,如:

△她以前瘦过,后来胖了了,现在又瘦了。

△十年前我来过哈尔滨,现在这完全变了。

三、“了1”与“过2”的对比分析

1、从时间上看

于秀金(2013)通过“了”与“过”对比,认为“了1”带有时点特征,可引入状态改变的体意义。“吃了一个苹果”为例。“吃”带时点特征的“了”与动词

结合后,引入了状态变化的意义。由于"吃苹果"是一个累加性事件,从事件的开始到事件的终结之间均有"吃了1苹果"事件的发生。也就是说,"吃苹果"的整个过程都可用"吃了苹果"来表达。具有时点特征的"了"使得"吃苹果"体现为由无数个时点上的动作所组成的过程阶段。

“过

2”用在动词或形容词后表示曾经发生某动作或存在某状态,但现在动作已经不进行或状态已不存在。表示过去的一种状态或经历,经常和“曾经”、“曾”共现。正如陈立民(2002)所说的“‘过’表示一个事件在过去结束了”。“读过”、“上过当”都是只“曾经读过”、“曾经上过当”,现在动作已经完结。

2、与否定副词“没”的搭配

△我没吃了苹果 × △我吃了苹果

△我没吃过苹果 √ △我吃过苹果

"动词+‘过’"的结构表示的动作时间状态在过去,是对动作完毕的一种客观的描述;若对它进行否定说明在说话前的过去时间里没有发生该动作,或者说说话时动作还没有完结,否定词与"过"的时间意义不存在对立,因此它的否定形式可直接在动词前面添加否定词。

四、对外汉语中“了1”与“过2”教学建议

1.对教学的建议

总体上来看,"过"的意义和用法比"着"、“了”都要简单一些,应该先讲“过”然后讲复杂的“了”。这样由简单到复杂,学生在吸收消化时也较为容易,且能激发学生的学习兴趣,建立学习兴趣。另外,在单一讲解各个动态助词时,应按逐步扩充的方式进行教学。无论是"着、了、过"的语法意义还是句式结构,都应先讲解各自最常见、最常用的意义和规则,也就是说,先让学生对动态助词的基本用法有一定了解,在熟练练习之后,再逐步添加其他意义,并训练复杂一点的句式。

2.对教师的建议

教师应运用情景教学法反复进行巩固练习,强化知巧点的训练。学习汉语的最终目的是进行交际。所以,教师在课堂中应从学生日常生活中寻求实用话题,多多设定语言情景,让学生进行模拟的情景对话,这也体现了对外汉语课堂中最讲求的生动、简易的特点。

3、对学生的建议

不要过度地类比法语学习汉语,因为这两种语言有着很大的不同,虽然在某些方面可以促进汉语学习,但过度地刻意类比常常适得其反,不仅不能利于汉语习得,还会对学习造成阻碍,使得汉语学习难上加难,影响学生的学习兴趣,打击学习信心。所以,学生要避免与法语错误对比的方法,正确地、纯粹地学习汉语时态表达方法。

参考文献

- [1] 吕叔湘.现代汉语八百词[M].商务印书馆, 1980.
- [2] 孔令达.关于动态助词“过1”和“过2”[J].《中国语文》, 1986, (4)
- [3] 刘励宁.现代汉语句尾“了”的语法意义及其与词尾“了”的联系.世界汉语教学.1990(2):80-87.
- [4] 卢英顺.也谈“了1”和“了2”的区分方法化.《中国语文.》1991(4):275-278.
- [5] 竟成.关于动态助词“了”的语法意义[J].《语文研究》, 1993, (1)
- [6]
- 魏红.汉语的动态助词与对外汉语教学[J], 《汉语教学研究》, 2003, (3)
- [7] 朱德熙.语法讲义[M].北京:商务印书馆.2004:09-21
- [8] 彭小川,周芍.也谈“了2”的语法意义[J]学术交流,2005(1).
- [9] 吴华.对“了”的偏误思考.《周末文汇学术导刊》[J], 2006, (2)

新语境下中国对外传播话语研究— 以国家元首海外媒体署名文章为例

Ван Жуйлу王睿路

中国人民大学新闻学院，北京 100872

Институт журналистики и коммуникации,
Китайский народный университет, г. Пекин, 100872
WangRuilu@ruc.edu.cn

中国对外传播的新语境指的是世界多极化、经济全球化、文化多样化、社会信息化等各方面因素的影响相互叠加，增加了时代的不确定性，同时推进了国际秩序的变革，为中国对外传播创新提供了难得的历史机遇，中国对外传播因此需在顶层设计和战略路径方面作出变革，实现从“形象工程”到“战略传播”范式更替的新背景。在此新语境下，中国在国际舆论的话语实践中需要调整以往在国际传播中的边缘心态，增强主动传播的意识，从被动的、对媒介帝国主义的抵抗，转向积极的、具有传播主体意识的议题建构，从而形成“融通中外的话语体系”，与周边国家和发展中国家构建话语共同体，共同打造话语空间。

随着中国特色大国外交稳步推进，截至2018年9月，习近平主席上任后已访问了61个国家。与之前中国国家元首出访时接受往访国媒体联合采访的惯例不同，习近平主席常常选择于抵达往访国前夕在当地主流媒体发表署名文章，传递中国官方声音、表明中国立场，发出合作共赢、共同发展的倡议，通过中国话语的国际传播为中国在全球大局中赢得更大话语权。这些署名文章是中国对外话语的重要组成部分，具有权威性和代表性，同时也是外交理念、外交方式以及对外传播形式上的创新。

对外话语的符号、框架和形式三个层面间存在勾连和递进关系：符号处于底层，决定对外话语的内容，内容的认知方式由框架决定，并通过文本形式表述和传播。三个层面具有内在关联性且辩证统一：符号决定了认知框架和文本叙事系统，因此在一定意义上构成了对外话语的内核；符号的深层内容是话语和思想，框架则强调了符号深层话语内容和思想内容的诠释方式；框架的生产与输出则需借助特定的形式和表述体系来实现，从而促成全球理解和对话。换言之，符号构成

了对外话语的底层结构，框架和形式则分别对应对外话语的认知方式和文本表达。符号确立框架和形式的意义方向；框架发挥重置语境、引导认知的功能，为符号的意义赋值体系提供逻辑支撑；形式则通过对系列文本生产理念的实践，使符号和框架的感召力和影响力得以实现。

本研究从国家领导人对外传播实践的角度入手，以习近平在海外39国媒体发表的42篇署名文章为研究对象，依次从符号、框架和形式三个相互关联且递进的层面切入，探究国家元首对外传播话语的内容、结构与表达，回答中国国家元首对外传播话语(1)传播什么(2)如何诠释(3)如何表达三个问题。

概念是人类思维体系的基本构筑单元，也是话语的符号载体和构成内容。话语沉淀并形成于概念间的逻辑勾连形成的意义网络中，概念则构成了话语表达的主体内容，同时也是思想与价值观的集中体现。符号层面，中国国家元首海外媒体署名文章涵盖政治外交、经济贸易、民众交流、对话合作、全球治理等多个方面的内容。结合署名文章全文的语义网络来看，和平、发展、合作、共赢的时代主题最为突出，合作、发展、互利、共赢、和平、友好作为主旨贯穿各篇文章，且作为核心节点与双边关系紧密联系，反映了中国与世界各国积极发展友好关系、顺应和平与发展的时代潮流，从而为和平发展营造有利的国际环境的意愿。其次是对双方经贸往来、民众交流的回顾与总结，相关内容多以大量数据支撑，以印证我国提倡的共赢合作模式的成效。对我国的外交政策及理念的阐释也占有较大比重，且具体外交政策因不同国家或地区而异，但整体体现中国特色大国外交理念和平、发展、合作、共赢的思想，与中国推动构建以合作共赢为核心的新型国际关系紧密联系。此外，对中国道路和中国方案的阐释也是署名文章的主要内容之一，在对中国基本国情与发展道路释疑解惑的基础上，文章进一步推介“一带一路”“人类命运共同体”等倡议，呼应中国倡导的时代主题。

话语的基本构成单位是概念，而概念深层的意义系统的建构则涉及到话语生产的范畴，即人为创造出来并加以组织化而形成的相对比较稳定的认知框架。人类认知活动往往依赖并受制于一定的认知框架，对外话语有效输出的关键之一即对话语范畴及对应的深层理解框架的输出。框架层面，中国国家元首海外媒体署名文章的认知框架以中国

传统的和合中庸文化、亲诚道德价值观为起点，遵循合作观、义利观、民本观和集体主义等基本原则，挖掘合作发展、互利共赢、求同存异等深层架构。深层架构对应相关的“国家交往合作即亲友”“全球经济即食品”“发展即行程”等概念隐喻，并通过由“到好邻居、好兄弟家中作客”“不断做大利益蛋糕”“车轮越转越快、越转越好”等具体的隐喻，以及引用典籍、诗词、谚语等共同组成的表层架构表达出来。表层架构与中国坚持合作发展、互利共赢的推论相契合，并与中国是负责任的大国，坚持正确的义利观，着眼于人类的共同发展的叙事角色相对应。该认知框架符合认知语言学中架构理论所揭示的政治话语规律，因而可以使中国倡导的合作与发展的时代潮流以及实现全球治理的中国方案“入脑入心”，达到共情同理的效果，获取受众的赞同与支持。

概念和架构分别确立了对外话语的内容与认知框架，话语内容的表述与组织则对应文本表征层面的形式。中国话语的对外传播依赖于一定的文本载体，而要拉近与外国民众的距离、消除分歧，进而引起共鸣、实现劝服，就需要用外国民众“听得到、听得懂、听得进”的表达形式来呈现文本。形式层面，中国国家元首海外媒体署名文章的修辞动机经戏剧五位一体解构分析后可归纳为拉近文章作者与当地受众的心理距离，弱化因两国间政治、经济、文化差异带来的分歧，淡化各自的国家利益，强调双方发展规划的互通性以及合作带来的利益的一致性，以“达成同一”，获得受众对署名文章中的立场、观点与呼吁的认同与支持。为实现上述目标，署名文章通过“同情同一”策略突出双方的历史往来、传统友谊以及两国建交后在各合作领域取得的成就、在自然灾害中的相互援助、在国际组织中的共同参与等“共同经历”，唤醒并强化了对历史和现实的认同，并通过将两国相似的价值观念、互补的发展规划并置，唤醒了对于价值观念和共同利益的认同；通过“对立同一”策略列举世界与人类发展目前面临的共同困境与挑战，消弭原有的利益冲突和分歧，达成对共同发展、互利合作的必要性的认同；通过“无意识同一”策略使用人称代词“我们”指代中国人民、两国人民、两国领导人、全人类等不同群体，模糊意识形态、国家利益、文化传统、权力等领域的界限，并为受众预设了立场，使之无意识以共同利益为前提进行思考，达成对两国合作与友谊、中国全球治理观的认同。

在中国对外传播的新语境下，本研究结合对国家元首海外媒体署名文章这一对外传播实践的分析，就国家领导人层面的对外传播话语策

略进行以下探讨：坚持故事化传播：故事可成为中国的立场、逻辑与价值观念的载体与外壳，故事化的文本语境有助于在潜移默化中使受众对中国声音形成认同。开展互动式传播：一是国家领导人与往访国的互动，开展“对话式”的中国话语对外传播；二是他国领导人与中国的互动，为之提供多元化的媒体平台传播“外国故事”，形成多元声音的共鸣与发展模式的互鉴，实现发展目标的统一，从而共建“命运共同体”。拓展大数据传播：数据不仅是对外话语的内容，更应该成为变革对外传播方式的新手段，实现中国对外传播话语及其传播过程在当地的“本土化”。

陈昌凤, 吴珅 (2017). 以同一求认同：中国领导人对外传播的修辞策略研究——

习近平海外媒体署名文章的分析.《兰州大学学报（社会科学版）》，45(04), 125-133.

刘莉 (2008). 伯克新修辞学同一理论探析.《广西社会科学》，(08), 175-177.

刘涛 (2017). 新概念 新范畴 新表述：对外话语体系创新的修辞学观念与路径.《新闻与传播研究》，24(02), 6-19+126.

汪少华, 张薇 (2017). 论中国政治话语体系的认知建构——以习近平2017年瑞士两场演讲为例.《南京师大学报（社会科学版）》，(05), 146-153.

吴瑛 (2016).《中国声音的国际传播力研究》. 上海：上海交通大学出版社.

Список литературы

1. Beauchamp-Mustafaga, Nathan (2014). Xi' s Op-Ed Diplomacy: Selling the China Dream Abroad // China Brief. – Vol. 14. – Iss. 18, p. 1–4.
2. Burke, Kenneth. Rhetoric of Motives. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1969.
3. Fairclough, Isabela & Fairclough, Norman (2012). Political Discourse Analysis: A Method for Advanced Students. – New York: Routledge, 2012.
4. Lakoff, George & Johnson. Metaphors We Live by. – Chicago: University of Chicago Press, 1980.
5. Sommer B. and Maycroft J.R. Influencing public policy: An analysis of published op-eds by academics // Politics and Policy. – 2008. –36 (4). – P. 586–613.

ПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ОБУЧЕНИЕ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Ван Личжун

Харбинский политехнический университет, г. Харбин, КНР,
Ульяновский государственный технический университет,
г. Ульяновск, Россия, wanglizhongs@163.com

Сопоставительная лингвистика как новая научная дисциплина привлекает к себе все больше и больше внимания. Что же касается методики преподавания иностранных языков, то обращение к родному языку для подчеркивания его сходств и различий с изучаемым языком – довольно часто встречающийся прием, т. е. чаще всего сопоставительные исследования связываются с задачами преподавания иностранных языков. И поэтому некоторые лингвисты считали, что сопоставительная лингвистика родилась из опыта преподавания. Каждый преподаватель иностранного языка и каждый изучающий иностранный язык скоро обнаруживает, что родной язык мешает в определенных и предсказуемых случаях усвоению второго языка. Запас преподавательских ухищрений сводится главным образом к преодолению таких помех.

Поскольку сопоставительная лингвистика имеет дело с языками разных типов, знание и изучение типов языков для сопоставительной лингвистики имеет особое значение.

Китайский язык относится к изолирующим языкам. Для языков этого типа характерны неизменяемость слова, значимый порядок слов, слабое противопоставление знаменательных и служебных корней и слабо развитое словообразование.

Существительное в китайском языке не имеет грамматической категории рода. В отдельных случаях род выражается лексически, причем это касается только некоторых существительных, обозначающих одушевленные предметы, например: 男老师 – преподаватель, 女老师 – преподавательница.

Существительное в китайском языке нейтрально в отношении числа. Оно может обозначать как единичный предмет, так и совокупность

однородных предметов. Числом существительных является аффикс 们. Однако и он используется ограниченно. Аффикс 们 образует главным образом множественное число имен существительных, обозначающих лица, например: 老师们 – преподаватели, 学生们 – учащиеся. Редко аффикс 们 используется для образования множественного числа существительных, являющихся названиями животных и птиц.

Итак, существительные в китайском языке не различаются по родам, не изменяются по числам и падежам. Следовательно, в китайском языке отсутствует склонение существительных. Прилагательные также не изменяются по числам, лицам и родам.

Например, русское предложение *Чая я не пью* в китайском языке выглядит как *Чай я не пью* (茶我不喝). Все слова по своей форме не зависят друг от друга, и каждое слово является корнем в чистом виде. Ср. также рус. *У меня плохая память* и кит. 我记性不好 (букв. *Я память плохая*).

Отсутствие словоизменения в китайском языке наглядно раскрывается при сравнении:

кит. 茶我不喝. рус. *Чая я не пью.*

кит. 茶我们不喝. рус. *Чая мы не пьем.*

В русском языке изменение форм подлежащего во множественном числе ведет к изменению и форм сказуемого, а в китайском – нет.

В китайском языке слова образуются не при помощи суффиксов и префиксов (как в русском) или аффиксов, а путем сложения. Например, рус. *выключатель* – кит. 开关, в русском языке слово образовано при помощи суффикса *-тель*, а в китайском – путем сложения двух слов: 开 – открывать, 关 – закрывать. Кроме того, для изолирующих языков характерно наличие слогов музыкальных тонов. В китайском языке тоны имеют смысловоразличительное значение. Один и тот же слог в зависимости от тона приобретает разное значение, например: *shu* (первый тон) – книга, *shu* (второй тон) – спелый, *shu* (третий тон) – считать, *shu* (четвертый тон) – дерево.

И поэтому сопоставительное изучение языков в лингводидактических целях полезно для обучения неродному языку.

Список литературы

1. *Lado R.* Linguistics Across Culture. – Michigan, 1957.
2. *Гак В.Г.* Сопоставительное изучение языков и лингвистическая типология // Русский язык за рубежом. – 1974. – № 3.
3. *Гак В.Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. – Л., 1977.
4. *Ярцева В.Н.* О сопоставительном методе изучения языков // РЯНШ. – 1958. – № 4.
5. *Ярцева В.Н.* Контрастивная грамматика. – М., 1981.
6. 许余龙. 对比语言学概论. 上海外语教育出版社, 2001.

媒介语在对外汉语教学中的应用分析

Ван Хуэйчуан (王慧闯)

УЦ «Институт Конфуция» Новосибирского государственного
технического университета
1013554347@qq.com

摘要：对外汉语教学中，媒介语是一个重要元素，各种教学法对于在实际课堂教学中是否使用媒介语、以及使用频率等都持有不同的态度。在对外汉语实际教学过程中，媒介语的使用有自身的益处，如可加深学习者的理解、缓解焦虑、传播文化、以及更好地组织课堂活动等。但同时也存在如理解偏误、过度依赖媒介语等问题，因此媒介语的使用时允许的，但要有所控制，从而使学习者更好的理解和使用汉语。

关键词：媒介语；对外汉语；母语；

媒介语是对外汉语教学法的一个重要参数，不同的教学法对于在对外汉语教学中使用媒介语持有不同的观点。其中翻译法的使用时间较长，范围也相对较广，但对母语的依赖也最大，课堂基本用母语进行。由于这种教学方法仅注重语言知识的学习，而轻视语言实际运用能力，受到了广泛的批评。随后出现又出现了直接法、自然法、听说法等新教学方法，这些方法都禁止在教学过程中使用学习者的母语，交际法虽然没有绝对禁止使用母语，但是提倡尽量避免使用母语。

然而，在暗示法等教学方法中，母语被视为一个重要的手段。近年来，愈来愈多的学者开始对单语言教学原则提出质疑，认为在外语课堂中完全避免使用母语是不切实际的，有时可能会导致不理解或误解等问题。国内外学者对于是否在外语教学课堂中使用媒介语持有不同的意见，想要明确在对外汉语教学中是否应该使用学习者的母语作为媒介语，首先要先了解使用学习者母语作为媒介语在对外汉语教学中的积极与消极作用。

1. 使用学习者母语作为媒介语的积极效果

任何事物只有在与相关事物比较时才能显示出其特点，教师依靠自身的外语知识，在实际教学中将汉语和学习者母语在表达结构、思维

逻辑、语言图景等方面的差异进行对比，加强学习者对汉语新结构、新用法、新词语的理解，减少在汉语学习过程中母语的负迁移现象，降低学生在使用过程中的错误率。但这需要教师具有较高的外语水平，以及对汉语词汇意义、表达结构等的有较为深刻的理解。

外语学习过程中，尤其是在初始阶段，完全脱离学习者的母语进行教学，会增加学习者在学习过程中的焦虑与不安，可能会使个体出现紧张、慌乱、思维混乱等问题，极大地影响了教学效果。同时，语言的记忆与存储离不开理解，而要达到对言语的理解，则需要存储在记忆中的经验的帮助，把学习的语言材料存储在记忆里的知识与经验和新的语言材料进行关联，帮助理解，促进理解。外语初学者在记忆语言材料时，通常是先将其译为母语，形成意义的关联，建立与客观实际、已有经验，以及材料各部分之间的联系，这使得学习者能依托已有的知识与经验，加深对汉语的理解、记忆、运用等。适量地使用学习者母语作为教学过程中的媒介语，在一定程度上可促进提高学习者的学习效率，并使学生最大限度地利用母语获得新语言知识。

语言是文化的载体，是文化不可分割的一部分，各个国家服饰、饮食、价值观、思维模式等都不尽相同，反映到语言中，就产生了语言表达的巨大差异。文化的导入，输入必要的文化信息，可以使学习者了解中国文化的一些主要特征，加深对汉语词汇、表达、结构的理解等，而这些目的的实现，离开母语的介入是非常困难的。

师生的融洽度，师生间的交流对于课堂活动的正常开展具有极为重要的意义，尤其是对于中小学生的汉语教学课堂。这使得教师必须使用学习者的母语与学生进行沟通与交流。同时在基础阶段，解释语法项目、布置任务、检查理解等过程中，都必不可少的要使用媒介语来传达准确的意义，达到预计教学目标。

2. 使用学习者母语作为媒介语的消极效果

在语句的练习过程中，如过多地依赖翻译，易造成如果未将句子或生词译为学习者的母语，学生会产生未真正理解的感觉，这样就忽视了两种语言形式语义语用方面的等值特征，一味的借助于生硬的翻译，使汉语学习机械化，降低了汉语对于学习者的交际与使用价值。

在词汇讲解中，两种语言词汇的含义并不是完全对等的，一些词语的引申义或是借用意义与原义相比发生了很大的变化。以俄语和汉语为例，如汉语中的“建议”、“忠告”、“奉劝”等，在俄语中都可以

用“**с о в е т о в а т ь**”表示；汉语中的“美丽”、“漂亮”、“美”、“好看”等词的俄语翻译皆为“**к р а с и в ы й**”。造成学习者在词汇使用过程中出现语义和语体上的错误。

同时过多的使用学习者的母语作为教学媒介语，会使在学习者利用目的语完全可以准确表达自己所要表达的内容和思想时，仍然会下意识地使用母语交谈。

为解决上述可能出现的问题，首先教师要有正确的观念，发挥母语的积极作用，避免母语的滥用，防止其反作用。对外汉语教学中可以利用学习者的母语，发挥母语的作用。但必须要注意，使用母语只是手段，不是目的。对外汉语教学的主要目标是使学生能熟练掌握汉语，利用汉语达到交际的目的。

3. 结语

对外汉语课堂中应尽可能多地使用汉语教学，但母语的作用不可低估，尤其是对于初级水平的学习者，即使到了高级阶段，母语的恰当使用仍能起到一定的积极作用。但有一点需要注意的是，母语的使用一定要有所控制，在教学过程中教师必须明白母语只是帮助学生建构目标语的知识的，它不能享有和目标语同等重要的地位[Turnbull & Arnett, 2002]。对外汉语教学的最终目标是使用汉语进行交流，因此教师必须防止过度依赖母语给学习者的不良影响。

参考文献

1. Turnbull. M & K. Arnett. Teachers' Uses o the First Languages in Second and Foreign Classrooms. *Canadian Modern Language Review*, 2001. – C. 204–218.
2. 周星，毛卫娟. 外语课堂教学媒介语研究述评. *外语与外语教学*. – 2006. – C. 14–16.
3. 衡仁权. 国外外语课堂教学中教师目标语和母语的使用研究评述. *外语界*. – 2004. – C. 16–21.
4. 弥宁. 论外语教学中正确对外母语和目的语的关系. *江西电力职业技术学院学报*. – 2006. – C. 24–29.
5. 常晓晋. 试论对外汉语教学媒介语. *陕西师范大学*. – 2009. – C. 29–32.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН РФ И КНР НА ПРИМЕРЕ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выбойщик А.В.

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск
alex_vyb@list.ru

Процессы глобализации приводят к развитию межкультурных связей, субъектами которых становятся не только государственные структуры, но и отдельные граждане, а также образовательные коллективы.

Роль образовательных учреждений имеет особое значение: вне зависимости от оказываемых образовательных услуг школы, колледжи, вузы оказывают существенно влияние на подготовку молодежи к будущей жизни в обществе, и поэтому в учебных заведениях формируются основы профессиональной и гражданской позиции.

Один из таких вызовов – необходимость взаимодействия с представителями других культур, носителями другого, принципиально иного по своему построению языка.

Язык является наиболее важным средством коммуникации, цель которой состоит в достижении взаимопонимания и, как следствие, в определении приемлемых для обеих сторон принципов и путей взаимодействия.

В дореволюционной российской, а позднее – в советской истории и культурологии традиционно были прочны связи с Западной Европой. Так же традиционно были слабы связи с Азией, и, в частности, с дальневосточным регионом, в том числе с Китаем. Связано это в первую очередь с более поздним взаимным знакомством народов и, соответственно, культур, а также с сильными языковыми и культурными различиями двух народов.

Китай являлся самым крупным соседом СССР, имел самую протяженную границу с нашим государством, а начиная с 1949 г. использовал советское оборудование и технологии.

Для установления прочных связей как на межличностном, так и на общественном уровне необходимо учесть языковые и культурные различия между двумя цивилизациями.

Языковые различия проявляются в лексике, грамматике, фонетике, графике, синтаксисе.

Русский язык относится к индоевропейской языковой семье, китайский – к сино-тибетской языковой семье, что говорит о сильных лексических различиях этих языков. С точки зрения грамматики русский язык является флективным синтетическим, т. е. выражающим отношения между частями речи через словоформы, а китайский – аналитическим, т. е. выражающим отношения между частями речи через порядок слов в предложении. С точки зрения фонетики русский язык является нетональным, китайский имеет 4 тона. Русский и китайский язык, помимо этого, имеют и разную диалектную структуру. Междиалектные различия в русском языке касаются в основном употребления отдельных слов, в китайском – количества тонов и сильных различий в чтении. В графике письменность русского языка использует кириллический алфавит, китайского – иероглифы. Всё это ставит очень серьёзные препятствия на пути изучения языков.

Культурные различия в основном связаны с историей. Общего в истории двух стран много: обе страны были улусами империи Чингисхана, обе страны испытывали сильное культурное влияние соседей, пытались проводить капиталистические реформы и в XIX веке попали под влияние более развитых и сильных мировых держав, впоследствии пережили крайне жестокие гражданские войны в XX веке. В то же время существенны и различия: Китай к концу XIX века стал фактически полуколонией, в то время как Россия формально была одной из ведущих держав; период политической нестабильности после свержения монархии в Китае длился больше 30 лет, в России – 5 лет; марксистские идеи завоевали популярность в России в 1910-х гг., в Китае – только к 1940-м гг.

Немаловажную роль играет и такой фактор, как религия. Традиционным для большинства русскоговорящих является православное направление христианства, в то время как в Китае роль религии выполнял даосизм.

В силу приведенных выше причин, несмотря на то что первые контакты россиян и китайцев произошли еще в XVII веке, процент русских, знающих китайский язык, как и процент китайцев, знающих русский язык, до середины XX века был достаточно низок.

Первая кафедра китайского языка в СССР была основана в МГУ еще в 1956 г., но даже в 1989 г. китайский язык как специальность изучался только в трех вузах СССР – ИСАА при МГУ, в ЛГУ и Ташкентском государственном университете. С другой стороны, в том же 1989 г. английский язык изучался на всех лингвистических кафедрах, немецкий – примерно на 85 %, французский – примерно на 60 %, испанский – на 10 %. Но даже в 2000 г., когда роль Китая в мировой экономике и политике резко возросла, китайский язык, помимо Москвы и Санкт-Петербурга, изучался только в четырех университетах России. Таким образом, до начала 2000-х гг. азиатским, и в частности китайским, исследованиям в отечественной науке уделялось недостаточно внимания.

В то же время с 2014 г. в Китае работают 65 университетов (среди которых ведущими являются два классических университета и три университета иностранных языков), где ежегодно выпускают около 7000 специалистов, владеющих русским. Кроме того, в 300 университетах для 30 тысяч студентов русский преподают как иностранный, и около 15 тысяч студентов ежегодно приезжают изучать русский язык в Россию.

В последние десятилетия в связи с выходом КНР в мировые лидеры остро встал вопрос о подготовке специалистов, которые могли бы не только свободно говорить на языке изучаемой страны, но и знать этнокультурные особенности народа, что позволило бы не только упростить общение с гражданами Китая на бытовом уровне, но и уметь вести переговоры и устанавливать экономические связи. В настоящее время большая часть саммитов и научных конференций использует в качестве первого или второго языка английский, что связано как с более широкой территориальной распространенностью последнего, так и с лидирующим положением англосаксонских стран в мировой экономике в XIX–XX веках. В то же время начало XXI века показало, что Китай по темпам роста превзошел большинство англоговорящих стран, что, как следствие, делает актуальным дальнейшее развитие связей с Китаем и, следовательно, задачу изучения китайского языка.

Многие университеты России открыли специальности и направления, связанные с Китаем и китайским языком. В Уральском регионе лидирующее положение в китаистике занимает Южно-Уральский государственный университет, в котором с 2011 г. осуществляются проекты академической мобильности, совместные образовательные программы и программы двойных дипломов.

Академическая мобильность осуществляется с шестью университетами КНР, и за 4 года, с 2015 до 2018 г., количество программ увеличилось с трех до 20, а количество студентов – со 111 до 114.

Совместные образовательные программы осуществляются по направлениям бакалавриата совместно с пятью университетами КНР по 11 направлениям.

Программы двойных дипломов осуществляются по направлениям магистратуры совместно с двумя университетами КНР по двум программам. Программы действуют с 2017 г., и за два года количество студентов достигло 73.

Кроме того, с Чжецзянским океаническим университетом действует совместная образовательная англоязычная магистерская программа.

Рамочные соглашения действуют еще с 12 университетами.

Обучение иностранному языку и культуре невозможно без внимания и к практическим дисциплинам, к которым относятся технические и естественно-научные. В связи с этим важна не только подготовка людей, знающих иностранный язык как таковой, но и подготовка специалистов-практиков (инженеров, экономистов и т. п.), умеющих общаться в иноязычной среде (на первом этапе) на бытовые темы и (на последующих этапах) на профессиональные темы. Последнее условие особенно важно в свете интеграционных и глобальных процессов, происходящих в мировой экономике.

Таким образом, для подготовки квалифицированного и конкурентоспособного специалиста, способного взаимодействовать с коллегами из Китая, в настоящее время необходимо решение следующих задач: 1) более глубокое изучение языка; 2) изучение обычаев и традиций Китая; 3) создание культурной среды, позволяющей свободно общаться с жителями Китая.

Решение первой задачи в ЮУрГУ достигается за счет повышения квалификации своих преподавателей и приглашения преподавателей

из КНР. Решение второй задачи достигается проведением различных курсов повышения квалификации. Решение третьей задачи достигается проведением различного рода тематических вечеров и дней Китая в ЮУрГУ.

Выполнение поставленных задач позволит увеличить количество студентов из РФ и КНР, проходящих обучение по программам обмена, что создаст благоприятную среду для языкового, культурного и профессионального общения между представителями двух стран. В итоге всё вышесказанное должно привести к более тесному экономическому сотрудничеству РФ и КНР.

ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Гамерман Е.В.

Благовещенский филиал Финансового университета
при Правительстве РФ
egamerman@mail.ru

В последние годы одной из самых обсуждаемых тем (если не самой обсуждаемой) среди синологов стала китайская инициатива «Один пояс и один путь». Впервые о ней было упомянуто во время визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Казахстан в 2013 г. и затем в Индонезии. В последующем эта инициатива нашла отражение в ряде политических документов Китая, таких как «План социально-экономического развития на 2015 год» (и последующие), «Доклад о работе правительства» и другие [1]. Кроме того, за последующие 5 лет Пекин заключил соглашения о сотрудничестве в рамках реализации данной инициативы с более чем 80 государствами и организациями. Проводится огромное количество официальных мероприятий, конференций и симпозиумов, посвященных инициативе и призванных разрекламировать данный мегапроект.

Подобного рода международные проекты всегда несут в себе целый ряд возможностей и угроз странам, участвующим в них, и тем, которые останутся в стороне от него. В рамках данной статьи мы рассмотрим и проанализируем те угрозы региональной и национальной (стран региона и макрорегиона) безопасности, которые потенциально могут возникнуть после переходе от этапа маркетинга и рекламы к этапу реализации.

Официальные причины для появления новой инициативы – затянувшийся мировой финансово-экономический кризис и стремление Китая преодолеть его последствия. При этом всегда подчеркивалось, что главное даже не интерес Китая, а позитивные последствия для всех участвующих сторон. Суть инициативы заключается в создании новой модели международного сотрудничества на основе двухстороннего и многостороннего взаимодействия, однако с активным китайским участием: китайской инфраструктуры, товаров, услуг, капиталов и др.

Основные, реальные причины появления этого мегапроекта:

1) стремление Китая таким образом решить собственные экономические проблемы: а) минимизировать диспропорции в развитии западных и восточных провинций за счет активного вовлечения запада страны в реализацию инфраструктурных и торговых проектов; б) перенести избыточные собственные производственные мощности вовне, и прежде всего в Центральную Азию; в) решить проблемы безработицы. Китай, таким образом, стремится усилить своих экономических и политических позиции в регионе Центральная Азия, где он усиленно конкурирует с США и Россией;

2) реализация более активной внешней политики при Си Цзиньпине, дипломатии великой державы с китайской спецификой, создание международных отношений нового типа.

Инициатива «Один пояс – один путь» состоит из нескольких проектов. В рамках «Экономического пояса Шелкового пути» предполагается создание трех трансевразийских экономических коридоров: северного (через Россию), центрального (Центральная Азия – Персидский Залив) и южного (Юго-Восточная Азия – Южная Азия) [2].

Однако всё это больше похоже на особенности восточной дипломатии. Вероятность того, что будут реализованы все три коридора, очень близка к нулю. Пекину сейчас очень важна поддержка максимально большого числа стран. Речь идет о создании в первую очередь транспортных коридоров из Китая в Европу. Но строительство всех трех коридоров приведет к тому, что нерентабельными будут все три. Вероятно, после перехода к процессу реализации своих планов Китай, все-таки остановится на одном из трех вариантов (и скорее всего это будет центральный коридор). То есть большинство стран, которые сегодня рассчитывают на получение дивидендов от строительства и начала функционирования «Экономического пояса Шелкового пути», просто останутся ни с чем. Однако процесс уже будет запущен.

Но и при реализации только одного из трех транспортных и экономических коридоров все равно остается очень много вопросов и угроз безопасности. За кажущейся несомненной экономической выгодой всех стран-участниц скрывается несомненная выгода Китая и вероятная – европейских стран. При этом не совсем понятно, чем этот путь будет выгоднее, чем уже существующие сегодня морские контейнерные перевозки (считающиеся на сегодня самыми дешевыми и быстрыми). То есть должна быть несомненная экономическая выгода: либо

ощутимая быстрота доставки (а при расстоянии 8000 км это не является аксиомой), либо дешевизна (что еще более нереально). Для стран Центральной Азии вообще всё это обернется сугубо транзитными перевозками и определенными пошлинами, что безусловно даст определенные финансовые вливания (не сильно значительные), но не даст ощутимого эффекта для экономического развития. Скорее всего Европа получит всего лишь один из возможных способов доставки товаров из Китая и сопредельных территорий. И этого будет мало для того, чтобы окупить все затраты. При этом зависимость центрально-азиатских стран от китайского импорта и от транзитных перевозок значительно увеличится, что является прямой угрозой экономической безопасности этих стран. Надо полагать, что реализация проекта направлена не только и даже не столько на Европу (Китай не может не понимать невозможности конкурировать с морскими контейнерными перевозками), а скорее на сами страны Центральной Азии, на их еще большее вовлечение в китайскую экономическую и политическую орбиту, на реализацию в этих странах транспортной, энергетической инфраструктуры. Кроме того, усиление присутствия Китая в регионе, увеличение объемов его экономических интересов, необходимость охраны транспортных узлов приведет в конечном итоге к поднятию вопроса об охране этих интересов и о размещении военной базы на территории одной из стран региона (что усилит уже не только экономические, но военно-политические позиции Пекина).

Если вернуться к экономической составляющей безопасности, то здесь стоит отметить и тот факт, что большинство инфраструктурных проектов Китая в принципе не окупаются – и это то, с чем сегодня сталкиваются, например, страны Африки. И если для Китая это не является проблемой, так как он решает таким образом свои экономические задачи, которые ставят перед ним особенности плановой экономики, то для стран-реципиентов это превращается в неразрешимую задачу. Убыточные проекты по своей сути так и остаются убыточными.

Определенную пикантность ситуации добавляет начавшаяся в 2018 г. торговая война между США и КНР, что делает реализацию инициативы «Один пояс – один путь» еще более политизированной.

Не стоит забывать и про угрозы экологической безопасности, которые неизбежно возникнут в ходе реализации транспортной и энергетической

ческой составляющей китайской инициативы. Пекин всегда во главу угла ставит экономические задачи, оставляя в качестве второстепенных экологические последствия. Для стран региона это может иметь катастрофические последствия (тем более что водные ресурсы для большинства стран региона являются ключевыми).

В целом можно сказать, что, несмотря на то что уже прошло 5 лет с момента первого упоминания инициативы, Китай по-прежнему занят рекламой и пиаром своей детища и не спешит с его реализацией. И в принципе пока не совсем понятны его границы, масштабы, параметры.

Таким образом, китайская инициатива «Один пояс – один путь», являющаяся китайской попыткой переформатировать современные международные отношения и стать одним из лидеров мир-системы, несет в себе как возможности, так и угрозы странам Центральной Азии и сопредельным государствам, угрозы экономической и энергетической безопасности, которые в конечном итоге могут перевесить возможные выгоды. Поэтому для каждой страны и региона в целом необходим взвешенный, обдуманый подход на этапе реализации инициативы, если таковая вообще начнется.

Список литературы

1. Доклад о работе правительства // <http://russian.cctv.com/2017/03/17/ARTISbjDflMgOp8PcnyeNSff170317.shtml> (дата обращения – 05.10.2018).
2. Экономический пояс Шелкового пути и евразийская интеграция: конкуренция или новые возможности? <https://www.ictsd.org/bridges-news> (дата обращения – 04.10.2018).

РЕСУРСЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КИТАЯ В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Гарбарт М.И.

Национальный исследовательский Томский
государственный университет
maxharbart@yandex.ru

Концепция «мягкой силы» была выдвинута профессором Гарвардского университета Дж. Наем в 1990 г. В разное время работы над концепцией Най давал ей различные определения, однако наиболее полным можно считать его определение «мягкой силы» как «способность влиять на других при помощи приобщающих инструментов, а также при помощи убеждения и привлекательности с целью достижения желаемых результатов» [4]. Понятие привлекательности при этом заняло место одного из главных в рамках концепции, и в данном случае она была обозначена как «возможность способствовать формированию у граждан иностранных государств симпатии и восхищения политической системой и ценностями при помощи культурных, образовательных, идеологических и других ресурсов».

Сегодня «мягкая сила» Китая привлекает внимание множества исследователей. С одной стороны, это связано со стремительным подъемом экономической мощи КНР, растущей вовлеченностью страны в международные процессы и меняющимся имиджем Китая в мире. С другой стороны, это объясняется тем, что китайские власти стремятся активно использовать инструменты «мягкой силы» для продвижения своих международных интересов. В то же время большинство экспертов сходятся во мнении, что китайская «мягкая сила» всё еще серьезно уступает другим государствам, прежде всего США.

Источником «мягкой силы» любого государства выступают различные ресурсы и инструменты, влияющие на имидж страны за рубежом, формирующие позитивный образ в глазах иностранных граждан [3, р. 229]. Определение круга этих ресурсов и инструментов важно для понимания того, как «мягкая сила» может влиять на международные отношения, а также для прогнозирования развития сотрудничества. Очевидно, что для разных государств в разных условиях проводниками «мягкой силы» могут выступать разные вещи, в определенных случаях они могут быть уникальными [2, р. 7].

Ресурсы «мягкой силы» Китая в России можно разделить на две основные группы – те, роль которых можно оценить как высокую, и те, значение которых остается незначительным при формировании «мягкой силы».

Очевидно, что одними из важнейших проводников «мягкой силы» Китая в России являются банальная географическая близость и многовековая история развития отношений. Опыт взаимодействия народов на протяжении долгого времени способствовал формированию образа государств в глазах друг друга, распространению знаний среди широких слоев общества, складыванию стереотипов. Всё это становилось источником формирования образа Китая в России. На разных этапах развития отношений этот образ приобретал различные очертания, однако нельзя отрицать, что до сегодняшнего дня опыт исторического взаимодействия оказывает влияние на формирование имиджа Китая в общероссийских масштабах.

Однако необходимо констатировать, что на современном этапе главным источником формирования позитивного имиджа Китая за рубежом являются его экономические успехи. Подъем экономики способствовал становлению широкого круга факторов, влияющих на укрепление «мягкой силы» КНР, в том числе и в России. На современном этапе к их числу также можно отнести и подъем китайских технологий: растущая популярность китайских интернет-магазинов и развитие китайских технологических компаний вносят свою лепту в улучшение международного имиджа страны, что позволяет говорить об укреплении «мягкой силы».

Новым ресурсом формирования позитивного имиджа выступает сфера образования. Активная популяризация изучения китайского языка за рубежом, чему способствует работа институтов Конфуция, помогает распространять знания о Китае и формировать положительный образ страны. Учреждение стипендиальных программ также помогает привлечь интерес молодого поколения и закладывает основу для дальнейших позитивных изменений образа Китая.

Тем не менее существует ряд ресурсов, которые, несмотря на свой мощный потенциал, оказывают слабое влияние на становление «мягкой силы» Китая в России. Так, например, несмотря на то что власти КНР рассматривают «мягкую силу» прежде всего как «мягкую силу культуры» [1], китайская культура остается уделом энтузиастов, она мало затрагивает обывателей, практически отсутствует в обществен-

ном сознании. Современная массовая культура Китая мало знакома российскому обывателю и потому оказывает незначительное влияние на формирование «мягкой силы».

То же самое можно сказать и о китайских средствах массовой информации. Новости из Китая, за исключением крупных и важных событий, мало выходят за пределы интересующегося сообщества. Это не помогает расширению общей осведомленности общества о Китае, не способствует укреплению китайской «мягкой силы» в России.

Однако важно понимать, что оценивать успех «мягкой силы» только по объему ресурсов и инструментом неправильно, далеко не всегда наличие ресурсов «мягкой силы» трансформируются в улучшение имиджа страны за рубежом. Иными словами, мощь «мягкой силы» зависит не только от наличия ресурсов для ее воплощения, но и от того, как эти ресурсы используются, как выстраивается общая стратегия «мягкой силы» [5, р. 98]. Кроме того, очевидно, что «мягкая сила» также зависит от других направлений международного сотрудничества, от состояния «жесткой» силы, от положения общественного мнения. Эти факторы очень волатильны, но их необходимо учитывать при оценке состояния «мягкой силы». Тем не менее определение круга источников «мягкой силы» другого государства важно при выстраивании собственной стратегии развития отношений с этой страной, анализе текущего состояния сотрудничества и прогнозировании развития кооперации.

Описанные выше ресурсы «мягкой силы» – лишь часть факторов, влияющих на формирование имиджа современного Китая в России. Несмотря на очевидные слабые стороны китайской «мягкой силы», необходимо констатировать, что ее вес и значение с каждым годом растут. Россия должна быть готова к более тесному диалогу и развитию сотрудничества с Китаем, стремиться продвигать собственную стратегию «мягкой силы» и улучшить свой международный имидж. Дальнейший подъем Китая кажется необратимой перспективой, в этих условиях качественная экспертиза и аналитика могут стать залогом взаимовыгодного развития отношений в будущем.

Список литературы

1. *Тарабарко К.А.* «Мягкая сила» культуры: эволюция концепции в трудах китайских ученых // Исторические, философские, политические и юридиче-

ские науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7–2 (69).

2. *Kudryavtsev A.* A Systemic View of the Soft Power // EUI Working Paper RSCAS. – 2014. – № 16.

3. *Kurlantzick J.* Charm offensive: How China's soft power is transforming the world. – Yale University Press, 2007.

4. *Nye J. (Jr.)* The Future of Power // New York: Public Affairs. – 2011.

5. *Patalakh A.* Assessment of soft power strategies: towards an aggregative analytical model for country-focused case study research // Croatian International Relations Review. – 2016. – Т. 22. – № 76.

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ КНР В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»

Данилов В.Д.

Санкт-Петербургский государственный университет
holville@mail.ru

На современном этапе во внешней политике правительство КНР в целом руководствуется пятью принципами мирного сосуществования, выдвинутыми главой МИД Чжоу Эньлаем в 1950 г. В течение 90-х годов XX века в основе китайской внешнеполитической стратегии пребывала также идея Дэн Сяопина о необходимости «держаться в тени и делать малое» – то есть, по возможности ограничив свое участие в международных делах, сосредоточиться на решении внутренних социально-экономических задач. Начало нового тысячелетия было ознаменовано стремительной эволюцией китайского взгляда на внешнюю политику. В рамках XVI съезда КПК (2002 г.) была сформулирована идея о необходимости формирования благоприятного внешнего окружения [3], и позднее она была дополнена теорией «мирного развития» Китая. На официальном уровне была подтверждена взаимосвязь внешней и внутренней политики: дальнейшее развитие страны не представлялось возможным без благоприятной внешней обстановки, но и формирование такой обстановки было возможно только при обеспечении внутренней стабильности, последовательном построении «общества среднего достатка», гармонизации внутренних социальных отношений. Китай продемонстрировал намерение «идти вовне», активно включаясь в международные дела, а следовательно, появилась необходимость в выстраивании собственной внешней культурной политики и формировании национальной стратегии публичной дипломатии.

Говоря о необходимости формирования положительного зарубежного имиджа страны и преодоления доминирующих в западной публицистике представлений о «китайской угрозе», некоторые исследователи обращали внимание на сложность культурного уклада Китая и метафоричность языка. Это делало китайскую точку зрения весьма сложной для понимания в глазах иностранцев. Исходя из этого предполагалось, что для выстраивания конструктивного межцивилизаци-

онного диалога целесообразно было бы впоследствии отказаться от любых концепций и установок, которые заведомо непонятны Западу или могут быть им трактованы негативно (как, к примеру, в случае с теорией «мирного развития», которая в первоначальном варианте была сформулирована как теория «мирного подъема»). Противники данной точки зрения возражали, что, напротив, без акцента на «культурной сложности» Китая достичь взаимопонимания не удастся. Особенности китайской истории, культуры и дипломатического языка сами по себе не являются недостатком, и разумнее было бы выстраивать внешнюю культурную политику с опорой на национальную специфику: продвигать идею сотрудничества через признание различий и сглаживание противоречий, гармонизацию двусторонних и многосторонних связей [9, p. 267].

Идея гармонизации окружающего мира стала одной из ключевых в выступлении Председателя КНР Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК в 2007 г., когда изначально ориентированная на внутреннюю политику идея «гармоничного мира» была предложена в качестве одного из столпов китайской внешней политики. Планировалось, что для гармонизации внешней среды КНР должна содействовать демократизации международных процессов, противостоять политике гегемонизма и силовых методов, уважать культурное многообразие стран, содействовать экономической глобализации [2]. Примечательно, что в рамках данного съезда была также подчеркнута важность культурной составляющей. Действительно, именно культура как совокупность «социалистических ценностей» и богатого исторического наследия должна была стать основой китайской «мягкой силы», идти вровень с экономическим развитием и политическими достижениями. Таким образом, основные постулаты, которые необходимо было продвигать в рамках национальной внешней политики, можно сформулировать следующим образом:

а) Китай – это страна с древней культурой и богатым историческим наследием, поэтому в международном сотрудничестве Китай уважает культуру других народов и сохраняет свою национальную идентичность;

б) Китай – миролюбивое государство, чья внутренняя политика носит ярко выраженный социальный характер, поэтому внешнеполити-

ческая деятельность должна обеспечивать благоприятные условия для роста благосостояния народа;

в) Китай приемлет любое сотрудничество, если оно основано на взаимном признании различий, равноправия и взаимной выгоде.

Публичная дипломатия – это относительно новое понятие во внешнеполитическом дискурсе Китая. Его появление, равно как и применение термина «мягкая сила», следует относить к концу XX – началу XXI века, когда терминология постепенно начала появляться в национальной политической и научной публицистике. Если поначалу она была посвящена осмыслению теории «мягкой силы», то относительно скоро произошла постановка вопроса об адаптации этой теории с учетом национальной специфики. [4, с. 37–40]. Обращение к этим аспектам внешнеполитической деятельности связано со стремлением Китая занять более активную позицию в формировании современного мирового порядка, принять самостоятельное участие в интеграционных процессах глобализации, обеспечить ее более справедливое развитие. С этой целью КНР выступила в качестве соорганизатора Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), БРИКС; вступила в АТЭС и другие интеграционные структуры. В провозглашенной в 2013 г. инициативе «Нового Шелкового пути» Китай ассоциирует себя исключительно как часть общечеловеческой цивилизации. Об этом свидетельствуют многократные упоминания понятий «общая выгода», «единая судьба» и «мирное развитие» в программном документе, предложенном Национальным комитетом развития и реформ (НКРР) [7].

Идеи общей выгоды и единой судьбы мировых цивилизаций – это часть продвигаемой Китаем на данный момент альтернативной картины мироустройства, в основе которой лежит равноправие государств, непрерывный культурный взаимообмен, совместное экономическое развитие. Выступая на юбилейной 70-й сессии Генассамблеи ООН, Си Цзиньпин отметил: «В современном мире все страны взаимозависимы, у них общее будущее. Мы должны... создать международные отношения нового типа, ядром которых будет сотрудничество и взаимный выигрыш, построить сообщество единой судьбы, и нам еще предстоит немало потрудиться» [6].

Уже сейчас достаточно быстро укрепляется образовательное и культурное сотрудничество. КНР активно развивает сеть институтов

Конфуция в странах, расположенных вдоль «Нового Шелкового пути» (264 образовательные единицы в 51 стране по состоянию на 2017 г.) [1]. Также еще с 2014 г. КНР уделяет особое внимание пограничным образовательным обменам, благодаря чему выходцы из бывших советских республик сейчас составляют большинство среди иностранных студентов в университетах Синьцзян-Уйгурского АО и провинции Ганьсу [5].

Стоит отметить, что стратегия публичной дипломатии КНР весьма дифференцирована в своем региональном измерении, хотя вне зависимости от конкретного региона преследует одну и ту же цель: формирование положительного внешнего образа. Так, при выстраивании сотрудничества с развитыми странами Китай занимает «оборонительную» позицию, акцентируя внимание на богатстве своей культуры и вытекающем из этого праве на «особенности» внутреннего уклада, настаивая на том, что политические и культурные различия не являются препятствием для достижения «общей выгоды», особенно экономического характера. Осознавая необходимость преодоления негативных стереотипов на Западе, при выстраивании политики на этом направлении Китай стремится производить впечатление исключительно благонадежного и миролюбивого партнера. В целях достижения этого особое внимание уделяется активному информированию посредством развития сети электронных СМИ, вещающих на зарубежные страны, и организации культурных мероприятий.

В развивающихся странах КНР демонстрирует несколько иной подход: внимание сосредоточено в основном на продвижении идеи об «общности интересов и судьбы», а также на гуманитарном, образовательном и инвестиционном сотрудничестве [4, с. 141]. Иными словами, если Китай нуждается в формировании положительного имиджа в глазах западных партнеров, то он задействует культурную дипломатию и активно привлекает СМИ. Относительно развивающихся стран такой подход не является необходимым, так как развитие образовательных обменов, гуманитарная помощь (в первую очередь странам Африки), инвестиции и декларирование справедливого международного разделения труда в любом случае формируют у данной аудитории образ государства, которое достигло экономического процветания за счет

успешных реформ модернизации страны и стабильного быстрого роста экономики и благосостояния населения.

Таким образом, в течение последних десятилетий «реформ и открытости» китайская внешнеполитическая стратегия, прежде основанная лишь на ограниченной вовлеченности в международные дела, превратилась в доктрину, которую Китай продвигает теперь как основу для выстраивания диалога в общемировом масштабе. Особое внимание при этом уделяется экономическому сотрудничеству и развитию внешних культурных связей. Если поначалу ключевым актором в развитии таковых был Институт Конфуция, то к сегодняшнему моменту проект «Нового Шелкового пути» и сопутствующие ему организации и международные площадки (Международный форум в Боао, Форум Нового Шелкового пути, БРИКС и ШОС) также стали важными платформами для продвижения китайского влияния.

В последней Белой Книге по внешней политике (в ред. от января 2017 г.) наиболее приоритетными странами и регионами для КНР были обозначены АСЕАН, США, Россия и Евросоюз [8]. Однако необходимо отметить, что строительство Нового Шелкового пути требует участия целого ряда развивающихся стран континента. При этом если поначалу интересы Пекина в отношении некоторых из них (к примеру, стран Центральной Азии, Персидского залива) ограничивались обеспечением собственной энергетической безопасности и соответствующим образом выстраивалась его инвестиционная политика, то в последние годы диапазон сфер сотрудничества был значительно расширен. Сближение государств в рамках Нового Шелкового пути, однако, также означает, что Китай должен уделять внимание всем насущным проблемам этих регионов. Всестороннее вовлечение в их решение – важный и крайне затратный процесс: так, по оценочным данным исследовательского института ISEAS-Yusof Ishak (Сингапур), для решения экстренных инфраструктурных, экономических и социальных проблем Азии в самом ближайшем будущем (до 2030 г.) потребуется не менее 8 трлн долларов инвестиций и капиталовложений [9, с. 10–11].

Кроме того, к числу актуальных проблем и вызовов, которые стоят перед азиатским регионом, можно отнести исламский фундаментализм

и оборот наркотиков, и если Китай обладает необходимым потенциалом для постепенного решения острых социальных проблем региона, то обеспечение региональной безопасности в долгосрочной перспективе становится вопросом коллективной ответственности.

Логика, по которой КНР продвигает свою «мягкую силу» на пространстве Евразии, состоит в приоритете последовательного наращивания экономического влияния при гарантиях суверенитета участников международного сотрудничества и социальной ответственности, продвижении китайского языка и культуры посредством образовательных обменов и других форм «культурной дипломатии». Действия КНР как одного из ключевых международных акторов привлекают всеобщее внимание общественности тем, что сотрудничество с ним обещает справедливое международное разделение труда в глобализационных процессах.

Список литературы

1. 516 Институтов Конфуция созданы в 142 странах мира // Синьхуа Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2017-09/30/c_136650568.htm (дата обращения 05.08.2018).
2. Доклад Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК, 15.10.2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007/10/25/content_9120930.htm (дата обращения 09.08.2018).
3. Доклад Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК // Новости Коммунистической Партии Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.cpc.people.com.cn/5774860.html> (дата обращения: 26.07.2018).
4. *Кривохиж С.В.* Публичная дипломатия Китайской Народной Республики: становление и развитие: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.15. – СПб., 2015.
5. *Сергеев М.* Пекин начинает Шелковый путь в СНГ с высшего образования // Независимая газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2014-03-03/1_china.html (дата обращения 02.08.2018).
6. Совместное формирование новых партнерских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы. Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-11/02/content_36956721_2.htm (дата обращения 13.08.2018).

7. China's peaceful development road: Full text. [Official website]. URL: http://en.people.cn/200512/22/eng20051222_230059.html (date of access – 29.03.2017).

8. China's Policies on Asia-Pacific Security Cooperation. January 2017 [Official website]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1429771.shtml (date of access: 2.04.2017).

9. *Tong Siew Mun*. The Politics of the Asian Infrastructure Investment Bank // The Institute of Southeast Asian Studies. – Singapore, 2015.

10. *Wang Yiwei*. Public Diplomacy and the Rise of Chinese Soft Power. // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – Vol. 616. – № 1. – 2008. – P. 257–273.

ЭКСПЕРТНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ПРОЕКТОВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Данков А.Г.

Национальный исследовательский Томский
государственный университет

Расширение российско-китайского сотрудничества во всех областях остро ставит вопрос об экспертном сопровождении совместных проектов, особенно на региональном уровне. Это позволит повысить эффективность и результативность совместной работы в области экономики, образования, культуры и т. д. В этих условиях особую роль могут и должны играть региональные вузы, в которых есть научно-педагогические коллективы, проводящие исследования в области китаеведения, международных отношений и зарубежного регионоведения.

В ситуации, когда региональные университеты сталкиваются с проблемами уменьшения количества студентов, сокращения штатов и прочее, именно практическая экспертиза российско-китайских проектов на региональном уровне позволит, с одной стороны, решить проблему увеличения внебюджетных доходов, а с другой – проблему разрыва теории и практики в системе высшего образования России.

Кафедра востоковедения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета, которая была основана в 2008 г., имеет достаточный опыт участия в подобных проектах. На основе этого опыта можно сделать ряд важных выводов.

Во-первых, на региональном уровне заказчиками могут выступать не так много предприятий или организаций. Большинство крупных компаний на уровне региона в той или иной степени являются частью больших финансово-промышленных групп, которые работают на федеральном уровне и не принимают решения на уровне региона. Поэтому интерес с их стороны к экспертизе не высок. Малый и средний бизнес со своей стороны не достиг того уровня зрелости, который позволяет им сформулировать полноценный заказ на экспертную оценку.

Во-вторых, даже те заказчики, которым нужна экспертиза проектов, не всегда могут четко сформулировать свои цели и требования к экспертам. Зачастую им нужно просто «развивать отношения с Китаем» или запустить «какой-нибудь совместный проект».

В-третьих, не все заказчики готовы к тому, что настоящая экспертиза стоит хороших денег. Обсуждение цены во многих случаях оказывается тем этапом, на котором всё заканчивается. Зачастую предприниматели предпочитают пользоваться услугами студентов, которые за смешные деньги выступают в качестве переводчиков и консультантов, или вообще вычеркивают эту статью расходов. В результате эффективность проектов оставляет желать лучшего.

Среди перспективных для экспертного сопровождения направлений российско-китайского сотрудничества на региональном уровне стоит отметить экспорт образования, региональный туризм и экспорт продукции аграрно-промышленного комплекса.

Экспорт образования является одним из самых перспективных направлений развития сотрудничества. В 2017 г. Правительство РФ утвердило приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», согласно которому к 2025 г. численность иностранных студентов в России должна вырасти в 3 раза и превысить 700 тыс. чел. [1]. Китайский рынок является одним из самых перспективных в этом плане. Поэтому региональные власти и вузы заинтересованы в экспертном сопровождении программ привлечения китайских абитуриентов.

Программы поддержки регионального туризма и экспорт продукции аграрно-промышленного комплекса также создают условия для роста спроса на экспертное сопровождение российско-китайских проектов на региональном уровне.

Список литературы

1. Паспорт приоритетного проекта приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» // Официальный сайт Минобрнауки РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%8B/1355/%D1%84%D0%B0%D0%B9%D0%BB/9551/pasport_-_opublikovannyi.pdf.

ОПЫТ РАБОТЫ СО СТРАНОВЕДЧЕСКИМИ ТЕКСТАМИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ШКОЛЬНИКОВ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ НА СРЕДНЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

Жукова В.А.

Языковая школа «Омский востоковед»
furong86@mail.ru,

Изучение китайского языка невозможно без получения общих знаний по географии, истории, культуре Китая. Вопросы по страноведению, сформулированные на китайском языке, включены в задания Всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку.

Однако в процессе работы со страноведческим материалом преподаватель сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, для изучения страны изучаемого языка отдельные занятия не предусмотрены, в лучшем случае отводится лишь небольшое количество времени на уроках. Во-вторых, отсутствуют пособия по страноведению Китая для школьников. В учебниках по страноведению китайского издательства приводятся длинные и сложные тексты, насыщенные большим количеством новых слов, именами собственными, историзмами и безэквивалентной лексикой, которые, соответственно, записываются редкими иероглифами. Как правило, к таким текстам упражнения совсем не даются или приводятся в малом количестве. В результате этого данный материал оказывается сложным для учащихся. Как правило, его просто читают, при этом усвоения материала на языке не происходит.

Проанализировав существующие пособия, мы пришли к выводу о необходимости упрощения страноведческих текстов и разработке к ним комплекса упражнений. Такие упражнения должны обладать следующими свойствами: 1) сохранение принципа перехода от простого к сложному: слово – словосочетание – предложение; 2) ориентированность упражнений на запоминание учащимися не отдельных слов, а словосочетаний путем многократного повторения без отдельных пояснений грамматики и словоупотребления; 3) нестандартность заданий. Упражнения к страноведческим текстам должны отличаться от остальных заданий, выполнять их должно быть просто и интересно, это позволит максимально облегчить процесс изучения сложного страноведческого материала.

Ниже приведены возможные варианты упражнений к страноведческим текстам.

1) *Задания на запоминание новой лексики.* 1. Заполнить пустые графы в таблице. Дается таблица из трех столбцов: иероглифическая запись слова, транскрипция и перевод, при этом где-то отсутствуют иероглифы, где-то нет транскрипции, а где-то нет перевода. 2. Найти и выписать слова, соединив иероглифы по горизонтали, вертикали, наискосок или в другом порядке. Учащимся предлагается таблица с отдельными иероглифами. 3. Разгадать кроссворд. В самом кроссворде слова записываются транскрипцией с тонами, а внизу в поле с заданиями учащимся необходимо написать слова в иероглифах. 4. Найти лишнее слово в ряду.

2) *Задания на усвоение материала на уровне словосочетаний.* 1. Выписать из текста китайские эквиваленты русских фраз. 2. Соединить слова в левом и правом столбцах так, чтобы получились словосочетания. 3. Найти и исправить иероглиф, написанный с ошибкой, прочитать и перевести полученные словосочетания. В данном упражнении иероглифы приводятся не отдельно, а в словосочетаниях, с которыми учащиеся уже поработали в ходе выполнения других заданий.

3) *Задания на усвоение материала на уровне фраз.* 1. Дополнить предложения. Данные предложения не должны повторяться с текстом, их следует перефразировать, чтобы учащийся смог самостоятельно сформулировать высказывание по тексту. 2. Исправить утверждения.

4) *Творческие поисковые задания на расширение полученных знаний по теме.* Например, если это тема «Подарки», можно предложить учащимся на указанном сайте найти информацию о том, принято ли в Китае дарить цветы, какое символическое значение имеет количество подаренных цветов. Если это тема «抓周儿» (обычай определения будущей профессии ребенка в его первый день рождения), можно дать задание найти на предложенном сайте информацию о том, какие склонности ребенок будет проявлять, если возьмет следующие предметы, и т. д.

После выполнения данных упражнений можно смело давать задание на пересказ текста, составление ситуативных диалогов по теме. Путем многократного повторения у учащихся уже сформировался в активе набор словосочетаний и фраз, которые осталось только соединить в ходе выполнения речевых заданий. Простые упражнения на отдельные слова и словосочетания, а также творческие поисковые зада-

ния можно давать учащимся на дом, на уроке вместе выполнять упражнения на составление высказываний, условно-речевые и речевые задания.

Для усвоения страноведческого материала на китайском языке требуется серьезная адаптация текстов и разработка комплекса несложных и интересных языковых заданий, направленных на многократное повторение и усвоение текстов на уровне словосочетаний и синтаксических единств, после чего можно уже будет переходить к речевым заданиям по теме. В результате ведение беседы на страноведческие темы станет выполнимой задачей для учащихся, существенно расширит их знания и повысит интерес к истории и культуре Китая.

Список литературы

1. *Готлиб О.М.* Китай. Лингвострановедение: учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Восточная книга, 2011. – 192 с.
2. *Демина Н.А.* Китайский язык: учебное пособие / Н.А. Демина, Чжу Канци. – 3-е изд., испр. – М.: Вост. лит., 2004. – 351 с.
3. 轻松学汉语 (Легко изучаем китайский язык) (课本四) / 马亚敏, 李欣颖主编. — 香港: 三联书店(香港)有限公司, 2010.
4. 中国传统文化与现代生活: 留学生中级文化读本 (I) (Традиционная культура Китая и современная жизнь: хрестоматия для иностранных студентов на среднем уровне обучения) / 张英, 金舒年主编. – 北京: 北京大学出版社, 2003.
5. 中国文化 (Культура Китая) / 韩鉴堂主编. – 北京: 北京语言大学出版社, 1999.
6. 中国文化常识 (Общие знания по культуре Китая) (中俄对照) / 任启亮主编. – 北京: 华语教学出版社, 2006.

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА С РУССКИМИ И КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ К ИНОСТРАННОЙ КУЛЬТУРЕ В ПРИГРАНИЧНОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Залесская О.В.

Благовещенский государственный педагогический университет
olgazaleskaya@gmail.com

В настоящее время российско-китайские отношения динамично развиваются, лидеры двух стран согласуют свои позиции по ключевым вопросам внешней политики и экономического взаимодействия. Всё большую значимость во взаимоотношениях двух стран приобретает взаимодействие между регионами, 2018 и 2019 гг. объявлены Годом российско-китайского межрегионального сотрудничества.

На Дальнем Востоке сложилась устойчивая зона приграничного российско-китайского взаимодействия, уже более 100 лет здесь ведется межцивилизационный диалог двух геополитически соседствующих цивилизаций. Сформировались определенные направления межкультурного взаимодействия; формы и степень развития контактов обусловлены социально-экономическими и иными характеристиками.

Одним из важнейших аспектов взаимоотношений являются гуманитарные связи. В региональном контексте они характеризуются тесным повседневным взаимодействием, практической направленностью и конкретными результатами. В эту область взаимоотношений включено обучение китайских студентов в российских вузах, которое в дальневосточной приграничной зоне безусловно имеет свои особенности.

Китайские студенты приезжают на российский Дальний Восток для получения различных специальностей (естественно-научных, технических и гуманитарных), но все они включают в себя процесс овладения русским языком и знакомства с русской культурой. В Благовещенском государственном педагогическом университете китайские студенты (более 200 чел.) обучаются на международном факультете по направлениям «Филология» и «Педагогическое образование» (в рамках бака-

лавриата и магистратуры соответственно), а также овладевают русским языком на подготовительных курсах. Учеба в чужой стране ставит перед ними ряд проблем, одной из основных является проблема адаптации к иной для них культуре.

Отметим, что процесс адаптации китайских студентов на приграничных территориях Дальнего Востока имеет свои особенности и свои отличия в сравнении с процессом адаптации при отъезде на учебу в центральные регионы России. Самым главным отличием является, конечно, исключительная близость Китая, особенно в районе Благовещенска, где переход в Хэйхэ без учета прохождения таможи занимает не более 15 минут. Возможность съездить в Китай на выходные, беспрепятственно использовать китайскую сотовую связь для общения с семьей и родственниками на территории университета и общежитий, осязаемая близость родителей – всё это уменьшает культурный шок. С другой стороны, перечисленные факторы замедляют привыкание к русской культуре, усугубляют изолированность китайских студентов и препятствуют успешному овладению русским языком. В БГПУ одним из путей преодоления существующих проблем адаптации являются воспитательные мероприятия различных форматов. Высокорезультативными мероприятиями в этом направлении мы считаем совместные формы работы с русскими студентами.

В дальневосточной зоне приграничного взаимодействия накоплен богатый исторический опыт взаимоотношений двух стран – России и Китая, для дальневосточников соседство и присутствие китайских граждан является привычным и обыденным. Однако в этом взаимодействии четко выражена оппозиция «свой – чужой», что препятствует адаптации китайских студентов к русской культуре, а также создает серьезный барьер в свободном общении русских студентов (в частности, изучающих китайский язык) с китайскими студентами и в конечном итоге сказывается на уровне изучаемого языка у обеих сторон.

Для преодоления этих трудностей в БГПУ разрабатываются и проводятся различные формы воспитательной работы как внутри- и межфакультетские, так и межвузовские и межрегиональные. Примером масштабного межрегионального мероприятия является ежегодный конкурс по русскому языку как иностранному «Мне русская речь как музыка...» среди студентов вузов Северо-Востока Китая и иностранных студентов вузов Дальнего Востока России (при грантовой поддержке фонда «Русский мир»). С 2011 г. БГПУ ежегодно проводит

Международный слет молодежи «Мир, где нет чужих», в рамках которого русские и китайские студенты реализуют межкультурный диалог в различных формах, учатся успешному межкультурному общению.

Международный факультет и факультет иностранных языков БГПУ для китайских студентов и русских студентов-китаистов совместно проводят страноведческие клубы, информационные встречи, интерактивные квесты. Практикуются бинарные языковые занятия, где преподаватели используют виды упражнений, направленные на развитие навыков устного общения, преодоление языкового барьера, овладение повседневной лексикой. На таких занятиях присутствуют две группы студентов (русская и китайская), и занятие ведут два преподавателя. Ежегодно организуется совместное мероприятие, приуроченное к памятным историческим датам (День Победы, 55-летие первого полета человека в космос, 70-летие окончания Второй мировой войны), где сценаристами, режиссерами, ведущими и актерами выступают русские и китайские студенты. В процессе совместной подготовки они взаимно учатся понимать и слышать носителя другой культуры.

Итак, в дальневосточной приграничной зоне активно контактируют представители двух разных цивилизаций (славянской и конфуцианской) – русские и китайские студенты. И различные формы воспитательной работы, реализуемые в объединяющем их едином вузовском пространстве, способствуют их адаптации к иной культуре, преодолению языкового и психологического барьеров при диалоге с носителями иного культурного кода, укреплению межкультурного российско-китайского взаимодействия.

НЕГАТИВНАЯ ОЦЕНКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ С УЧАСТИЕМ КНР

Зарубин А.Н.

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
zarkaman@mail.ru.

В последнее десятилетие наблюдается прогрессирующее развитие всех видов отношений КНР и РФ. Если с политической составляющей проблем практически нет, то с экономическим сотрудничеством ситуация остается далеко не идеальной. Даже провозглашенный в 2014 г. президентом России В.В. Путиным «поворот на Восток» с российской стороны остался без необходимого ресурсного обеспечения, а с китайской был просто незаметен. Если в период с 1991 по 2000 г. специалисты отмечали в основном рост приграничной торговли и тихую экспансию китайского мелкого бизнеса на территорию Восточной Сибири и Дальнего Востока, то сейчас на первый план вышли инвестиции крупного китайского бизнеса в различные сферы российской экономики.

Предприниматели из Китая всегда обращали внимание на обеспечение собственных прав и преференций. Это касалось как торговли (с самого ее начала, включая приграничную), так и современных инвестиционных проектов. С российской стороны в обеспечении прав инвестора заинтересована главным образом государственная власть, ее ключевая задача – создание благоприятного информационного сопровождения деятельности иностранной компании в любом российском регионе. Китайские компании склонны искать преференции в таких областях, как налоговая нагрузка, иммиграционная политика государства, таможенная бюрократия, коррупция региональных и местных чиновников и т. д. После того как пришло осознание отсутствия адекватной альтернативы китайскому капиталу, которое не слишком скрывала российская власть, представители китайского бизнеса стали в мягкой форме настаивать на таких преференциях, а в отдельных случаях требовать их. Таким образом, появились беспрецедентные случаи появления в России отдельных анклавов с особыми экономическими условиями с такими наименованиями, как «Особая экономическая зона», «Зона опережающего развития» и им подобные. Президент России В.В. Путин на различных экономических форумах, политических

площадках, саммитах с участием представителей бизнеса Китайской Народной Республики неоднократно лично призывал последних делать вложения в РФ, обещая и налоговые преференции, и таможенные льготы, и прибыль, во много раз превышающую вложения инвестора¹. Это говорит о том, что на фоне общего инвестиционного климата России любой крупный инвестор, приходящий с целью вложений в российскую экономику, ценится очень высоко, и зачастую для него делаются определенные уступки, в некоторых случаях – существенные. В комплексе это создает впечатление гораздо большей заинтересованности России в инвесторах из Китая, чем наоборот. Отсутствует система поиска партнеров, оценка их кредитоспособности, особенно это касается регионального уровня.

Целью данной работы является изучение недобросовестного исполнения представителями китайской стороны своих коммерческих обязательств в рамках инвестиционных проектов, а также описание алгоритма работы предпринимателей из Китайской Народной Республики по достижению через данные проекты своих корыстных, а иногда преступных целей, в том числе и путем определенных схем взаимодействия с представителями российской власти и бизнеса.

Актуальность работы заключается в том, что в настоящее время, как уже было сказано выше, большое значение приобретает выход китайского капитала на рынок российских инвестиционных проектов, и от того, насколько качественно полезным будет этот выход, зависит будущее социально-экономическое развитие как отдельных регионов России, так и всей страны в целом. Во многих случаях лица, пришедшие в проект, являются не конечными инвесторами (выгодополучателями или стейкхолдерами), а лишь представителями промежуточной инстанции-посредника, которая сама не располагает достаточным количеством финансовых средств, необходимых для долгосрочных капиталовложений (в этом случае переговоры могут затянуться на продолжительный срок), либо представители КНР, добившиеся участия в проекте, вовсе не являются предпринимателями как таковыми и не нацелены на развитие проекта.

Исследование проводилось на примере двух инвестиционных проектов, реализуемых в Челябинской и Кемеровской областях. Реализа-

¹ Из выступления президента России В.В. Путина на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», 19.10.2017, г. Сочи.

ция обоих проектов замыкалась на компаниях совместного капитала, созданных с китайской стороны одним человеком. При этом за два года ни тот ни другой проект не получил даже первичного, базового старта. Всё завершалось на уровне документооборота: соглашений с региональными властями, контрактов с муниципальными чиновниками. В одном случае (Кемеровская область) вариантом сотрудничества является вхождение китайского инвестора в ТОСЭР.

Стоит отметить, что вопрос налоговой нагрузки на инвестиционные проекты крайне важен для инвесторов из Китайской Народной Республики и поднимается одним из первых на любых переговорах. Поскольку по законодательству никакими иными способами, кроме как создание какого-либо вида особой экономической зоны на территории проекта, удовлетворить их требования невозможно, местным властям приходится идти на уступки, чтобы не потерять потенциального инвестора, в то же время действовать в рамках закона. Создание ТОСЭР возможно только при наличии соглашения инвестора с первым лицом субъекта РФ, исследования рынка, технико-экономического обоснования проекта, а также подробного бизнес-плана.

Китайская сторона такого рода информацию зачастую не предоставляет, а проектная работа не проводится. При этом ТОСЭР в г. Юрга Кемеровской области не просто была создана в короткий срок, но и с формулировкой основной цели – «привлечение иностранных инвесторов для создания в городе одного из логистических центров Сибири»².

По итогам оценки деятельности двух предприятий, созданных китайской стороной и заявленных как иностранные инвесторы, практических результатов, способствующих развитию экономики и инфраструктуры населенных пунктов и регионов, за два года не обнаружено. Более того, 22 января 2018 г. губернатор Кемеровской области Аман Тулеев подписал соглашение с ООО «Объединенная деревоперерабатывающая торгово-промышленная компания» о создании на 50 гектарах ТОСЭР (г. Юрга) фабрики по производству мебели евростандарта. По словам мэра города Юрги, компания планировала выпуск подобной продукции уже несколько лет. Данная компания может рассчитывать на налоговые льготы, однако для региона это крупный логистический

² Из выступления премьер-министра РФ Д.А. Медведева на заседании Правительства РФ, 13.06.2016, г. Москва.

проект, с которым изначально пришла в регион китайская компания. Промышленное производство даже не планируется.

Суммируя факты, можно сделать первый вывод: компании, которые являлись инициаторами этих двух проектов, не преследовали цель фактической их реализации. А если целью не ставилась реализация проектов и при этом компании не уходили из регионов, создавая видимость деятельности в них (как, например, подписание соглашения по новому инвестиционному проекту в Кемеровской области), то можно сделать второй вывод, что продолжительное пребывание данных компаний в регионах, владение ими финансовыми активами (в основном срочными вкладами под проценты) и объектами в этих регионах уже является целью исходя из того факта, что других реально осуществляющихся целей у данных компаний за два года определить не удалось.

Ни для кого не секрет, что с приходом в Китае к власти Си Цзиньпина началась новая волна борьбы с коррупцией на всех уровнях, что является условием экономического развития страны. Чиновники и предприниматели вынуждены были отчитываться перед бесчисленными вновь созданными антикоррупционными комитетами в буквальном смысле за каждый потраченный и заработанный юань. Однако из истории Китая известно, что коррупционная система в Китае складывалась не одну тысячу лет, превратившись из экономического явления в своеобразный культурный пласт, и чем строже становится борьба с ней, тем более хитроумные и смелые способы придумываются для избежания наказания.

После экономического кризиса 2014–2015 гг. и разворота России на Восток в сфере экономики и инвестиций Россия автоматически стала площадкой для испытания этих новых способов для недобросовестных предпринимателей из КНР. Этому способствует ряд факторов, создаваемых и поддерживаемых прежде всего российской стороной:

- 1) ничем не прикрытая заинтересованность российских властей (особенно на местах) в инвестициях из Китая;
- 2) безальтернативность проектов китайской стороны;
- 3) прямые указания представителей федеральной власти муниципальным чиновникам о привлечении в регион иностранных инвестиций для его развития;

4) к косвенному, но не менее важному фактору следует отнести фактическую неграмотность российских чиновников на местах во взаимоотношениях с представителями КНР.

В ситуации, когда описанные факторы рассматриваются в совокупности, мы констатируем увеличение количества так называемых «мертвых» проектов, с которыми связан китайский капитал. Для представителей КНР данные проекты и объекты под них – крайне эффективный способ придания своим собственным денежным средствам, приобретенным во многих случаях преступным путем, законного происхождения для многочисленных проверок по линии противостояния коррупции в Китае. А та легкость, с которой им удастся реализовывать схемы приобретения этих объектов и земель без обязательной реализации инвестиционного проекта, заставляет их всё чаще обращаться к подобным схемам в своей деятельности.

На примере проектов, описанных в данной статье, можно вкратце описать основные этапы реализации данной схемы с российской и с китайской сторон.

1. На начальном этапе в новый регион прибывает представитель Китайской Народной Республики, как правило, на основании хороших межличностных отношений с человеком, представляющим либо крупный бизнес региона, либо его муниципальную власть, с целью осуществления в регионе перспективного инвестиционного проекта, и представляет гражданина КНР местным властям как крупного предпринимателя и влиятельное лицо в Китае.

2. Далее начинаются переговоры, на которых предприниматель из КНР сразу захватывает инициативу и начинает диктовать свои условия, которые, как правило, связаны с налоговыми преференциями, особыми правами на имущество, землю и т. д.

3. Местные средства массовой информации распространяют среди местного населения информацию о проекте. Это сопровождается появлением иногда противоречащих друг другу слухов, тем не менее способствующих укреплению положения предпринимателя из КНР в обществе, поскольку новый проект обещает огромное количество рабочих мест.

4. Когда в обществе у предпринимателя из КНР уже создана положительная репутация и местное население (а также заинтересованные компании) ждут начала реализации проекта, оказывая давление на местные власти, последние удовлетворяют все требования предприни-

мателя из КНР, и на этом этапе с ним подписываются все необходимые ему соглашения и контракты на его условиях.

5. После этого ажиотаж вокруг проекта внезапно стихает, активность предпринимателя из КНР падает, а в иных случаях он и вовсе покидает регион, силовые структуры не вмешиваются, местные власти не делают никаких заявлений, и вся ситуация так и остается в «подвешенном» состоянии на неопределенное время.

Подводя итог исследования, необходимо в первую очередь отметить, что для местных властей регионов, в которых планируется осуществление инвестиционных проектов с привлечением капитала, связанного с Китайской Народной Республикой, очень важно на раннем этапе выявить подобную схему работы и приложить все усилия, чтобы избежать её. Для этого необходимо на начальных этапах переговоров делать следующие практические шаги:

1) оговаривать для китайской стороны основной принцип совместной работы: все этапы будущего проекта должны осуществляться в строгом соответствии с законодательными и правовыми нормами Российской Федерации, и любое отступление от них недопустимо;

2) требовать от китайской стороны все необходимые документы по реализуемому проекту до подписания с ней каких-либо соглашений и контрактов;

3) не затягивать переговоры, но и не препятствовать развитию переговорного процесса бюрократическими проволочками;

4) тщательно изучать бэкграунд компании, реализующей проект, и лиц, ведущих переговоры, обращая особенное внимание на то, какие проекты и в каких регионах России и Китая компания реально довела до логического завершения;

5) после подписания соглашений и контрактов необходимо создавать совместную рабочую группу для контроля за исполнением в срок всех намеченных работ по проекту;

6) на начальном этапе переговоров избегать освещения будущего проекта в средствах массовой информации для контроля за информационным фоном в регионе, касающимся проекта;

7) избегать ситуации, когда кто-либо из заинтересованных лиц с российской стороны вступает в личные взаимовыгодные отношения с представителями китайской стороны;

8) в процессе переговоров необходимо создавать у китайской стороны ощущение конкурентной борьбы с некоей стороной, которая также заинтересована в данном проекте;

9) в процессе переговоров необходимо в качестве консультантов и переводчиков привлекать квалифицированных специалистов-регионоведов с опытом работы в подобных проектах.

В целом, несмотря на общий негативный тон данной статьи, необходимо отметить и положительный момент: помимо того, что в Российской Федерации всё чаще и чаще замечается появление подобных пустых инвестиционных площадок, нельзя не констатировать факт того, что с каждым годом растет количество реализуемых совместных российско-китайских проектов. Именно поэтому отказываться от китайских партнеров как таковых – крайне неперспективная идея для региона. Однако, учитывая внешнеполитическую и внутриэкономическую ситуацию в Российской Федерации, необходимо крайне осторожно начинать и развивать сотрудничество с представителями этой страны. Только интеллектуальный и законный подход к такому сотрудничеству приведет к положительному экономическому эффекту для региона и для страны в целом, а также станет площадкой для реализации более масштабных проектов в будущем.

Список литературы

1. Выступление президента России В.В. Путина на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», 19.10.2017, г. Сочи.
2. Выступление премьер-министра РФ Д.А. Медведева на заседании правительства РФ, 13.06.2016, г. Москва.
3. Выступление главы Кусинского района Челябинской области В.Н. Пенягина на совещании районной администрации 30.10.2016, г. Куса, Челябинская область.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СПОР В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ КАК ВЫЗОВ ПРОЕКТУ «МОРСКОЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ В XXI ВЕКЕ»

Золотухин И.Н.

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
zolutukhin.in@dvfu.ru

Выдвинутая Председателем КНР Си Цзиньпинем во время его визита осенью 2013 г. в Индонезию идея транспортного коридора – Морского Шелкового пути (МШП), как и предложенная ранее инициатива Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), стали ключевым элементом построения новой модели международного сотрудничества, в которой роль Китая акцентирована на укреплении взаимодействия на пространстве Евразии.

Актуальность мегапроекта МШП, финансирование которого было возложено на специально созданные институты – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Фонд Шелкового пути и Банк Морского Шелкового пути [Yale, 2015], заключается в том, что единственный маршрут, по которому происходит обмен между Китаем и остальным миром, пролегает через Южно-Китайское море (ЮКМ) [Комиссина, 2017: 60].

Несмотря на важное экономическое значение ЮКМ в региональном масштабе, его акватория является зоной перманентных территориальных проблем, в которых принимают участие не только островные государства Юго-Восточной Азии (ЮВА) и Китай, но и косвенно вовлечены внерегиональные игроки [Blanchard, Shalal, 2015].

Главные противоречия сконцентрированы вокруг островов Парасельские и Спратли, контроль над которыми обеспечивает доступ к морским коридорам, позволяет создавать инфраструктурные объекты, в том числе двойного назначения. В условиях обострения конфликта в ЮКМ возникнет необходимость использования других транспортных маршрутов, что приведет к существенному увеличению стоимости перевозок товаров и нежелательным последствиям для международных рынков.

Китайские грандиозные планы в реализации трансконтинентальных инфраструктурных проектов нельзя рассматривать отдельно от

амбиций Пекина, связанных с обеспечением интересов национальной безопасности. Китай, как обладающий наиболее внушительным силовым и экономическим потенциалом участник спора, продолжает отстаивать свои исторические права над 4/5 акватории ЮКМ. Искусственно расширяя площадь контролируемых в ЮКМ территориальных объектов, Китай не только заметно укрепил свое положение, но и обозначил готовность отстаивать свои интересы за счет размещения на островах элементов военной инфраструктуры. Большое значение Пекин уделяет патрулированию спорных вод и созданию над ЮКМ опознавательной зоны ПВО.

Китай обладает стратегическим видением ситуации, понимая важность контроля над акваторией ЮКМ, который помогает ему отстаивать свои геоэкономические интересы. С другой стороны, Пекин, опираясь на экономические возможности, способен использовать инфраструктурные проекты (в том числе МШП) для своего политического влияния, но степень воздействия такой дипломатии зачастую им переоценена.

Споры в ЮКМ вряд ли принципиально повлияют на стремление стран АСЕАН расширять сотрудничество с Китаем, но нерешенность проблем и китайские действия могут привести к политическим осложнениям. Ведущие внерегиональные игроки (США, Япония, Индия, Россия, Австралия, Франция, Великобритания) солидарны в стремлении не допустить открытой конфронтации в акватории ЮКМ. Россия более осторожна в трактовках по поводу соблюдения Китаем свободы мореплавания и недопущения китайской экспансии как угрозы региональной безопасности и мировой торговли. Остальные акторы явственнее выражают обеспокоенность действиями Китая и несогласие с его территориальными претензиями. Суммарный военно-стратегический потенциал внерегиональных морских держав превышает китайский и, действуя сообща, они представляют для Китая более весомую силу, нежели его оппоненты по спорам из числа стран ЮВА.

Состояние территориального спора в ЮКМ в настоящее время определяют такие факторы, как взаимозависимость сторон конфликта, разногласия сторон по конвенциональным аспектам территориальной проблемы, сохранение напряженной ситуации в акватории ЮКМ и интернационализация территориального конфликта. Перспективы развития ситуации зависят не только от характера отношений между участниками спора, но и от их готовности направить свои позиции в

конструктивное русло и не допустить обострения кризиса. По мере нарастания перманентной напряженности в ЮКМ будет усиливаться степень заинтересованности международного сообщества в оказании влияния как на взаимодействие сторон, так и на управление конфликтом с целью не допустить его перерастания в вооруженное столкновение.

Вместе с тем нагнетание обстановки в ЮКМ не выгодно как самим участникам конфликта, так и косвенно вовлеченным в него ведущим внерегиональным игрокам: слишком высоки ставки, велики риски и непредсказуем результат. Синергетический эффект от МШП гораздо значительнее сомнительного исхода геополитического соперничества. С другой стороны, реализация проекта МШП сталкивается с политическими рисками, вызванными усилением китайского морского присутствия.

Список литературы

1. *Комиссина И.Н.* Морской Шелковый путь в XXI в. – глобальный геополитический проект Китая // Проблемы национальной стратегии. – 2017. – № 1. – С. 60–81.

2. *Ben Blanchard and Andrea Shalal.* Angry China shadows U.S. warship near man-made islands [Электронный ресурс] // Reuters, 28 October 2015. – URL: <http://www.reuters.com/article/2015/10/28/us-southchinesea-usa-idUSKCN0SK2AC20151028>_(дата обращения: 19.09.2018).

3. *William Yale.* China's Maritime Silk Road Gamble [Электронный ресурс] // The Diplomat. – April 22, 2015. – URL: <http://thediplomat.com/2015/04/chinas-maritime-silk-road-gamble/> (дата обращения: 22.08.2018).

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОДЫ В ПРЕПОДАВАНИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Ибрагимова Р.Р.

Новосибирский государственный педагогический университет
itr1986@ya.ru

С каждым годом увеличивается количество людей, изучающих китайский язык как в вузах, так и на курсах. Однако не все из них смогут на должном уровне владеть языком и общаться с носителями китайского языка, поскольку сегодняшний день для полноценного общения на китайском языке требует от специалистов не только владения грамматикой и лексикой, но и обладания неязыковыми знаниями, связанными с историей, культурой и литературой страны изучаемого языка. Сейчас в программы вузов, где изучается китайский язык, включены предметы данного цикла, однако часто эти предметы существуют абсолютно отдельно и воспринимаются студентами как дисциплины, не связанные друг с другом.

Интегрированное преподавание китайского языка и смежных дисциплин по географии, страноведению, культуре, истории, искусству и литературе Китая не только позволяет сформировать у студентов целостную картину о стране изучаемого языка, но и повышает мотивацию и интерес к обучению, а также помогает учащимся легче осваивать язык. Это возможно благодаря проведению ассоциаций, пониманию происхождения слов и выражений. Причем включение лингвокультурологического и лингвострановедческого аспектов должно начинаться с начального уровня. В то же время знание лексики и иероглифики позволяет лучше запоминать страноведческий материал (например, топонимы, имена исторических деятелей и т. д.). Так, в первом семестре первого курса в любом вузе учащиеся уже знакомы с иероглифами 司 – управлять и 马 – лошадь. При изучении истории Китая студентам значительно легче будет запомнить имя ханьского историка Сыма Цяня, если обратить их внимание на то, что фамилия великого историка произошла от названия должности главы военного приказа (司 马). Кроме того, знание иероглифики облегчит не только запоминание названия провинций, но и их расположение: Хэбэй 河北 (к северу от

р. Хуанхэ) – Хэнань 河南 (к югу от р. Хуанхэ), Хубэй 湖北 (к северу от оз. Дунтинху) – Хунань 湖南 (к югу от оз. Дунтинху), Цзяннань 江南 (к югу от р. Янцзы) и др. В свою очередь, знание истории позволит понять, откуда произошли сокращенные названия провинций и городов: пров. Шаньси – Цзинь 晋 (от царства Цзинь, находившегося на территории современной пров. Шаньси), Шанхай 上海 – Ху 沪 (от древнего названия нижнего течения реки Хуанпу – Худу 扈渚).

С первых занятий стоит обращать внимание студентов на этимологию иероглифов. Этимология иероглифов связана с культурой и историей Китая. Такая работа с иероглификой упростит запоминание иероглифа учащимися и значительно обогатит их знания о стране. Например, когда изучаются простые фразы на тему «Знакомство», при изучении иероглифа 姓 у обучающихся возникает вопрос, почему ключевой графемой является 女, так как для Китая исторически характерен патриархат. На помощь студентам и преподавателю приходит словарь «Шовэнь цзецзы», в котором дается объяснение этимологии данного иероглифа: «Тот, кто рождает. Древняя богиня растрогала небо и родила сына. Отсюда и название – Сын Неба». То есть 姓 обозначает того, от кого идет род.

При изучении графем студентам не всегда понятно различие графемы «верх» 宀 и иероглифа 上. Знак 丨 располагается выше основной линии 一, в более поздних формах знак всё больше изменялся. В современном написании 上 сохранился в виде древней формы 上 как графема иероглифов, например, известная студентам 旁.

На более продвинутом уровне при изучении эмоций стоит обратить внимание на то, что во многих словах, обозначающих эмоции или качества людей, присутствуют иероглифы, обозначающие внутренние органы. В рамках основных часов, отведенных в учебном процессе на изучение китайского языка, в большинстве случаев нет возможности подробно останавливаться со студентами на теории ТКМ, однако можно кратко рассказать о системе У син (пять элементов) и ее влиянии на медицину. Это не только расширит кругозор студентов, но и поможет им понять, как образуется слово, и значительно облегчит изучение лексики.

Например, 肝气 – раздражимость, вспыльчивость, неуравновешенность. Этимология слова происходит из ТКМ, в соответствии с кото-

рой Ци печени отвечает за эмоциональную активность человека [Зайцев, 2013:7]. Под 肝气 подразумевается застой (избыток) Ци печени, что вызывает раздражительность и беспокойство у человека.

Несмотря на то что важной частью китайского языка являются фразеологизмы, однако этому аспекту уделяется крайне мало времени, и выпускники вузов порой знают не больше двух чэньюев. Отдельно заучивать чэньюи малоэффективно. Значительно полезнее и результативнее использование их при изучении той или иной темы. В процессе изучения чэньюев учащиеся овладевают лингвистическими и социокультурными компетенциями. Также можно изучать истории, связанные с тем или иным фразеологизмом, на занятиях по чтению, аудированию или разговорному языку. Несомненно, что такой метод позволяет охватить и грамматику, и лексику, а также затронуть исторические и культурные аспекты. Примером может стать изучение чэньюев для описания погоды и сезонов года: 风和日丽, 春暖花开, 秋高气爽 и др.

Во многих вузах на сегодняшний день выделено крайне мало аудиторных часов на изучение китайского языка, однако применение вышеизложенных методов может значительно упростить освоение материала учащимися и сэкономить часть часов за счет объединения занятий по языку и неязыковым дисциплинам.

Подготовка к занятиям, изучение и освоение нового материала не должны осуществляться на абстрактном, далеком от реальности материале. Это несомненно понижает интерес учащихся к языку. Применение лингвокультурологического и лингвострановедческого методов дает возможность студенту стать действительно равным партнером в учебном процессе, занять активную позицию в изучении языка, истории, географии, страноведения и культуры Китая в широком понимании.

Список литературы

1. *Ахметсафин А.Н.* Китайская медицина: Избранные материалы. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. – 160 с.
2. *Зайцев С.В.* Печень в традиционной китайской медицине. – М.: Синофарм, 2013. – 47 с.
3. 说文解字 [Электронный ресурс]: – URL: <http://www.zdic.net/z/swjz/> (дата обращения 5. 09. 2018 г.).

РОССИЙСКО-КИТАЙСКАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Исаев А.С.

канд. истор. наук, заместитель руководителя Центра изучения
и прогнозирования российско-китайских отношений
Института Дальнего Востока РАН, г. Москва
aisaev51@mail.ru

Важнейшим показателем зрелости внешнеэкономических связей считают объемы товарооборота. Не отвергая этот принцип, заметим, что показатели современного международного сотрудничества носят многовекторный характер и охватывают не только торговлю, но и финансовое, инфраструктурное, технологическое сотрудничество и, что важно, производственную кооперацию. Анализ современного состояния российско-китайских связей показывает, что стороны демонстрируют готовность к новым формам совместной деятельности. Об этом свидетельствует последнее заседание российско-китайской Подкомиссии по промышленности и торговле, состоявшееся в сентябре 2018 г. в Куньмине (КНР).

Прежде чем остановиться на этом вопросе, отметим ситуацию в двусторонней торговле. 2015 г. оказался годом резкого обвала двустороннего товарооборота, что было вызвано падением цен на нефть и санкциями Запада. В 2016 г. объем торговли между РФ и КНР вырос на 2,2 %, составив \$ 69,525 млрд. В 2017 г. торговля выросла уже на 20,8 %, до \$ 84,07 млрд, и вернулась к показателям 2013–2014 гг. [1, с. 251–252]. В текущем году прирост ожидается не менее 25 %, и впервые двусторонняя торговля превысит \$ 100 млрд.

Российская экономика адаптировалась к санкционным условиям и вернулась к развитию. Эта тенденция характерна для всего спектра экономического взаимодействия России с внешним миром и объективно стимулирует сотрудничество двух стран.

Прошедшее в сентябре 2018 г. в г. Куньмине заседание российско-китайской Подкомиссии в области промышленности и торговли показало, что производственный потенциал взаимодействия начинает работать прежде всего на межрегиональном уровне. Напомним, что уже по

результатам первого заседания Подкомиссии в 2016 г. были подписаны несколько конкретных соглашений. В рамках работы Подкомиссии состоялось подписание ряда важных документов о сотрудничестве.

По данным Минпромторга РФ, компания «РариТЭК Холдинг» стала участником двух соглашений о стратегическом партнерстве с компаниями КНР по строительству в Набережных Челнах производственного комплекса по установке криогенных систем, а также газовых и дизельных двигателей для автомобильной, тракторной и судовой техники, гибридных систем по производству газопоршневых и дизельных электростанций. Национальная ассоциация участников рынка робототехники заключила соглашение о партнерстве с Китайской ассоциацией робототехники по расширению международной коммуникации в данной области и сотрудничеству в области стандартизации. Теперь РФ и КНР могут прямо говорить о соединении научно-интеллектуальных и производственных потенциалов двух соседей.

Сегодня эти возможности расширились и вышли за рамки двусторонних связей. К реализации идеи по созданию российско-китайского широкофюзеляжного самолета подключают другие страны. Шесть компаний, включая General Electric и Rolls Royce, направили предложения по разработке силовой установки для российско-китайского широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета CR929.

Оператором проекта CR929 выступает Китайско-российская международная коммерческая авиастроительная компания с ограниченной ответственностью (China-Russia Commercial Aircraft International Corporation, CRAIC). Программа CR929 переходит к этапу эскизного проектирования. Одновременно начинается отбор поставщиков авиационных систем и оборудования, который продлится около полутора лет. В базовой комплектации авиалайнер будет рассчитан на 280 мест с дальностью полета 12 тыс. километров. Собирать самолет будут в Шанхае, а проектировать – в России. Общий бюджет программы оценивается в \$13 млрд.

Россия и Китай ускоряют переговорный процесс по проекту совместно разрабатываемого тяжелого вертолета АНЛ (Advanced Heavy Lifter). По соглашению 2016 г. российский холдинг «Вертолеты России» осуществит инвестиции в проект в виде технологий, а также разработает техническое предложение и отдельные системы новой машины на контрактной основе. Китайская сторона займется проекти-

рованием, постройкой опытных образцов, проведением испытаний, сертификацией, а также продвижением вертолета.

Практическое взаимодействие идет значительно дальше авиастроительной отрасли. Оно охватывает горнодобывающую и перерабатывающую промышленность, логистику и транспортную инфраструктуру, автомобилестроение, сырьевую отрасль, энергетические ресурсы и др. На Дальнем Востоке реализуются более 40 инвестиционных проектов с участием Китая общим объемом капиталовложений \$2,7 млрд [2, с. 89]. Изучаются проекты по строительству нескольких целлюлозных комбинатов. Инвестиции КНР в освоение Сибири и Дальнего Востока пока невелики. Но даже в этом случае Китай стал ведущим иностранным инвестором дальневосточных проектов. Тем не менее доля Китая в инвестициях в Россию весьма незначительна, по разным оценкам она составляет 1...2 % общего объема накопленных зарубежных капиталовложений Китая [3, с. 83]. Удельный вес России в общей сумме привлеченных КНР иностранных инвестиций еще меньше – 0,2... 0,12 % [1, с. 83]. Сегодня ситуация начинает корректироваться в пользу увеличения инвестиций из КНР. В 2017 г. наблюдалось увеличение инвестиционной активности китайских компаний на российском рынке недвижимости. Положительным трендом развития инвестиционного сотрудничества стала диверсификация в сторону технологичных проектов, причем интерес к стартапам и перспективным технологиям отмечался как с китайской, так и с российской стороны [4, с. 82].

Безусловно, по ряду проектов переговоры идут сложно. Но бизнес нарабатывает опыт взаимодействия, хотя до этого активно изучали и применяли практику ведения дел с Западом. Теперь настало время для прямых производственных связей между партнерами, для которых характерны отсутствие идеологических расхождений и санкционной паранойи.

Процесс налаживания производственной кооперации сталкивается с рядом проблем, среди которых следует выделить следующие:

– слабое знание законодательства и России, и Китая. Китай нередко настаивает на экономическом взаимодействии «по китайским правилам», а в случае их неприятия предлагает опираться на свой опыт деловых связей с США и Европой. Сейчас приходит осознание того, что на российской территории следует играть по российским правилам;

– нередко китайский бизнес во взаимоотношениях с российскими партнерами учитывает экономические санкции Запада против России и старается избегать взаимодействия в тех сферах, на которые распространяют западные санкции (финансовые транзакции, банковская сфера);

– при реализации тех или иных инфраструктурных и промышленно-производственных проектов в России китайские партнеры обуславливают свои капиталовложения использованием рабочей силы из КНР, что в ряде случаев вызывает недовольство нашего населения;

– длительное время китайский бизнес ориентировался в России на ресурсно-сырьевой сектор, а также продвижение товаров китайского производства. Понимание того, что экономическое взаимодействие двух стран нуждается в реструктуризации, происходит медленно;

– китайские предприниматели длительное время ориентировались на европейские регионы России, и лишь в последние годы ситуация начинает меняться, охватывая сибирский, байкальский и дальневосточный регионы;

– китайский бизнес имеет почти 40-летний опыт работы на международных рынках, у России такой опыт (кроме нефтегазового сектора) ограничен последним десятилетием. Длительное время бизнесмены из Поднебесной активно использовали слабости российской экономики и ориентировались сначала на бартерную торговлю, затем мучительно переходили на торговлю валютой, активно пользовались возможностями российских добывающих отраслей, лесной промышленности. Старые методики китайские предприниматели по-прежнему пытаются применять при выходе на российский рынок;

– существуют проблемы со статистикой: внешнеэкономические службы, отчитываясь перед руководством в преддверии саммитов или встреч глав правительств, завышают статданные либо прибегают к манипуляциям с ними, что создает бодрую, но искаженную картину взаимодействия.

Тем не менее обе страны параллельно учатся друг у друга, всякий раз преодолевая те проблемы, которые стоят перед ними в экономике. Сегодня можно говорить о том, что Россия и Китай заинтересованы в развитии промышленного взаимодействия и стоят на пороге производственной кооперации. Сумеют ли они перейти через этот порог? Лично я надеюсь на это, хотя есть и другие точки зрения. Две страны долго шли к совместному производству, и кое-что уже начали делать на этом пути.

Список литературы

1. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2017–2018. – М.: Форум, 2018. – 436 с.
2. Решения XIX съезда КПК и перспективы российско-китайских отношений / отв. ред.-сост. А.О. Виноградов. – М.: ИДВ РАН, 2018. – 112 с.
3. Современные российско-китайские отношения / под ред. С.Г. Лузянина (отв. ред.). – М.: ДеЛи плюс, 2017. – 264 с.
4. Российско-китайский диалог: модель 2018: доклад № 39/2018 / [С.Г. Лузянин (рук.) и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2018. – 168 с.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Исаева Л.И.

старший научный сотрудник Центра изучения культуры Китая
Института Дальнего Востока РАН, г. Москва
miladina@rambler.ru

Российско-китайские отношения характеризуются высокой динамикой развития, прочной правовой базой, разветвленной структурой и активными связями на всех уровнях. Современные российско-китайские отношения официально определяются сторонами как всеобъемлющее равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие.

В основе современного российско-китайского гуманитарного диалога лежит Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, подписанный 17 июля 2001 г. Статья 16 Договора гласит: «Договаривающиеся Стороны всемерно способствуют развитию обменов и сотрудничества в области культуры...» [1, с. 268].

Одной из особенностей двусторонних отношений является активный обоюдный интерес жителей обеих стран к культурному наследию и историческим ценностям. Желание узнавать друг друга, постигать особенности культуры и традиций, открывать для себя всё новые и новые грани двух великих наций ложится на твердый фундамент успешного сотрудничества в данной сфере. В последние годы активно развиваются межрегиональные связи: 51 субъект Российской Федерации связан с регионами КНР соглашениями о сотрудничестве, у 91 субъекта муниципального образования имеются побратимы и партнеры в Китае.

2018 и 2019 гг. – годы сотрудничества между регионами РФ и КНР. Основой проведения этой крупномасштабной акции стало экономическое взаимодействие на местном уровне. В этих рамках культурная составляющая стала неотъемлемой частью программы реализуемых и планируемых мероприятий.

За последние годы серьезно расширился поток туристов из Китая в российские регионы. Как сообщила заместитель председателя прави-

тельства Новосибирской области и министр экономического развития региона Ольга Молчанова, за первое полугодие 2018 г. область посетили почти 11 тысяч туристов из Китая, что на 12 % больше того же периода в 2017 г.

Заметно вырос поток китайских туристов в Иркутскую, Самарскую и Ульяновскую области, Приморский и Забайкальский края и другие российские регионы. И дело здесь не только в том, что в России в 2018 г. проходил чемпионат мира по футболу, стимулировавший приток туристов из разных стран. Я сознательно назвала те регионы, где не проходили матчи чемпионата. Осенью ожидается поездка первых групп китайских туристов в Кабардино-Балкарию на Северном Кавказе, этот заезд в количестве 500 человек будет пробным и связан с открытием горнолыжного сезона в этой республике. Российским же туристам полюбились китайские курорты в провинции Хэйлунцзян, приморской зоне Бэйдайхэ, санатории и дома отдыха на острове Хайнань.

Туризм – лишь часть российско-китайского гуманитарного общения, развивающегося достаточно динамично и масштабно. На регулярной основе проходят совместные культурные, музыкальные, молодежные и иные фестивали на местном уровне [2, с. 100–102]. Только что в российской столице прошли Дни Пекина. Незадолго до этого в Пекине состоялась Неделя культурных обменов между молодежью Китая и России. Китайские и российские музыканты, деятели искусства и мастера каллиграфии провели для молодых людей из Китая и России уроки вокала, рисования и каллиграфии, а также игры на музыкальных инструментах.

В августе Государственный академический Мариинский театр под руководством Валерия Гергиева впервые представил в городе Гуанчжоу в Южном Китае оперу Сергея Прокофьева «Война и мир» в постановке Андрея Кончаловского. В августе же в Москве состоялся V Юбилейный фестиваль искусств «Мост Дружбы», учредителем которого является некоммерческое партнерство «МОСТ», российско-китайское содружество в области экономического, научно-технического, гуманитарного и культурного сотрудничества. Этот проект направлен на выявление и поощрение талантливых детей и подростков в самых разных областях. В фестивале участвовали более тысячи гостей из России и Китая.

В Москве же с успехом прошла китайская выставка «Династия Мин: сияние учености», посвященная истории культуры Поднебесной. Она была развернута в выставочном зале Успенской звонницы Московского Кремля. Куратор выставки, заведующая сектором русского художественного металла XVIII–XX вв. музеев Московского Кремля Ирина Горбатова, сообщила репортерам, что подобная экспозиция была представлена в Москве впервые, а некоторые экспонаты раньше не покидали Китай.

Оживление в культурной сфере регионов касается не только столиц. В сентябре в Ульяновской области прошли Дни культуры провинции Шаньси. В конце сентября состоялись Дни Пермского края в провинции Цзянси. Мероприятие организовано в рамках сотрудничества регионов ПФО и верхнего, среднего течения реки Янцзы КНР (формат «Волга–Янцзы»). Особым подарком для ценителей русской культуры стал показ балета «Лебединое озеро» и организация выставки произведений живописи художников Пермского края.

А вот 18 июля 2018 г. в Севастополе в рамках IV Черноморского фестиваля российско-китайской дружбы состоялся форум дружбы и искусств. В мероприятии приняли участие бизнесмены и деятели искусств из Китая, в том числе хореограф-постановщик Чжан Ин, председатель Тяньцзиньского центра культуры и искусств, художница-каллиграф Ван Сюлин, севастопольский художник Сергей Бирюков и ансамбль «Казачий Дон».

Черноморский фестиваль российско-китайской дружбы в Севастополе стал ежегодным. Его главная цель, как сообщают СМИ, – непосредственное общение участников, в ходе которого они обмениваются профессиональным и культурным опытом в различных сферах жизни. Стоит упомянуть и активный отдых китайских детей в прославленном еще с советских лет крымском международном детском лагере «Артек». В этом году китайские мальчишки и девочки отдыхали в рамках т.н. профильной смены и вместе 150 другими детьми из 19 стран занимались русским языком, риторикой, краеведением, народными танцами. Эти дети были отобраны с помощью онлайн-конкурса, который проводил Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина и он же предоставил своих преподавателей для занятий.

Весьма достойный проект реализуется в городе Циндао. Весной нынешнего года в этом приморском мегаполисе стартовала работа

Парка китайско-российского межрегионального сотрудничества. Тогда же было объявлено о том, что по плану площадь первой очереди Парка китайско-российского межрегионального сотрудничества в Циндао достигнет примерно 2 кв. км. Здесь будут сконцентрированы помещения для культурно-художественных обменов Китая и России, китайско-российских образовательных обменов, китайско-российской торговли, китайско-российского сотрудничества по инновационной промышленности.

Мероприятий – как запланированных, так и уже проведенных – на межрегиональном уровне очень много. Они охватывают все сферы гуманитарного общения: образование, культуру, искусство, туризм, музейное дело и многое-многое другое. При всем многообразии межрегиональных культурных связей важно обратить внимание на самое главное: наши люди учатся общаться друг с другом, понимать традиции, нравы, историю и язык друг друга. Фактически сегодня наши люди проходят тест на психологическую совместимость, совместимость двух народов со столь различными культурами и невероятной разницей в языке. Люди учатся понимать других людей и вместе – друг друга.

Задача эта не из легких. Это очень серьезное испытание, но с очень благородными целями. В будущем это поможет всем нам не только понимать, но и чувствовать друг друга, по-настоящему ощущать себя добрыми соседями, которые очень сильно отличаются друг от друга и по культуре, и по историческому опыту, однако едины в своем стремлении жить в добрососедстве и глубоком уважении друг к другу.

Список литературы

1. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2017–2018. – М.: Форум, 2018. – 436 с.
2. Решения XIX съезда КПК и перспективы российско-китайских отношений / отв. ред.-сост. А.О. Виноградов. – М.: ИДВ РАН, 2018. – 112 с.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ РКИ СТУДЕНТОВ ИЗ РЕГИОНА БОЛЬШОЙ АЛТАЙ

Карагодин А.А.

Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова, г. Барнаул
Karago.S@yandex.ru,

Подготовлено при поддержке гранта РГНФ «Лингвокультурологические подходы в контексте развития трансграничного сотрудничества Большого Алтая» № 17-14-22001

Лингвокультурологический подход в обучении русскому языку как иностранному предполагает формирование у иностранных учащихся вторичной языковой картины мира на основе базовых концептов русской культуры. Овладение национально-культурными и этнопсихологическими знаниями необходимо для выстраивания коммуникации на русском языке. Постигание культуры изучаемого языка обеспечивает становление межкультурной коммуникативной компетенции будущих переводчиков.

В структуре концепта, имеющего этнокультурную специфику, выделяют компоненты (информационный, образный и интерпретационный) и зоны (оценочная, энциклопедическая, утилитарная, регулятивная и социально-культурная) [Попова, Стернин, 2007: 35]. Усвоение иностранной лингвокультуры происходит через «проникновение» в ключевые компоненты и зоны базовых концептов. В современной методике преподавания РКИ актуальной является не только проблема отбора социокультурной информации, но и проблема выстраивания учебного процесса с опорой на структуру концепта, заключающего в себе сложное многоуровневое содержание.

Лингвокультурологический анализ концепта «семья» в учебных текстах по русскому языку как иностранному, ориентированных на базовый и первый сертификационный уровни владения русским языком, показал, что в них содержится достаточно большой объем социокультурной информации. Презентуемые национально-специфические

представления о семье касаются прежде всего сферы внутрисемейных отношений. Однако компоненты и зоны данного концепта вводятся в учебный материал неравномерно: оценочная и энциклопедическая зоны проявлены в большей степени; регулятивная, утилитарная и социально-культурная зоны реализованы частично [2].

Богатое ценностно-смысловое содержание концепта, заложенное в современных учебных текстах по русскому языку как иностранному, не всегда может быть в полной мере и адекватно воспринято представителями других лингвокультур. Это объясняется тем, что один и тот же концепт в разных культурах имеет различное наполнение. Для того чтобы предотвратить неадекватные ассоциации, не допустить реакции неприятия транслируемой русской культуры у иностранцев и обеспечить сознательное усвоение социально-культурной информации, необходимо выстраивать обучение с опорой на особенности национального мировосприятия, которое отражается в системе базовых концептов культуры.

Формирование общего (базового) представления об объекте культуры происходит в результате трансляции сведений, обладающих культурологической ценностью. Для знакомства с национальными особенностями должны выделяться те смыслы, которые типичны в русской культуре, общеизвестны среди носителей языка. При этом необходим такой учебный материал, который способен актуализировать в сознании участников коммуникации их опыт, различные знания, а также вызвать эмоциональную реакцию, что сделает процесс усвоения культурологически значимой информации интересным и «живым».

В рамках гранта РГНФ «Лингвокультурологические подходы в контексте развития трансграничного сотрудничества Большого Алтая» научным коллективом были проведены ассоциативный эксперимент и клоуз-тестирование среди представителей китайского, монгольского и казахского народов с целью выявления национального содержания таких базовых концептов, как «семья», «дом», «родина», «мать», «женщина», «счастье», «степь», «свое/чужое», «свадьба», «земля» [1, с. 65–69; 2]. Проекция результатов исследования на ценностно-смысловое содержание концепта «семья», представленных в учебных текстах по РКИ, позволила выделить смыслы русской лингвокультуры, которые потенциально могут вызвать непонимание у иностранных учащихся либо остаться незамеченными.

При знакомстве с внутрисемейными отношениями в русской культуре через учебные тексты у китайских, казахских, монгольских студентов, проживающих на территории Большого Алтая, может возникнуть непонимание некоторых ситуаций. Такие случаи преподавателю следует предусмотреть и предупредить с помощью комментария, подкрепленного визуальной информацией (фото-, видеоматериалы). Пояснения требуют следующие особенности русской семьи:

– отношение членов семьи к работе: один из членов семьи – трудоголик, но он много работает не потому, что это необходимость, а потому, что ему это нравится, у него такой образ жизни (для китайцев много работать можно только по принуждению);

– роль женщины в семье: на ней лежит ответственность за прочные отношения в семье; для женщины создание семьи является главным жизненным приоритетом;

– взаимоотношения снохи и свекрови: отношения характеризуются как напряженные, сноха воспринимает советы матери мужа как нравоучения. Свекровь обычно выражает недовольство тем, что делает сноха;

– отношение к детям: плюрализм взглядов на количество детей в семье; родители характеризуются с точки зрения того, что они смогли дать своим детям;

– взаимоотношения родителей и детей: мировоззрение родителей и детей не всегда совпадает, и это признается нормой; дети воспринимаются как отражение своих родителей;

– традиции: в русской культуре принято устанавливать сходство детей во внешности, в характере, в поведении с одним из родителей, а также называть детей в честь папы, бабушки, дедушки и т. д.; семьи, в которых все дети мальчики или все дети девочки, вызывают удивление и восхищение окружающих;

– причины конфликтов в семье: эгоистичный характер одного из супругов (когда муж или жена были избалованным ребенком в детстве).

Ряд тем, связанных с семейной жизнью, необходимо вводить на основе сопоставления разных национальных представлений о семье. К таким темам относятся: возраст вступления в брак; проблема ранних и поздних браков; отношение к разводам; создание браков по любви или по расчету; проблема воспитания детей (количество детей в семье, отношение к детям (к мальчикам и девочкам), ответственность за вос-

питание детей); проблема отцов и детей (приоритеты разных поколений, участие родителей в жизни детей); положение молодой семьи (распределение ролей в семье, материальная самостоятельность молодой семьи); отношение супругов к работе. Обсуждение данных вопросов позволит обратить внимание иностранных учащихся как на общекультурные, так и на национально-специфические особенности восприятия семьи.

В целом содержание концепта «семья» в учебных текстах по РКИ не вызовет неприятия у иностранных студентов из региона Большой Алтай. Однако имеющиеся различия способны затруднить усвоение учебного материала. Если располагать знаниями о национальных лингвокультурах, то можно спрогнозировать реакцию студентов на дискуссионные вопросы.

Список литературы

1. Лингвокультурологическая реконструкция концептосферы народов Большого Алтая (на примере концепта «семья») / Н.Г. Барышникова, С.М. Белокурова, Н.Г. Двоежанова, А.А. Карагодин, И.А. Карагодина, О.А. Киба // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 4. – С. 65–69.

2. *Карагодин А.А.* Лингводидактическая модель концепта «семья» в учебных текстах по РКИ / А.А. Карагодин, И.А. Карагодина // Grand Altai Research & Education / Nauka i obrazovanie Vol'shogo Altaï: сетевое издание. 2018. Выпуск 2 (9). [Электронный ресурс]. – URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2018/2/articles/4_2.pdf.

3. *Карагодин А.А.* Лингвокультурологическое содержание концепта «семья» в картине мира народов Большого Алтая (по данным клоуз-тестирования) / А.А. Карагодин, И.А. Карагодина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 11 (находится в печати).

4. *Попова З. Д.* Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

ПРИНЦИПЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ РКИ

Карагодина И.А.

Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова, г. Барнаул
karagodina.inna@yandex.ru

Подготовлено при поддержке гранта РГНФ «Лингвокультурологические подходы в контексте развития трансграничного сотрудничества Большого Алтая» № 17-14-22001

Формирование языковой личности, способной к свободной межъязыковой коммуникации, ставится во главу угла в современной методике преподавания русского языка как иностранного. Успешный межкультурный диалог возможен, если носитель одной культуры, одного образа мира понимает носителя иной концептуальной картины мира. Взаимосвязанное изучение языка и культуры предполагает лингвокультурологический подход.

Решение задач обучения и культурной адаптации иностранных студентов напрямую связано с лингвистическим и культурологическим содержанием обучения. Важно учитывать, чтобы отобранное содержание обучения (например, социокультурная информация о русских) соответствовало опыту и интересам студентов – представителей иных культур. Особую значимость данное положение приобретает в условиях трансграничного региона. Таковым является регион Большой Алтай. Представители китайской, казахской, монгольской и уйгурской культур, проживающие на указанной территории, изучают русский язык, познают русскую культуру сквозь призму своей концептуальной картины мира, с позиции своего опыта. Как отмечает Н.В. Мошинская, проникновение в русскую культуру является «одновременно как фактом лучшего овладения русским языком и русской культурой, так и способом познания своей культуры. Учащийся-инофон, осознавая свои национальные ценности, учится понимать и уважать ценности другой культуры, другого образа жизни, преодолевает стереотипы и предвзятое отношение к другой культуре, что помогает достичь взаимопонимания при иноязычном общении» [3].

В этом ключе лингвокультурологическая модель обучения РКИ призвана определить принципы отбора содержания обучения, методы и приемы работы с данным содержанием. Принципы обучения являются важной категорией методики, которая отвечает за организацию процесса обучения русскому языку как иностранному. На основе принципов осуществляется выбор методов и приемов обучения.

Рассмотрим основополагающие принципы лингвокультурологической модели обучения РКИ.

Определение содержания обучения русскому языку как иностранному должно происходить с учетом принципов *доступности, коммуникативности, учета родной культуры учащегося*.

Согласно принципу *доступности* учебный материал и его объем должны соответствовать возможностям обучающихся, уровню владения русским языком, уровню их интеллектуального и нравственного развития. Данный принцип реализуется при подаче материала от простого к сложному, от известного к неизвестному, от близкого (хорошо знакомого) к далекому («чужому», присущему другой культуре), от конкретного (знакомство с конкретным событием, явлением) к отвлеченному (обобщение фактов, выделение закономерностей). В этом случае эффективно использование аналогий, сравнений, сопоставлений, противопоставлений.

Принцип *коммуникативности* предполагает отбор и распределение языкового и речевого материала с точки зрения его значимости в практическом овладении русским языком как средством общения. Содержание обучения при таком подходе ориентируется на общение, учитываются цели и коммуникативные потребности обучающихся. В процессе обучения формируется готовность обучающегося осуществлять общение на русском языке с представителями иных культур благодаря вовлечению иностранного студента в активную речевую практику на занятиях по РКИ. По замечанию В.И. Гынина, «в процессе общения взаимопонимание между адресатом и адресантом возможно, если адресат владеет культурной пресуппозицией, что является естественным для людей, выросших в рамках одной лингвокультурной общности» [2, с. 17–26]. Для успешного осуществления межкультурной коммуникации необходимо понимать сходства и различия между родной культурой и культурой страны изучаемого языка. Культурологическая составляющая в обучении поможет иностранному студенту

преодолеть не только языковой, но и культурный барьер, который появляется при сопоставлении родной культуры с «чужой».

С принципом коммуникативности связан принцип *учета родной культуры учащихся*. Данный принцип основывается на использовании личного опыта иностранных студентов. Культурно-исторические и социально-психологические особенности, национальное своеобразие представителей разных культур могут приводить к возникновению неадекватных ассоциаций у учащихся в процессе обучения. В данной ситуации важно предусмотреть возможные реакции, объяснить частично совпадающие или несовпадающие явления, предотвратить «культурные» ошибки. Лингвокультурологическая модель обучения РКИ предполагает выборочное изучение национальных традиций китайского, казахского, уйгурского, монгольского и русского народов на сопоставительной основе. Например, при знакомстве с нормами речевого этикета, обращая внимание студентов на формы обращения в различных сферах общения, возможно проведение аналогий с формами обращения в их речевой культуре.

С точки зрения лингвокультурологического подхода в обучении РКИ образовательную и культурную значимость приобретает информация о географических и климатических условиях региона Большой Алтай, о социальном устройстве общества (отношение к институту брака, к положению мужчин и женщин в обществе, морально-нравственные ценности, религии), о национальных традициях, о системе образования в Китае, Монголии, Казахстане и России. Презентация указанной информации возможна на основе концептосферы народов Большого Алтая. Введение культурно значимой информации предполагается через концепты «семья», «дом», «Родина», «счастье», «женщина», «мать», «свое / чужое».

Принципы доступности, коммуникативности, учета родной культуры учащегося, предопределяющие содержание обучения русскому языку как иностранному, тесно взаимосвязаны в лингвокультурологической модели обучения РКИ, образуют единую систему и обеспечивают эффективность реализации модели.

Список литературы

1. Барышникова Н.Г. Моделирование обучения русскому языку как иностранному на основе концептов / Н.Г. Барышникова, В.Ф. Стенина // Язык,

литература, ментальность: разнообразие культурных практик: сб. материалов VI Междунар. науч. конф. (24–25 мая 2018 года) / Н.И. Степыкин (отв. ред.) [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2018. – С. 31–36.

2. *Гынин В.И.* Лингвокультурологическая методология обучения русскому языку как иностранному с учетом системных принципов // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2013. – № 2. – С. 17–26.

3. *Мощинская Н. В.* Развитие лингвокультурологической компетенции инофона в процессе обучения русскому языку как иностранному (РКИ) // [Электронный ресурс]. – URL: http://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2010_02/14.pdf (дата обращения 16.10.2018 г.).

4. *Романов Ю.А.* Этнометодика в преподавании РКИ арабским студентам / Ю.А. Романов, Л.В. Соловьева // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2015. – № 4. – С. 42–50.

ВЗГЛЯД КИТАЯ НА СОТРУДНИЧЕСТВО С РОССИЕЙ В РАМКАХ БРИКС

Кобзева М.А.

Санкт-Петербургский государственный университет
markob@inbox.ru,

В последние десятилетия сотрудничество в БРИКС стало одним из важных направлений внешней политики КНР и эффективным инструментом реализации государственных задач. Руководство страны прилагает усилия по расширению экономического и политического диалога с развивающимися странами в формате БРИКС+ и укрепляет сотрудничество с крупнейшими участниками, включая Россию. Руководство КНР выражает намерение развивать отношения с РФ в русле согласованной политики, совершенствовать механизм работы БРИКС и способствовать формированию зоны свободной торговли в АТР.

Как отмечают китайские специалисты, БРИКС изначально не была китайским проектом, и КНР не стремилась установить в ней главенствующее положение. Однако поскольку сегодня экономический подъем Китая служит важной основой для дальнейшего развития организации, интерес ученых к этому направлению внешней политики неуклонно растет.

Китайских экспертов особенно интересует, кто лучший партнер Китая в организации и как именно КНР должна выстраивать дипломатию со странами-участницами. Ряд авторов подчеркивают выдающуюся роль России в становлении БРИКС и рассматривают российско-китайские отношения как опору для дальнейшего развития организации. Другие исследователи обращают свое внимание на Индию, отношения с которой могут стать ядром БРИКС. В то же время есть мнение, что для КНР в стратегическом отношении гораздо выгоднее развивать партнерство с обеими странами, помощь которому может оказать уже отработанная модель РИК. Основной целью такого сотрудничества должна стать совместная реализация инициативы «Один пояс – один путь». Наконец, есть мнение, что более выгодным для Китая в рамках организации является многостороннее сотрудничество [11, 17, 18, 22].

Список литературы

1. *Ли Мэнлун.* Динамика развития современных китайско-российских отношений // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-razvitiya-sovremennyh-kitaysko-rossiys-kih-otnosheniy> (дата обращения: 20.05.2018); Российско-китайские экономические отношения. Досье. 26.05.2016. URL: <http://tass.ru/info/1956459>
2. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК. 03.11.2017. – URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm.
3. Полный текст доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК /1/ 19.11.2012. – URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023881.html>
4. Посол КНР: саммит БРИКС в Сямэне откроет второе «золотое десятилетие» сотрудничества. 31.08.2017. – URL: <http://www.interfax.ru/interview/577022>.
5. «Сианьская инициатива»: начало энергетического клуба ШОС. 28.29.2011. – URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7606345.html>.
6. (BRICS Summit) China-Russia relations continue to develop at high level: Chinese ambassador. 03.09.2017. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-09/03/c_136577684.htm.
7. Chinese President Xi Jinping Attends 5th BRICS Summit in Durban and Delivers an Important Speech. 27.03.2013. – URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpcfl_665694/t1026742.shtml.
8. Full text of President Xi's remarks at plenary session of BRICS Xiamen Summit. 04.09.2017. – URL: https://www.brics2017.org/English/Headlines/201709/t20170904_1906.html
9. Full text of President Xi's speech at opening ceremony of BRICS Business Forum. 03.09.2017. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-09/03/c_129695215.htm
10. NDB's General Strategy: 2017 – 2021. 30.06.2017. 36 p. 11. – URL: <https://www.ndb.int/about-us/strategy/strategy/>.
11. *Pu Gongying.* Perspectives of cooperation of Russia and China within the BRICS framework // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2017. – № 3 (27). – С. 52–56.
12. *Wang Yi.* BRICS Countries Should Confidently Uphold High the Banner of Multilateralism. 27.09.2017. – URL: https://www.brics2017.org/English/Headlines/201709/t20170927_2029.html
13. Xi Jinping Chairs Dialogue of Emerging Market and Developing Countries and Delivers Important Speech. Stressing to Jointly Implement 2030 Agenda for Sustainable Development, Jointly Build Extensive Development Partnerships and Join Hands to Blaze Fair, Open, Comprehensive and Innovative Development

Path. 07.09.2017. – URL: https://www.brics2017.org/English/Headlines/201709/t20170907_2019.html.

14. Xi Jinping Meets with President Vladimir Putin of Russia. 03.09.2017. – URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1490008.shtml.

15. Xi Jinping Meets with President Vladimir Putin of Russia. 11.11.2017. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpcxdeswjapcebdynlwjxgsfw/t1510300.shtml.

16. Li Xing Cheng Zhijie. 中俄印——亚欧金砖国家是推动丝绸之路经济带建设的关键力量倡. // 人文杂志. – No. 1, 2015. – P. 28–35.

17. Li Xing. 首脑外交视域下习近平对俄外交战略思想析议. // 国外理论动态. – No. 12, 2017. – P. 27–33.

18. Xiao Huizhong. 金砖国家的起源、内部结构及向心力分析 // 俄罗斯东欧中亚研究. – № 4. – 2017. – P. 1–28.

19. Fan Yongming. 全球治理新格局中的金砖合作//国际展望. – No. 4, 2014. – P. 100–116. – URL: <http://www.sirpalib.fudan.edu.cn/27/e0/c3691a75744/page.htm>.

20. Fu Yuheng, Li Yiping. 反全球化与金砖国家合作——一种跨层次理论分析 // 厦门大学学报 (哲学社会科学版). – No. 4 (242), 2017. – P. 51–63.

21. Cai Cuihong. “数字金砖”的机遇与挑战 // 国际观察. – No. 1, 2017. – P. 144–157.

22. Yang Lei. 俄罗斯与金砖国家: 个体诉求与集体合力 // 俄罗斯东欧中亚研究. – No. 4, 2017. – P. 29–45.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ДВУСТОРОННИХ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ РФ И КНР В 2017 г. – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 2018 г.

Ковш А.В.

Санкт-Петербургский государственный университет
a.kovsh@spbu.ru

Китай является крупнейшим торговым партнером Российской Федерации. При этом двусторонняя торговля РФ с Китаем в течение последнего десятилетия (с 2007 г.) имеет отрицательное сальдо торгового баланса. Среди первой десятки торгово-экономических партнеров России подобная ситуация имеет место только в торговле с Германией (с 2007 г., за исключением 2016 г., когда сальдо торгового баланса было положительным) и США (с 2012 г.) [1]. Естественно, что объемы двусторонней торговли РФ с КНР в денежном выражении значительно превосходят таковые с Германией и США.

Принимая во внимание темпы экономического развития Китая, относительно невысокие логистические издержки и исключительное положение, которое занимает КНР в качестве экономического партнера Российской Федерации, необходимо уделить самое пристальное внимание анализу динамики двустороннего торгово-экономического сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики, используя в качестве аналитической базы обобщенные статистические данные таможенных управлений федеральных округов РФ, а в качестве основного инструмента анализа структуры экспортно-импортных операций – товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС), т. е. классификатора, применяемого таможенными органами и участниками внешнеэкономической деятельности (ВЭД) в целях проведения таможенных операций и представляющего собой российскую версию Гармонизированной системы описания и кодирования товаров (Harmonized Commodity Description and Coding System, HS), разработанную Всемирной таможенной организацией в 1988 г. и принятую в качестве основы для товарной классификации [2]. Для более полного понимания структурных механизмов динамики двусторонней торговли в указанный период поквартально проанализированы товарные группы ТН ВЭД по первым четырем цифрам, т. е. по товарной позиции.

Согласно данным сводных таблиц таможенных управлений федеральных округов РФ, общий объем импорта из КНР в РФ в 2017 г. составил около 48 млрд долл., что в целом соответствует данным компетентных международных организаций с учетом применения метода зеркальной статистики [1]. При этом в первом квартале 2017 г. общий объем импорта из КНР в РФ составил 9,5 млрд долл. В качественном отношении импорт за указанный период был крайне диверсифицирован, но, даже несмотря на это, можно выделить ряд преобладающих товарных групп, а именно: позицию по коду 8517 «Аппараты телефонные, включая аппараты телефонные для сотовых сетей связи или других беспроводных сетей связи; прочую аппаратуру для передачи или приема голоса, изображений или других данных, включая аппаратуру для коммуникации в сети проводной или беспроводной связи» – 9,91 % от общего объема импорта; 8471 «Вычислительные машины и их блоки; магнитные или оптические считывающие устройства, машины для переноса данных на носители информации в кодированной форме и машины для обработки подобной информации» – 6,02 %; 8419 «Машины, оборудование промышленное или лабораторное с электрическим или неэлектрическим нагревом для обработки материалов в процессе с изменением температуры, таком как нагрев, варка, жаренье, дистилляция, ректификация, стерилизация, пастеризация, пропаривание, сушка, выпаривание, конденсирование или охлаждение, за исключением машин и оборудования, используемых в бытовых целях; водонагреватели проточные или накопительные (емкостные), неэлектрические» – 4,23 %. При этом остальные товарные позиции занимали менее 2 % каждая от общего объема импорта. Во втором квартале 2017 г. общий объем импорта из КНР вырос до 10,7 млрд долл. с преобладанием следующих товарных позиций: 8517 – 9,37 %; 8471 – 6,19 %; 8419 – 5,35 %. Остальные товарные позиции занимали, как и в первом квартале, менее 2 % каждая от общего объема импорта. В третьем квартале 2017 г. общий объем импорта из КНР увеличился до 14,5 млрд долл. с преобладанием следующих товарных позиций: 8419 – 13,89 %; 8517 – 10,32 %; 8471 – 6,21 %. В четвертом квартале общий объем импорта из КНР незначительно снизился до 13,3 млрд долл. с преобладанием следующих товарных позиций: 8517 – 14,23 %; 8471 – 8,22 %; 8419 – 3,10 %. Таким образом, характерной особенностью рассматриваемого периода стало преобладание в структуре импорта всего трех товарных позиций (8419, 8471, 8517), а также высокая диверсификация импорта на протяжении всего года.

В отношении экспорта из РФ в Китай сложилась несколько иная картина. Согласно данным сводных таблиц таможенных управлений федеральных округов РФ, общий объем экспорта РФ в 2017 г. составил около 39 млрд долл., что в целом также соответствует данным компетентных международных организаций [1]. При этом в первом квартале 2017 г. общий объем экспорта из РФ составил 8,9 млрд долл. В качественном отношении экспорт за указанный период был значительно менее диверсифицирован, чем импорт из КНР, при значительном доминировании одной товарной позиций по коду 2709 «Нефть сырая и нефтепродукты сырые, полученные из битуминозных минералов» – 56,95 % от общего объема экспорта. Во втором квартале 2017 г. общий объем экспорта составил 9,2 млрд долл. с преобладанием товарной позиции 2709 – 53,98 %. В третьем квартале 2017 г. общий объем экспорта из РФ составил 8,6 млрд долл., товарная позиция 2709 – 53,61 %. В четвертом квартале 2017 г. общий объем экспорта из РФ значительно увеличился и составил 12 млрд долл. К сожалению, несмотря на увеличение объема экспорта в денежном выражении почти на 50 % по сравнению с предыдущим кварталом, качественного сдвига в структуре экспорта не произошло, товарная позиция 2709 заняла 48,29 % от общего объема экспорта. Таким образом, характерной особенностью рассматриваемого периода стало подавляющее преобладание в структуре экспорта в КНР всего одной товарной позиции, а именно нефти и сырых нефтепродуктов. В целом по итогам 2017 г. в торговле с Китаем у Российской Федерации образовалось отрицательное сальдо торгового баланса. Характерной особенностью двусторонней торговли стал импорт из Китая продукции высокотехнологичных инновационных производств и экспорт нефти из РФ. Естественно, что структура экспорта была гораздо менее диверсифицирована по сравнению с импортом, что в целом характерно для стран-экспортеров сырьевых ресурсов.

В первом квартале 2018 г. ситуация с импортом из КНР практически не изменилась ни в качественном, ни в количественном отношении. Общий объем импорта из КНР в РФ в первом квартале 2018 г. составил 11,8 млрд долл. В качественном отношении импорт остался высокодиверсифицированным с преобладанием двух товарных групп, а именно: 8517 – 11,18 % и 8471 – 7,63 % от общего объема импорта соответственно. Однако одна из ведущих позиций в 2017 г., а именно 8419, в первом квартале 2018 г. занимала всего 0,25 % импорта. При этом

остальные товарные позиции занимали менее 2 % каждая от общего объема импорта. Во втором квартале можно наблюдать аналогичную ситуацию. Общий объем импорта из КНР в РФ в первом квартале 2018 г. составил 12,1 млрд долл. В качественном отношении в высокодиверсифицированной структуре импорта доминировали две товарные группы: 8517 – 11,71 % и 8471 – 7,06 % от общего объема импорта соответственно.

Динамика экспорта в первом квартале 2018 г. в количественном отношении оставалась на уровне 12,2 млрд долл., что сопоставимо с объемами экспорта из РФ в КНР в четвертом квартале 2017 г. Однако с учетом объемов импорта из КНР в первом квартале 2018 г. сформировалось положительное сальдо в торговле с Китаем. При этом в качественном отношении в структуре экспорта по-прежнему преобладала товарная позиция 2709, доля экспорта нефти значительно увеличилась и составила 64,08 % (код 2709). Во втором квартале также был сформирован профицит торгового баланса с общим объемом экспорта 13,65 млрд долл. Доля экспорта нефти составила 64,48 % (код 2709).

Таким образом, в первом полугодии 2018 г. динамика и качественные характеристики двусторонних товарных отношений не претерпели значительных изменений по сравнению с предыдущим годом. Налицо увеличение удельного веса нефти в общем объеме экспорта из РФ в Китай, за счет чего по итогам первых двух кварталов было сформировано положительное сальдо торгового баланса. Это связано в первую очередь с динамикой цен на нефть на мировых рынках. На протяжении всего полугодия нефтяные котировки растут, оказывая положительное влияние на стоимость российского экспорта.

Список литературы

1. The International Trade Centre (ITC) / Официальный сайт Международного торгового центра. – URL: https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx?nvpm=1|643||||TOTAL|||2|1|1|3|2|1|2|1|1 (дата обращения: 01.10.2018).

2. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 г. № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза» / Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/70205520> (дата обращения: 01.10.2018).

ЕДИНИЦА ПЕРЕВОДА КАК НАУЧНАЯ И ДИДАКТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ (на материале китайского языка)

Кочергин И.В.

Военный университет МО РФ, г. Москва
igor.msc@mail.ru

Вопреки расхожему мнению о том, что переводу специально учить не обязательно, полагаю, что переводу нужно учить и можно научить, хотя всё зависит от эталона качества. Мой учитель Б.Г. Мудров, отвечая на вопрос, как стать хорошим переводчиком, говорил: «Для того чтобы хорошо переводить, нужно больше переводить».

Действительно, большая часть действующих переводчиков китайского языка – хороших и не очень – сформировалась и развивается в процессе практической работы. Реально мало где сейчас обучают переводу профессионально, и большая часть тех, кто получает диплом лингвиста-переводчика или переводчика в сфере межкультурной коммуникации, при окончании вуза таковыми де-факто не являются. Это, однако, не мешает многим из них работать в этом качестве. Всё дело в критериях оценки качества перевода. В упомянутом выше случае, оценивая работу переводчика, работодатель зачастую следует простой формуле: понятно – значит правильно.

Однако мы исходим из того, что перевод есть особый вид речевой деятельности человека, следовательно, его можно этому научить, как и любой другой деятельности, или хотя бы в максимальной степени создать базу для дальнейшего самосовершенствования.

Мое субъективное мнение состоит в том, что научные лингвистические теории существуют для того, чтобы развивать собственно науку о языке и речи, и в чистом виде мало помогают педагогической практике, поскольку сами рождаются из нее и с научной точки зрения описывают то, что уже имеет место или происходит. Исключение составляют отрасли науки, непосредственно связанные с практикой: о строении вещества, о методологии и технологии процессов и т. п. Поэтому мы, педагоги, изучаем теорию для того, чтобы найти в ней нечто полезное для практики обучения и адаптировать это под

наши дидактические цели. Я называю это прагматизацией теории (理论的应用化).

Организуя процесс обучения иностранному языку или деятельности с использованием ИЯ, мы сначала ищем ответ на вопрос «Для чего обучать?», т. е. определяем цель обучения, а затем естественно задаемся вопросом «Как обучать?», т. е. ищем метод и определяем средства. При этом мы всегда на помощь призываем теорию предмета, пытаюсь извлечь из всего объема теоретических сведений те, которые помогут более рационально выстроить курс обучения. Что касается обучения переводу, то в теории перевода с практической точки зрения у нас в первую очередь вызывают интерес такие разделы, как «единицы перевода», «трудности перевода», «приемы и способы перевода». Что же касается таких категорий, как адекватность, точность и т. п., то они представляются в большей степени субъективными, чем объективными.

Одной из центральных категорий науки о переводе является единица перевода (ЕП).

Теоретики считают, что точное определение единиц перевода является одним из важнейших условий точности перевода вообще. В научно-теоретическом плане к этой категории обращались практически все известные переводоведы, которые формулировали определение и принципы выделения ЕП.

В самом общем виде можно выделить два основных подхода к определению ЕП: семасиологический – от знака к значению – и ономазиологический – от значения к знаку.

Наиболее видным представителем первого направления является Л.С. Бархударов, который считал, что за ЕП можно принимать единицы любого языкового уровня: слова, словосочетания, синтагмы, сверхфразовые единства и даже текст [Бархударов, 1975: 189].

На тех же позициях стоял Я.И. Рецкер, который отмечал, что «фактически в процессе письменного перевода единицей перевода может быть и слово, и словосочетание, и синтагма, и целое предложение, и абзац, и весь переводимый текст» [Рецкер, 2007: 29].

В.Н. Комиссаров среди выделенных им четырех способов определения «переводемы», т. е. ЕП, также упоминает два способа, связанных с единицами языка [Комиссаров, 1973: 185].

Яркими представителями ономазиологического подхода являются канадские лингвисты Вине и Дарбельне. Они отождествляют понятие

ЕП с понятиями лексикологической единицы и единицы мысли. Поскольку переводчик оперирует не знаками языка, а смыслами, то ЕП в этом случае выступает как некий квант информации, смысловой элемент, точнее, единица смысла. В этом случае неважно, заключен ли этот элемент смысла в морфему, слово или словосочетание. [Vinay J.-P., Darbelnet J., 1994: 37]. С таким подходом, однако, не согласны специалисты синхронного перевода, о чем будет сказано позже.

Похожую логику демонстрируют приверженцы так называемого информационного подхода, которые считают, что поскольку задача перевода – передать содержащуюся в тексте информацию, то, вероятно, логичнее считать единицей перевода не единицы языка, а единицы информации. Поскольку тексты передают логическую информацию, т. е. мысли автора, следовательно, ЕП текстов можно считать законченную мысль.

А вот Р.К. Миньяр-Белоручев, опираясь на понятие соответствия между текстом оригинала и перевода, лежащее в основе предложенного Бархударовым определения единицы перевода, заметил, что в тексте перевода, полностью эквивалентном тексту оригинала, единицы перевода вычленишь вряд ли возможно, так как они как бы растворяются в тексте. Наиболее рельефно они проявляются только в случае ошибочного решения переводчика, т. е. в случае несоответствия какого-либо фрагмента переведенного текста фрагменту текста оригинала. Поэтому, с его точки зрения, точнее говорить о единицах несоответствия, нежели о единицах перевода [Миньяр-Белоручев, 1980: 83].

Таким образом, становится очевидным, что понятие ЕП и определение способов ее выделения является довольно сложной и противоречивой задачей. Обычно решение этой задачи рассматривают во взаимосвязи теоретического обоснования с практическим процессом перевода, причем именно последний является отправной точкой для лингвистического анализа процесса перевода и попытки препарировать его, расчленив на составляющие.

Перевод (особенно устный) – в значительной степени процесс актуально не осознаваемый, как и процесс речепорождения. При анализе процесса не практический перевод опирается на науку (теорию перевода), а скорее наоборот. Но наука, анализируя и расчлняя процесс перевода на компоненты и выявляя закономерности, позволяет педагогам понять, какие элементы процесса, протекающие неосознанно в ходе обучения переводу, следует экстерниоризировать и сделать объек-

тами упражнений с целью формирования определенных лингвистических автоматизмов и психофизиологических механизмов для повышения эффективности обучения. Вспомним теорию внешних смысловых опор Н.Ф. Талызиной [Талызина, 1984]. Из нее следует, что при обучении говорению на иностранном языке экстерииоризации подлежит этап построения пространственно-понятийной схемы высказывания, который обычно протекает на подсознательном уровне. Представляется, что таким объектом, подвергаемым экстерииоризации, при обучении переводу как раз и является ЕП в дидактической интерпретации.

Обобщая различные взгляды на ЕП во взаимосвязи теории с практикой, можно в общем плане согласиться с тем, что ЕП – это единица речи, обладающая определенными лингвистическими свойствами и требующая самостоятельного решения на перевод. Однако с этой точки зрения в китайском языке ЕП может быть и целым предложением, и односложным словом (иероглифом), и даже знаком препинания в письменном переводе (разные запятые).

Так что же такое ЕП с точки зрения дидактики? Прежде чем предложить лингводидактическое определение ЕП, вспомним еще одно замечание В.Н. Комиссарова: «...перевод – это процесс “двуязычной” коммуникации, необходимо решить, будут ли единицы перевода выделяться в одном из языков, участвующих в этом процессе, или они будут представлять собой какое-то отношение между отрезками текстов оригинала и перевода» [Комиссаров, 1973: 189].

Представляется, что с дидактической точки зрения основополагающим свойством ЕП безусловно является их параллельное существование в языке источника (ИЯ) и в языке перевода (ПЯ).

Исходя из вышеизложенного предлагаем следующее генеральное определение ЕП.

ЕП – это некая часть текста (устного или письменного), которая воспринимается как единое целое, абсолютно устойчива по форме и по содержанию, имеет неизменный эквивалент в ПЯ.

Все ЕП можно разделить на постоянные и окказиональные. Тех, кто обучает переводу, интересуют прежде всего постоянные ЕП, поскольку они являются естественными объектами усвоения, т. е. такими объектами, которые можно запоминать и, соответственно, контролировать.

Постоянными (готовыми) ЕП можно считать штампы, ситуационные клише, термины, названия документов, организаций и событий,

пословицы и образные выражения, а также слова, синтагмы, фразы и сверхфразовые единства и вплоть до синтаксических образований на уровне предложения на китайском языке при условии, что все они имеют устойчивый эквивалент перевода в русском языке и включают в себя ЕП более низкого уровня (как постоянные, так и временные).

И всё же считается, что наиболее универсальной единицей перевода является предложение, которое по определению, как правило, выражает некую законченную мысль. Однако на этот счет хотелось бы высказать некоторые соображения, связанные с двойным статусом предложения.

С одной стороны, предложение – это комплексная единица языка, состоящая из определенным образом организованных слов, словосочетаний и прочего, т. е. из грамматической (синтаксической) структуры и лексического наполнения.

С другой стороны, предложение – это единица речи, составными частями которой являются субъект и предикат, которые можно рассматривать в качестве непостоянных ЕП, содержащих в своем составе постоянные ЕП лексического уровня. Поэтому выделению таких структурных ЕП при обучении письменному переводу текста также необходимо специально учить.

Все вышесказанное безусловно справедливо для письменного перевода. Несколько сложнее с единицами перевода при устном переводе. Когда устный перевод выполняется в более-менее комфортных условиях (невысокий темп речи, хорошая акустическая слышимость, средняя сложность тематики), единицы перевода будут практически те же, что и при письменном переводе, с той лишь разницей, что при устном переводе переводчик всегда выступает в роли догоняющего. При классическом последовательном переводе единицами перевода выступают достаточно большие куски текста (целые абзацы), при абзачно-фразовом переводе – отдельные предложения. Но при синхронном переводе картина меняется.

Процесс осмысления последовательности языковых знаков синхронным переводчиком довольно подробно описан Ю.С. Степановым. Положив в основу классификации единиц перевода величину отставания переводчика от отправителя исходного текста, т. е. величину расхождения между произнесением говорящего и пониманием слушателя, Степанов делит единицы перевода на три группы. Первую группу составляют единицы перевода, имеющие минимальное временное рас-

хождение, т. е. переводимые тотчас по произнесении. Такие ЕП, уточняет автор, совпадают со словом. Ко второй группе относятся ЕП, имеющие некоторое отставание. Величина их, по мнению автора классификации, может выступать как мера переводимости, характеризующей лексически, морфологически и синтаксически. Чем более многозначна лексическая, морфологическая или синтаксическая форма, тем больше величина отставания переводчика. К третьей группе Степанов относит такие ЕП, которые не могут быть переведены вплоть до окончания предложения, т. е. имеющие максимальное временное расхождение. К этому можно добавить, что в некоторых случаях понимание наступает только после восприятия группы предложений [Степанов, 1965].

Таким образом, применительно к устному переводу на первый план выступает то, что мы называем единицей восприятия (ЕВ). ЕВ – это та часть текста, которую можно одновременно воспринять на слух как единое целое и запомнить и для которой имеется готовый эквивалент на ПЯ.

Из этого следует, что для китайского языка минимальной постоянной ЕВ может быть слогоморфема, многосложное сочетание (слово), лексико-синтаксический комплекс (синтагма), устойчивое лексико-грамматическое образование на уровне фразы (клише). К окказиональным или временным ЕВ следует отнести логико-синтаксические конструкции, например парные союзы (既…又), рамочные конструкции (以…为) и другие, которые выступают в качестве маркеров границ временных ЕП в письменном тексте.

В практическом плане, особенно в устном переводе, именно ЕВ можно считать ЕП, и их формирование и накопление в памяти обучаемых является архиважной задачей в обучении. Ведь для того чтобы переводчик воспринимал эти ЕВ как таковые, он прежде должен их усвоить, и в этом случае ЕВ, сливаясь с ЕП, в учебном процессе становится единицей усвоения (ЕУ), т. е. объектом упражнения.

Для китайского языка запоминание лексико-грамматических комплексов на уровне словосочетания, синтагмы, фразы и даже предложения, имеющих устойчивый вариант перевода в русском языке, которые по сути становятся лексикологическими единицами, или единицами смысла, является чрезвычайно актуальным в силу известной шаблонности китайской речи в рамках того или иного дискурса. Ниже приводятся некоторые из абсолютно устойчивых двуязычных пар, которые,

с одной стороны, содержат характеристики единиц перевода, а с другой стороны, безусловно являются единицами усвоения.

Взаимная выгода – принцип взаимной выгоды и совместного выигрыша.

Углублять деловое сотрудничество.

Реализация мечты – Великое возрождение китайской нации – это самая великая мечта китайского народа в наше время.

Китай неуклонно идет по пути мирного развития.

Стать главной движущей силой социально-экономического развития.

Путем реформ надо создавать условия для длительного, устойчивого, стабильного развития.

Такой комплекс также следует рассматривать и в качестве единиц восприятия. Следовательно, задача в процессе обучения состоит в формировании у обучаемых максимально объемного банка таких комплексов возможно большего объема.

Чем продолжительнее ЕВ, она же ЕП, содержится в памяти переводчика, тем легче переводить, тем эффективнее будет протекать этот процесс, но эти единицы всё же не могут быть бесконечно длинными. Во-первых, потому что с увеличением продолжительности пропадет целостность восприятия, и для более продолжительной ЕП появится больше вариантов в языке перевода, т. е. она утратит свои основные признаки – целостность восприятия (как лексикологической единицы) и наличие устойчивого эквивалента на языке перевода; а во-вторых, при запоминании таких ЕП вступает в силу «закон Мюллера»: человеческий мозг способен одновременно запомнить 7 ± 2 дискретные единицы, но при этом размерность единиц (знак, слово, словосочетание...) определяется исключительно механизмами мозга, которые пока недоступны нашему пониманию. Следовательно, максимальная продолжительность ЕВ для разных условий, а следовательно, и технология их усвоения может быть установлена только экспериментально либо явится результатом целенаправленных дидактических действий. Поскольку более продолжительные ЕП состоят из ЕП более низкого уровня, т. е. менее продолжительных, следовательно, их можно фор-

мировать, постепенно увеличивая объем, но также до определенного предела. Какого? Пока мы с уверенностью сказать этого не можем.

Следует отметить, что существующие определения ЕП и принципы их выделения в тексте сформулированы для буквенных языков, и никаких исследований этой проблемы для иероглифических языков никогда не проводилось.

В пользу вышеизложенного утилитарного понимания ЕП в интересах обучения этому виду РД говорит и программа автоматизированного перевода *TRADOS STUDIO*, которая использует этот термин (*TRANSLATION UNIT*). Программа, подобно учащемуся, запоминает единицы такого объема, какой ей задает оператор при формировании базы ЕП, а затем, в процессе перевода, обнаруживая совпадения, выдает подсказку либо сразу подставляет соответствующие формулировки в текст перевода. Если в качестве ЕП в базу вводятся слова, то они же и будут появляться в качестве подсказки при переводе. Но если это предложение, то оно будет подставлено в перевод только в том случае, если имеется полное совпадение или расхождения не превышают 30 %. При этом речь идет о совпадении или несовпадении формы, поскольку система не способна разделить китайский текст на слова, т. е. на смыслы. Особенно наглядно это проявляется при переводе с русского языка. Изменение падежных окончаний, предлогов и даже знаков препинания не позволяет системе оценивать предложение как ЕП, содержащуюся в базе.

Итак, что же мы можем принять за ЕП в практическом плане? Не думаю, что в качестве таковых следует признавать слова и устойчивые словосочетания – эти единицы являются естественными объектами усвоения как относящиеся к лексическому запасу. Представляется, что ЕП должны начинаться с уровня синтагм, т. е. лексико-грамматических комплексов с предикативной связью. Такие комплексы в качестве ЕП являются актуальными по причине определенной сложности, связанной с сочетаемостью глаголов с существительными как в китайском, так и в русском языках. За синтагмами следуют лексико-грамматические комплексы уровня синтагма – фраза, устойчивые и частотные в современном политическом дискурсе, которыми наполнены официальные документы, статьи и выступления лидеров обеих стран. Такие комплексы отражают современные реалии, а главная их особенность состоит в том, что они имеют «канонический» (общепри-

знанный) перевод в соответствующем языке перевода. Некоторые из таких единиц хоть и имеют определенную вариативность в переводе, но она касается только формы, языковой привычки, но не затрагивает информационно-смысловое поле.

Подводя итог вышесказанному, напомним одно из наиболее универсальных определений ЕП: единица перевода – это единица речи, требующая решения на перевод.

Отсюда мы предлагаем дидактическое определение постоянных и временных ЕП:

ПОСТОЯННЫЕ ЕП – это фрагменты текста, выраженные лексикологическими и структурными элементами языка, опознаваемые переводчиком при восприятии как ЕВ = ЕП и для которых у переводчика есть готовое решение на перевод.

ВРЕМЕННЫЕ ЕП – это главным образом окказионально возникающие в тексте синтаксические, логические связи и средства их реализации, обеспечивающие объединение постоянных и временных ЕП в текст как носитель информации.

При таком понимании содержания понятия единиц перевода становится возможным создание базы ЕП и включение их в систему упражнений с целью усвоения, т. е. в качестве единиц усвоения.

Список литературы

1. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (теория и практика перевода). – М.: Международные отношения, 1975.
2. *Комиссаров В.Н.* Слово о переводе. – М.: Международные отношения, 1973.
3. *Миньяр-Белоручев Р.К.* Общая теория перевода и устный перевод. – М.: Воениздат, 1980.
4. *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. – М.: Р. Валент, 2007.
5. *Степанов Ю.С.* Французская стилистика. – М., 1965.
6. *Талызина Н.Ф.* Управление процессом усвоения знаний. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
7. *VinayJ.-P., DarbelnetJ.* Op. cit. P. 37. Lederer M. La traduction aujourd'hui. Paris, 1994.

ВОСТОЧНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ – 2018 В КОНТЕКСТЕ КИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Ли Цзинчэн, Погодин С.Н.

Санкт-Петербургский политехнический университет
им. Петра Великого

lijc@yandex.ru, pogodin56@mail.ru

2018 и 2019 годы были провозглашены годами межрегионального сотрудничества между Китаем и Россией. Такое решение было принято в канун новогодних поздравлений друг другу президента Российской Федерации В.В. Путина и Председателя Китайской Народной Республики Си Цзинпина. Принятие такого решения стало продолжением дружеских традиций между двумя странами. Цель проведения этих мероприятий заключается в интенсивном развитии двухсторонних отношений, взаимного понимания и доверия, а также в продвижении совместного сотрудничества по актуальным общественно-экономическим вопросам двух стран.

Китай и Россия придают большое значение взаимодействию между разными регионами своих стран. В настоящее время существует более 137 городов-побратимов [Васильев, 2018]. В рамках развития межрегионального сотрудничества были созданы две рабочие схемы, в их основе лежит экономический и географический принцип. Первая – «Северо-Восточный регион Китая – Дальний Восток и Байкальский регион России», а вторая – «Янцзы – Волга».

Под этой эгидой между Россией и Китаем проведены многочисленные мероприятия по вопросам политического, экономического, а также культурного сотрудничества между двумя странами. Важными событиями стали Восточный экономический форум, Российско-китайское Экспо, Санкт-Петербургский экономический форум, Китайское международное импортное Экспо. Серия мероприятий еще продолжится в 2019 году.

11–13 сентября 2018 года в г. Владивостоке проводился четвертый ежегодный Восточный экономический форум. В работе приняли участие главы ряда стран АТР – Китая, Монголии, Южной Кореи и Япо-

нии. Си Цзиньпин впервые участвовал в этом международном форуме в качестве Председателя КНР, что говорит о выделении особого внимания со стороны Китая на двухстороннее сотрудничество по вопросам развития регионов АТР.

Накануне пленарного заседания Восточного экономического форума В.В. Путин провел официальную встречу с Си Цзиньпином. Во время этой встречи оба лидера обсуждали вопросы межрегионального сотрудничества. Среди китайских участников форума были 9 глав экономически развитых провинций, а также приграничных регионов с Россией. С российской стороны принимали участие 13 глав субъектов Федерации. Прежде всего это были приграничные с Китаем регионы и центральные регионы России [Хо и Ли, 2018].

Китайская Народная Республика является крупнейшим иностранным инвестором на Дальнем Востоке. Сумма вложений составляет более 4 млрд долл. США. В итоге работы Восточного экономического форума был создан Китайский инвестиционный фонд развития китайско-российского межрегионального сотрудничества с капиталом 100 млрд юаней. Между Министерством коммерции Китая и Министерством по развитию Дальнего Востока России была подписана «Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018–2024 годы».

Помимо планов сотрудничества в области экономики, обе стороны договорились о развитии гуманитарного сотрудничества между регионами двух стран. Приоритетным направлением будет развитие туризма, образования, культурного обмена, СМИ и других сфер [2]. Межрегиональное сотрудничество между Россией и Китаем уже приносит первые плоды. В рамках китайско-российского комплексного сотрудничества реализуются следующие крупные объекты экономического сотрудничества.

Во-первых, совместная работа по реализации инициативы «Один пояс – один путь» с Евразийским экономическим союзом.

Во-вторых, создана Китайско-российская международная коммерческая авиастроительная компания по разработке широкофюзеляжного самолета. Штаб-квартира компании находится в Шанхае.

В-третьих, в области освоения Арктики Китай и Россия совместно продвигают концепцию «Ледовый Шелковый путь». В ее рамках уже реализуется проект «Ямал СПГ» (сниженный природный газ) с участи-

ем китайских инвестиций (Китайская национальная нефтегазовая корпорация и Фонд Шелкового пути).

В-четвертых, совместное строительство седьмого и восьмого блоков Тяньваньской атомной электростанции в провинции Цзянсу в Китае. Это крупнейший по масштабу экономический проект между Россией и Китаем за последние 20 лет.

Развития ожидают и другие регионы Китая и России. Самое главное в сотрудничестве двух стран – взаимное понимание культуры, истории, образа жизни и доверие.

Список литературы

1. *Васильев Е.* Три ключевых слова. Посол Китая в России Ли Хуэй о результатах, достигнутых в торгово-экономическом и гуманитарном сотрудничестве Москвы и Пекина // Российская газета от 7 июня 2018 г.

2. Встреча с участниками круглого стола по российско-китайскому межрегиональному сотрудничеству // Администрация Президента России. – URL: www.kremlin.ru/events/president/news/58529 (01.10.2018).

3. *Ли Хуэй.* Использовать возможности регионального развития, углублять региональное сотрудничество между Китаем и Россией // Окно в АТР. – 2018. – № 28. – С. 2–5.

4. *Пэн Хуэй.* Завершилась работа четвертого Восточного экономического форума. Какие новые возможности ждут деловые круги Китая и России? // Пэйцзин шанбао от 16 сентября 2018 г.

5. *Хо Сяогуан, Ли Цзяньминь.* Си Цзиньпин и Президент России Путин участвовали в встрече с главами регионов Китая и России // ИА Синьхуа. – URL: www.xinhuanet.com/world/2018-09/11/c_1123415050.htm (01.10.2018).

俄罗斯留学生汉语语音偏误调查

Ли Цяньцянь 李倩倩

УЦ «Институт Конфуция» Новосибирского государственного
технического университета
邮箱：923438787@qq.com

摘要：大连外国语大学汉学院有很多俄罗斯留学生，在与他们交往的过程中，发现不管是入门、初级、中级或者是高级的留学生都会在声母、韵母、声调方面存在一些语音方面的问题。因此本文通过对俄罗斯留学生汉语语音偏误的调查，分析他们出现偏误的原因，提出几点教学对策与建议，以期能在以后的教学工作中帮助他们纠正语音方面存在的问题。

一、研究方法

1. 被试

本调查选取大连外国语大学汉学院，汉语水平分属入门、初级、中级、高级四个级别，来自俄罗斯的留学生作为被试对象进行调查。

表1.调查对象详细情况

国籍	年龄	性别	级别	学习汉语时间
俄罗斯	22	男	入门	3个月
俄罗斯	18	女	入门	3个月
俄罗斯	19	女	初级	1年半
俄罗斯	19	女	初级	2年
俄罗斯	21	女	中级	3年
俄罗斯	21	女	中级	3年半
俄罗斯	23	男	高级	6年
俄罗斯	23	男	高级	6年

2. 调查工具

该调查采用录音的方法，通过实地访问，对留学生进行录音记录。调查的内容包括留学生的语音发音情况，个别相关信息，涉及国家、年龄、性别、学习汉语时间、汉语水平级别。

为了能准确的测试出俄罗斯不同汉语水平留学生容易出现的语音偏误，因此四个级别的留学生都采用同样的测试材料，即百字图。

表2. 百字图

1	波	白	杯	报	本	朋	表	票	不	夫
2	法	怕	没	门	忙	在	三	走	宿	坐
3	词	四	字	大	他	德	到	地	点	对
4	哪	了	来	两	你	里	路	女	绿	题
5	志	吃	这	产	中	衬	程	住	说	春
6	是	日	少	上	授	人	生	睡	剧	泉
7	向	熊	七	小	先	进	京	学	去	群
8	几	家	介	九	见	观	光	快	哭	画
9	客	和	个	工	国	银	迎	五	我	翁
10	欸	二	一	也	要	有	用	喂	晚	语

二、语音分析

通过对8名学生读百字图的语音进行分析,我发现无论是中、高级留学生还是入门、初级的留学生在声母、韵母、声调和语流音变方面都存在不同的偏误。

1. 声母方面

(1) b、d、g的浊化:这8名留学生在百字图的声母测试区表现为,将声母中的清音浊化,因为在汉语中没有清浊的对立,而俄语中的清浊对立主要是区分意义,因此俄罗斯留学生容易将汉语中的b[p]、d[t]、g[k]读成俄语的Б、Д、Г。这种现象是俄罗斯留学生在学汉语时经常出现的偏误。通过对比四个级别的留学生语音发现,清音浊化现象在汉语语音强化的入门、初级阶段低于中、高级阶段,随着学生年级的升高,浊化现象反而较之前有明显的回升。

(2) z、zh、j:

z的正确发音是,舌尖向前平伸,抵住上齿背,舌尖稍微向后松动,使微弱的气流从窄缝中挤出来,摩擦成声。学生常用ДЗ来代替,而俄语中的З摩擦更强烈,俄罗斯学生常将z发成摩擦力很重的音。

j和zh是俄语中没有的音,两个都是不送气清塞擦音,区别在于一个是舌面前音一个是舌尖后音,这与俄语中З的发音唇形相同,舌位也基本相同,通过测试发现,俄罗斯留学生常常将母语的发音规则应用于汉语造成发音偏误。

(3) 擦音r的过度摩擦

r是汉语普通话中唯一的一个浊擦音，与俄语中的浊辅音Ж的音很像。他们在发r音时常常将舌头过度卷翘，发音时接近俄语中的颤音P，摩擦过度，听起来像舌尖颤音。

2.韵母方面

舌尖元音-

i：汉语的i在不同的声母后分别发成高元音、舌尖前元音和舌尖后元音，汉语拼合中zh、ch、sh、r与舌尖后元音i，z、c、s与舌尖前元音i相拼，通过录音分析，俄罗斯留学生常将这些不同声母后的i音相混淆，最明显的表现是学生在发ji、zi、zhi三个音时的问题。

3.声调方面

汉语声调是汉语学习中很难掌握的一个环节，这是由于声调的变化并不是简单的音长变化，而是一个相对转换的过程，具有连续、渐变的特点。由于对音调的误读，致使声调在俄罗斯留学生的汉语发音中很难起到区别性的作用，导致洋腔洋调严重。关于音调，无论入门、初级还是中、高级都存在洋腔洋调的问题。

通过对百字图声调测试专区中“工、国、也、要”的听辨发现，俄罗斯学生声调一声和四声相对二声和三声较好，但是仍然存在一些偏误，主要表现在阴平不够高，阳平上不去，上声音高把握不准、音长分配不当，去声降调不够的问题。

三、教学对策与建议

1.声母教学对策

汉语普通话有六对声母b/p、d/t、g/k、j/q、z/c、zh/ch，它们每一对的发音部位相同，发音方法也很接近，但由于发音时吐气强弱的不同，便形成了两个不同的声母，有不同的声母组成的音节自然也具有不同的意义。

对于送气和不送气音，教师可以先示范发音，然后用学生能理解的语言，简要说明其发音原理和要领。教师示范发音时，应尽量放慢发音动作，有意识的延长送气时间，然后再发韵母。在练习时，可以先找一对简单的作对比练习，能起到带动的作用。

对于舌尖音z组、j组、zh组，这三组声母的发音难度是不同的。一般发z组和zh组较容易，舌尖碰不碰上齿背是区分的关键。碰舌尖就是z组，反之就是zh组。对于j组、zh组，zh舌尖收缩，舌尖抵住硬腭前部。从“yizhi”这两个简单的音节开始，让学生体会到“i”时舌面大部分上

举贴近上颚，而发“zh”时，舌尖收缩。j组舌尖低平，舌面隆起贴近硬腭，可以从“yijin”练起。

2.韵母教学对策

为了降低学习难度，我们可以采用变通的学习方法——整体认读法，就是不单独教舌尖元音，而是使之结合声母直接读出来。因为这两个语元音只分别出现在z、c、s和zh、ch、sh、r的后面，所以我们可以将zi、ci、si和zhi、chi、shi、ri这七个音节作为整体来认读。它们的发音与声母z、c、s、zh、ch、sh、r一样，只要这几个声母的音发准了，声带振动，发音响亮就可以了。没有必要单独教。

3.声调教学对策

由于俄语是一种没有声调的语言，而汉语中有阴、阳、上、去四种声调。声调不同，汉字不同，所表示的意义也不同。所以对母语是俄语的学生来说学好汉语声调是一种挑战。

关于声调的教学对策，首先要发好阴平调，再学去声调，因为阴平是四声的基础。最后学习阳平和上声两个调。前面我分析了外国学生发阴平的问题是：起调不高，读成了中平或低平。起调太低就影响了去声的发音。教学上，一定让学生多练习起调，高、平、延长音。阳平起调不可太高，也不可太低。上声很少读成214，练习时可以把211作为基本调型，用上升带其他声调，如“很高、语言、使命”等。针对学生上声起点高、降不下去、升不高的问题，操练时可以用上声带去声，如“不好、大雨”。去声降不到位或者念做平调，可用阴平带去声的办法，如“教师、升降”。

其次，也可以进行声调对比的针对性练习。根据学生的学习情况，对初级班的学生着重进行单字调的练习，老师可以用a或者其他简单的音节来定调，从易到难。对于中高级的学生来说，在准确掌握单字声调的基础上，把声调放到语流中进行训练。可以依次按照先单句，后短句，再长句子的训练方式。循序渐进地掌握语流中声调的高低变化及每个声调之间的配合从而形成正确的汉语声调语感。

语音教学是外国学生学习汉语的初始阶段，但也是一个长期的过程。学习语音不是靠记忆和理解，而是靠听辨和模仿来培养新的发音习惯。而新的发音习惯不是一朝一夕就可以建立的，在语音教学过程中不仅要了解学习的重难点，更要掌握一些语言教学的技巧，这样才能提高教学率，同时这也是一名汉语教师的责任。

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВЕТСКОГО ОПЫТА
В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КНР
ПО ОТНОШЕНИЮ К СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫМ
ПРОВИНЦИЯМ ХЭЙЛУНЦЗЯН, ЦЗИЛИНЬ, ЛЯОНИН
В 1950-е гг.**

Макеева С.Б.

Иркутский государственный университет
msbmag9581@yandex.ru

В 1950-е гг. ученые Китайской Народной Республики, занимавшиеся исследованием основ организации территориального экономического развития, опирались на достижения в области экономической географии Советского Союза. Особую популярность в Китае приобрело учение о географическом разделении труда. Территориальные особенности страны выступали одним из основных объектов изучения при формировании региональной политики в отношении всех регионов КНР.

Региональная экономическая политика Китая по отношению ко всем районам была направлена на то, чтобы в полной мере мобилизовать потенциал различных областей, наиболее эффективно использовать имеющиеся природно-географические ресурсы различных районов, а также содействовать формированию самостоятельных промышленных систем в различных районах и достичь более рационального и сбалансированного развития Китая [Ильина, 2017: 15]. В рамках реализации региональной политики по отношению к северо-восточным провинциям Китая правительство КНР опиралось на экономическое сотрудничество с Советским Союзом.

После образования КНР в 1949 г. начинается восстановление экономических отношений между Северо-Востоком Китая и Советским Союзом. В связи с послевоенными экономическими трудностями, на основании принципа равенства и взаимной выгоды начала активно развиваться пограничная торговля с СССР. Северо-Восток Китая обменивал излишки сельскохозяйственной продукции на дефицитную продукцию гражданского и военного назначения, тем самым стимулируя восстановление и развитие промышленного и сельскохозяйственного производства.

Стратегические цели СССР и модель социалистического промышленного строительства оказали большое влияние на развитие экономической модели Северо-Востока Китая [Баженова, 2018: 29]. Это можно увидеть в адаптации советских стратегических целей, стремительном развитии военной и железнодорожной промышленности. Советская модель развития промышленности составляла основу создания промышленного сектора Северо-Востока. В период первой пятилетки почти все промышленные предприятия, построенные с помощью СССР в Северо-Восточном регионе, являлись предприятиями тяжелой промышленности, в результате данный регион стал базой тяжелой и оборонной промышленности Нового Китая.

Руководители КПК неоднократно просили Сталина отправить советских специалистов на Северо-Восток Китая для помощи в восстановлении и строительстве промышленности региона. Однако существовала некоторая неопределенность в отношении Сталина по поводу ситуации в Китае. После визита Лю Шаоци в СССР и провозглашения «односторонней» внешней политики, Советский Союз оставил сомнения и согласился удовлетворить почти все просьбы о поддержке. Более 200 специалистов были отправлены в Китай вместе с Лю Шаоци. Большинство специалистов остались в Северо-Восточном регионе и оказали существенную помощь в восстановлении экономики данного региона. СССР предоставила Китаю ссуду под низкий процент, помогала в строительстве ключевых объектов, развивала двустороннюю торговлю, предоставляла технические данные, отправляла советских специалистов в Китай и обучала китайских специалистов, а также содействовала составлению планов экономического развития. Советские специалисты, основываясь на своем опыте экономического планирования, вносили много предложений и рекомендаций в промышленное планирование Северо-Восточного региона и оказали большую помощь в реализации промышленного плана в Северо-Восточном регионе Китая.

Преимущества двусторонней торговли заключались не только в том, что осуществлялся экспорт избыточной сельскохозяйственной продукции с Северо-Востока в СССР и происходил обмен дефицитной военной продукции и продукции всеобщего потребления, но и в том, что импортировалось необходимое сырье для обрабатывающей и горнодобывающей промышленности [张凤鸣, 2003: 3–4].

В общей сложности Советский Союз помогал в реализации на Северо-Востоке Китая 57 проектов тяжелой и обрабатывающей промышленности, так как производство оборудования было одним из основных направлений развития.

Советский опыт в экономико-географическом разделении труда, организации планового промышленного развития районов, строительстве ключевых объектов и индустриализации использовался при проведении региональной экономической политики в отношении северо-восточных провинций КНР. Советский Союз обеспечил Северо-Восток Китая большим количеством машин и оборудования. Помимо технического обеспечения было предоставлено большое количество специалистов и передан управленческий опыт. Северо-Восточный регион раньше всех претворил в жизнь план экономического развития во всем Китае и более того – лидировал по масштабам реализации и высоте показателей промышленного строительства в 1950-е гг.

Список литературы

1. *Баженова М.Ю, Макеева С.Б.* Регионоведение стран АТР: основные направления региональной политики КНР в отношении северо-восточных провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин // Проблемы социально-экономической устойчивости региона // Сборник статей XV Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 27–33.

2. Экономическое развитие регионов: опыт России и Китая: монография / под науч. рук. В.А. Ильина, А.А. Шабуновой, К.А. Гулина, Д. Мао. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2017. – 402 с.

3. 张凤鸣. 中国东北与俄国(苏联) 经济关系史 // 中国社会科学出版社, – 2003. – 204 页.

КОНЦЕПЦИЯ «СЛАБОЙ СИЛЫ» КАК ОСНОВА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Меньшикова Г.А.

Санкт-Петербургский государственный университет
Menshikova.g.a@mail.ru

Социальная природа взаимодействия вообще и государств в частности всегда была стержневым предметом анализа социологов. Так, Питирим Сорокин («Социальная система») акцентировал внимание на особенностях взаимодействия различных по численности и взаимной близости групп населения. Другой классик социологии Марк Грановеттер ввел новые критерии для оценивания взаимодействия: частоту связей и длительность контактов. К сильным связям он относил взаимодействие друзей и родственников, а к слабым – случайных знакомых. Рост силы последних в современном обществе он видел в том, что они соединяют большие группы людей, охватывающие сферу труда и социального взаимодействия, что часто более важно, чем семенные (родственные) узы.

Другой подход к изучению природы социального взаимодействия предложили исследователи механизма этого процесса, т. е. его конкретных способов и форм. Они давали оценку уже не связям, а силе и способам воздействия акторов друг на друга. Так, для характеристики отношений между государствами термин «мягкая сила» впервые применил профессор Гарвардского университета Джозеф Най-мл. в 1991 г. [4]. В другой своей работе [5] он рассматривает три компонента, с помощью которых государства способны оказывать воздействие друг на друга: культура, ценности и внешняя политика во всем многообразии форм их проявления. При этом он критикует действовавшую пропаганду США как грубую и малоэффективную.

Названные работы, как считается, были инициированы публикациями ученых Х. Моргентгау, К. Кнорр, Р. Клейн и других, которые обосновывали необходимость отказа от агрессии как формы разрешения противоречий между странами. Соображения на эту тему еще раньше высказывали Фуко, Бурдьё, Грамши и др.

Если, говоря о появлении термина, мы фокусируем внимание на европейских исследователях, то бесспорно сам феномен «силы мягкого и незаметного влияния» описан древнекитайскими философами, например Лао-дзы [1] (VII в. до н. э.). Этот ученый писал: «В мире нет предмета, который бы был слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твердый предмет», а далее он приводил другой пример, описывая силу женской привлекательности.

Современные исследователи развили теорию, разработав, во-первых, классификацию методов, которые входят в состав технологии «слабой силы» и распространены на практике. Они выделили гуманитарные, культурные, образовательные программы межгосударственного сотрудничества и обмена, направленные на повышение репутационной привлекательности страны. Как их разновидность, ими была выявлена роль продвижения всей совокупности брендов страны (ее территорий, предприятий, артефактов и т. д.).

Многие авторы – второе направление современных исследований – описывают особенности технологий «мягкой силы», применяемые различными странами. Назовем некоторые примеры: особенности американской политики по отношению к странам Латинской Америки описаны в статье [10]. Очень популярна тема среди исследователей России [9]. Пусть в России термин и стал обсуждаться позже, чем в других странах, но уже прошло несколько международных конференций, посвященных данной тематике. В Китае она также распространена, особенно в работах Чанфенг Чен, Енжжин Чжан, Ли Минжанг, Ю. Хинтиан, Янджонг Хуан [2].

Представители третьего направления предлагают агрегирующие модели, позволяющие сравнивать страны по их активности в проведении культурной политики [6].

Несмотря на очевидность признания доминирующей роли технологии «мягкой силы» во взаимодействии между государствами, сама проблематика не теряет дискуссионности. Активные споры по-прежнему вызывает проблема определения. Выявлена широкая и узкая трактовка понятия, но дискуссия далека от завершения. Основные точки зрения представлены в статье [3], хотя некоторые исследователи вообще утверждают о ее закате [7].

Современные ученые спорят по поводу структуры методов, которые в нее включают. Так, ряд авторов, рассматривая экономические методы воздействия как насилие, требуют исключить их из арсенала «мягкой силы». Другие, наоборот, отстаивая идею доминирования национальных интересов над межнациональными, допускают применение в современной политике даже угрозы агрессии. Ряд исследователей, а их немало, критикуют сам подход и его трактовку как базовую в политике.

В завершение хотелось бы отметить, что всё же именно технологии Soft Power определяют основной тренд мировой политики. Одновременно нельзя не согласиться с исследователями, указывающими на то, что экономическое вмешательство и как фактор, нарушающий независимость стран, и как возможность поощрения коррупции в верхних эшелонах власти является крайне нежелательным и должно находиться под пристальным вниманием ученых и общественности.

Прошедший в сентябре 2018 г. в Санкт-Петербурге Геополитический форум [8] подтвердил, что обе страны (Китай и Россия) остаются, с одной стороны, приверженцами технологии «мягкой силы», а с другой – ратуют за многообразие культурных и дипломатических практик.

Список литературы

1. *Лао-Цзы*. Книга об истине и силе. – М.: Эксмо, 2014. – 185 с.
2. Mingjiang li (ed.) Soft Power: China's Emerging Strategy in international Politics. – N.Y.: Lexington Book, 2009. – 273 p.
3. *Михалев П.В.* Концепция «мягкой силы»: обзор подходов в зарубежной науке // Дискурс-Пи. – 2017. <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-myagkoy-sily-obzor-podhodov-v-zarubezhnoy-nauke-1>
4. *Nye J.* Bound Lead. Changing Nature of American Power. – N.Y.: Basic Books, 1991. – 336 p.
5. *Nye J.* Soft power. The means to success in world politics. – N.Y.: Public Affairs, 2005. – 130 p.
6. *Patalakh A.* Assessment of soft Power Strategies: Towards an aggregative Analytical model for Country-focused Case Study Research, CIRR, XXII, (76), 2016, 85-1.1.
7. *Пименова Е.В.* Закат «мягкой силы»? Эволюция теории и практики soft Power // Вестник МГИМО. 2017. – № 1. – С. 57–66.

8. Современные аспекты межкультурного диалога: Инициатива «Пояс и Путь» и Большое евразийское партнерство, 27 сентября, СПб., 2018 <https://spbu.ru/news-events/novosti/voprosy-evraziyskogo-partnerstva-obsudili-na-pervom-geokulturnom-forume>

9. Soft Power, мягкая сила, мягкая власть, междисциплинарный анализ (коллективная монография). – М.: Флинта, 2015. – 45 с.

10. *Weinbrenner J.* Soft Power and Hard Power approaches in US foreign Policy: A case Study Comparison in Latin America, 2007, masters thesis, <http://stars.library.ucf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4405&context=etd>

СОТРУДНИЧЕСТВО РЕГИОНОВ РОССИИ И КИТАЯ КАК КАТАЛИЗАТОР РАЗВИТИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Нежданов В.Л.

Тюменский государственный университет
v.l.nezhdanov@utmn.ru

2018–2019 гг. объявлены годами сотрудничества регионов КНР и РФ. Этот шаг продолжает логику развития российско-китайских отношений, продолжающих перекрестные годы обменов. Упор на региональное сотрудничество России и Китая является последовательным шагом, поскольку ему предшествовали обмены, охватывающие общегосударственный уровень.

Невозможно говорить, что российско-китайское региональное сотрудничество получает развитие лишь в 2018–2019 гг. Проведение годов регионального сотрудничества свидетельствует о накоплении определенного опыта, ошибок и успехов.

Проблематика межрегионального сотрудничества России и Китая была актуальна еще в период пребывания у власти в КНР четвертого поколения руководителей под председательством Ху Цзиньтао [5].

Можно говорить о постановке проблемы развития межрегионального российско-китайского сотрудничества в середине 2000-х гг. В 2005 г. Ху Цзиньтао говорил о том, что российско-китайское региональное сотрудничество встретило редкую историческую возможность для развития. Было выдвинуто четыре предложения к вопросу развития регионального сотрудничества.

Во-первых, предложено использовать региональные конкурентные преимущества для развития двустороннего взаимодействия. Во-вторых, была поставлена задача укрепить связь и повысить эффективность российско-китайского регионального сотрудничества. В-третьих, отмечена необходимость планомерного расширения сферы двустороннего сотрудничества, приложения усилий для перехода от простой торговли к развитию инновационных производств, инвестиционной активности. Наконец, развитие двустороннего регионального сотрудничества немислимо без открытия рынков при стандартизации подходов к торгово-экономическим отношениям сторон.

Со времени предложений Ху Цзиньтао для развития российско-китайского регионального сотрудничества прошло более 10 лет, однако сохраняется приблизительно схожий уровень развития отношений, который был характерен для 2005 г.

В 2009 г. Ху Цзиньтао и Д.А. Медведев подписали Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР [3]. Российские эксперты, однако, отмечают, что, несмотря на высокие ожидания, связанные с подписанием соглашения, реальные действия с обеих сторон оказались недостаточными, что склоняет к констатации провала исполнения программы сотрудничества [1].

Объявление 2018–2019 гг. годами сотрудничества регионов КНР и РФ породило новые ожидания, связанные с установлением региональных связей. Успех проекта 2018–2019 гг., по ожиданиям китайской стороны, может быть обусловлен в том числе синхронизацией политических циклов в России и Китае [2].

В 2018 г. на ВЭФ прошла встреча представителей регионов России и Китая. Целью мероприятия стало обсуждение достижений сотрудничества, информирование о ходе развития инфраструктурных проектов, экономическое и торговое сотрудничество сторон, а также развитие гуманитарных обменов.

Китай позитивно оценивает практику формирования повестки дня развития регионального сотрудничества в форматах «Волга – Янцзы» и «Северо-Восток – Дальний Восток».

Лидером среди провинций КНР по объему торговли и сотрудничества с РФ является провинция Хэйлуцзян. С января по июль 2018 г. товарооборот этой провинции и РФ вырос на 51,1 % в годовом исчислении. Основными провинциями, сотрудничающими с РФ, являются Хэйлуцзян, Цзилинь, Ляонин, Внутренняя Монголия. Это говорит о том, что, несмотря на значительное развитие российско-китайского политического и экономического диалога, в последние годы сохраняется практика большей заинтересованности северных и северо-восточных приграничных провинций в сотрудничестве с РФ при меньшем интересе со стороны центральных и южных провинций.

Преимущественно приграничное сотрудничество касается и российской стороны, где наилучшие результаты в сфере регионального взаимодействия показывают Приморский край и Амурская область.

Региональное сотрудничество РФ и КНР требует гуманитарных обменов, укрепления общественных связей, социальной основы сотрудничества, установления взаимной доброжелательности и открытости. Важны прямое авиасообщение, мероприятия в сфере культуры, развитие сухопутного пассажиропотока и грузопотока [6].

Опираясь на политическую и экономическую повестку дня, проблематика регионального сотрудничества в России значительно сосредоточена на вопросах развития и привлечения инвестиций на Дальний Восток.

Развитие Дальнего Востока РФ является плюсом для развития Северо-Востока КНР, поскольку в Китае реализуют стратегию возрождения старых промышленных баз. Появляется возможность сопряжения развития Дальнего Востока и Восточной Сибири и Северо-Восточного Китая, развития экономических и политических связей [7].

С точки зрения отношения россиян к китайцам, сохраняет свои позиции теория «желтой угрозы». Отметим, что она не имеет ничего общего с реальностью, если опираться на проводимые социологические исследования. Напротив, зарубежные китайцы покидают Дальний Восток РФ [4].

В КНР сохраняет популярность так называемая «теория ненадежности России». Китай видит в обращении России к Азии ситуативную модель поведения. По мнению определенных групп, Россия все равно более заинтересована в Европе [8].

Особую роль в развитии региональных связей могут сыграть локальные организации и центры, направленные на развитие партнерских связей между регионами РФ и провинциями КНР, а также региональные отделения ОРКД [Там же].

Сделаем несколько предложений для катализации российско-китайского регионального сотрудничества. Во-первых, в основание можно заложить существующие практики регионального взаимодействия, сделать упор на масштабирование успешного опыта. Во-вторых, важно развивать теоретическое понимание регионального сотрудничества, делать упор на исследования, создавать инновационное знание и инновационную структуру взаимодействия. В-третьих, необходимо продолжать совершенствование деловой среды российско-китайского сотрудничества как в рамках законодательных актов, так и в рамках аналитики, распространения знаний друг о друге. Наконец, важно развитие гуманитарных обменов, базой которых могли бы стать университеты.

Список литературы

1. Зуенко И. Почему Россия и Китай провалили программу приграничного сотрудничества // Московский центр Карнеги, 22.08.18 [Электронный ресурс]. – URL: <https://carnegie.ru/commentary/77081> (Дата обращения: 08.10.18).
2. Нежданов В.Л. «Новая эра». Будущее отношений Москвы и Пекина глазами китайских экспертов // Евразия. Эксперт, 21.05.18 [Электронный ресурс]. – URL: http://eurasia.expert/novaya-era-budushchee-otnosheniy-moskvy-i-pe-kina-glazami-kitayskikh-ekspertov/?sphrase_id=10395 (Дата обращения: 9.10.18).
3. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики, 18.06.2010 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjb/zsjg/dozys/dqzzywt/t709788.shtml> (Дата обращения: 07.10.18).
4. Gabuev A., Repnikova M. Why forecasts of a Chinese takeover of the Russian Far East are just dramatic myth // South China Morning Post, 14.07.17 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.scmp.com/comment/insight-opinion/article/2102324/why-forecasts-chinese-takeover-russian-far-east-are-just> (Дата обращения: 08.10.28).
- 5.胡锦涛同俄罗斯西伯利亚联邦区地方负责人座谈共同商讨加强中俄地方经贸文化合作 // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан, 22.07.05, [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/ceka/chn/ztbd/hsb/hfdtxw/t204610.htm> (Дата обращения: 07.10.18).
6. 中俄地方合作正当其时 // Жэньмин Жибао, 12.09.18 [Электронный ресурс]. – URL: <http://world.people.com.cn/n1/2018/0912/c1002-30287258.html> (Дата обращения: 09.10.2018).
7. 郑洁岚. 俄罗斯东方经济论坛: “双头鹰”东望, 打造中俄地方合作名片 // Феникс (iFeng), 17.09.18 [Электронный ресурс]. – URL: https://pit.ifeng.com/a/20180917/60069710_0.shtml (Дата обращения: 10.09.18).
8. 韩璐. 2018 年中俄合作有三个亮点值得期待 // China Institute of International Studies, 1.03.18 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ciis.org.cn/chinese/2018-03/01/content_40236657.htm (Дата обращения: 10.10.18).

КУЛЬТУРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БРЕНДОВ КНР В КОНТЕКСТЕ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»³

Ни Цзяоцзяо, Кучинская Т.Н.

Забайкальский государственный университет, г. Чита
jiaoni@yandex.ru, kuchinskaya_t@mail.ru

Инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП) воплощается как культурно-цивилизационный проект КНР, концептуализирующий новую модель взаимодействия стран. Главная цель ОПОП – «построение человеческого сообщества с единой судьбой». Методология концепции основана на принципе гармонии, содержание которого раскрывается как «совместное обсуждение, совместное построение, совместное использование». В сфере межкультурной коммуникации одна из задач ОПОП заключается в укреплении культурных коммуникаций и связей во всех областях между разными цивилизациями.

Культурная репрезентация брендов КНР выступает эффективным инструментом межкультурной коммуникации и международных практик реализации «мягкой силы» китайской культуры [Ни Ц., Кучинская Т.Н., 2017: 115–120]. В данной работе подробно описаны отдельные примеры построения таких культурных брендов КНР в практиках реализации китайской инициативы ОПОП.

План действий по культурному развитию в рамках строительства «Один пояс – один путь» (2016–2020), разработанный Министерством культуры КНР, выделяет следующие задачи в области расширения межкультурного взаимодействия между странами ОПОП: совершенствовать механизм культурного обмена и сотрудничества; улучшить платформу культурного обмена и сотрудничества; создать бренды культурного обмена; обеспечить процветание и развитие культурной индустрии; содействовать торговому сотрудничеству в культурной сфере [Вэньхуабу, 2015].

³ Работа выполнена в рамках реализации научного гранта Совета по научной и инновационной деятельности Забайкальского государственного университета, контракт на выполнение НИР на тему «Культурные бренды как инновационный механизм региональной политики Китая», № 241-ГР от 09.02.2018 г.

В качестве конкретных репрезентативных практик Планом предусмотрены комплексные мероприятия по разработке и продвижению следующих международных культурных брендов КНР.

1. Проект «Веселый праздник весны». 春节 – один из важнейших символов китайской культуры, последние годы проходит под эгидой «Пояса и пути», становится наиболее влиятельным международным культурным брендом КНР. Этот праздник отмечается в самых разных странах ОПОП, в том числе в России, Белоруссии, Казахстане, Киргизии, Польше, Сербии и других странах, презентуя традиционные ценности китайской культуры и дух Шёлкового пути – совместное сотрудничество, открытость, толерантность, взаимное развитие и взаимную выгоду.

2. Комплексный культурный бренд «Культурный тур по Шёлковому пути» включает в себя всевозможные культурные фестивали, обменные программы, совместно организованные КНР и странами ОПОП. К 2020 г. КНР планирует осуществить культурный обмен с участием 30 000 чел., 1000 китайских и иностранных культурных учреждений, 200 экспертов с организацией более 100 фестивалей культуры. Яркими примерами таких объектов брендинга выступают: бренд «Постижение культуры Китая (意会中国)», который предполагает развитие культурного обмена между Китаем и арабскими странами; Год России в Китае и Год Китая в России; Год культуры Китая в Египте и Год египетской культуры в Китае; культурный тур по Шёлковому пути (中国·丝绸之路文化之旅) в Киргизской Республике и т. д.

3. Проект «Культурные посланники на Шёлковом пути» предполагает культурный обмен и сотрудничество между мозговыми центрами ОПОП, организацию семинаров для молодых синологов и переводчиков, приглашение 800 известных учёных, синологов, переводчиков в Китай на обучение и обмен опытом. К таковым культурным брендам относят следующие: коллоквиум «Синология и современный Китай» (“汉学与当代中国” 座谈会), Программа обучения молодых синологов (青年汉学家研修计划), учебный лагерь «Взлет по новому Шёлковому пути» (“起航新丝路” 特训营) в г. Сиань, встреча на высшем уровне «Здоровый Шелковый путь» (“健康丝绸之路” 高级别研讨会), благотворительный фонд «Солнечный свет на Шелковом пути» (“阳光丝路” 公益基金) и др. [Чжунго., 2015].

4. План поддержки творческого искусства в рамках ОПОП предполагает поддержку развития совместного творчества с культурными учреждениями стран и регионов ОПОП в области драматического, музыкального, танцевального, художественного искусств. Национальный художественный фонд КНР показывает поддержку объектам искусства на тему «Один пояс – один путь». К наиболее известным брендовым проектам относят международный фестиваль искусств «Шелковый путь» (丝绸之路国际艺术节) в провинции Шэньси, Международный фестиваль искусств «Морской шелковый путь» (海上丝绸之路国际艺术节) в провинции Фунцзянь, международный фестиваль китайского народного танца в Синьцзян (中国新疆国际民族舞蹈节), тематическую выставку изобразительного искусства «Один пояс – один путь» (“一带一路”主题美术作品展), организована Китайской национальной академией, Художественный парк «Морской шелковый путь» (Цюаньчжоу) (海上丝绸之路泉州艺术公园) и т. п.

5. План создания коридора культурного наследия в рамках ОПОП предполагает сотрудничество в области археологии, защиты и реставрации памятников культуры, в подготовке кадров для сохранения и охраны культурных ценностей. План предполагает разработку ряда культурных брендов, например: «Шелковый путь: Чаньань – Тяньшань» (丝绸之路：长安—天山廊道); Первая международная культурная выставка «Шелковый путь» (Дуньхун) (首届丝绸之路敦煌国际文化博览会) в провинции Ганьсу, саммит культурного наследия «Один пояс – один путь» (“一带一路”文化遗产峰会) в Пекине, День культуры и природного наследия Китая (2017 中国文化和自然遗产日) в городе Лоян, Международный симпозиум 2016 года по культурному наследию «Один пояс – один путь» (2016 “一带一路”文化遗产国际学术研讨会) и др.

В контексте межцивилизационного проекта КНР «Один пояс – один путь» культурный брендинг призван развивать межкультурную коммуникацию и сотрудничество Китая со странами и регионами ОПОП в целях продвижения китайской «мягкой силы» вовне и расширения ее международного влияния [Ни Цзяоцзяо, 2017]. Министерством культуры КНР предложен ряд комплексных программ, включающих культурные репрезентативные практики и совместные проекты, способствующие распространению китайских культурных ценностей и укреплению культурных коммуникаций и связей во всех областях между странами – участницами ОПОП.

Список литературы

1. *Бай Динго*. Вэньхуа пиньпай сюэ = Культурный брендинг / Бай Динго. – Чанша, 2010. 265 с.
2. Вэньхуабу: Идайилу вэньхуа фачжань цзихуа синдун цзихуа (2016–2020 нянь) = Министерство культуры Китая: План действий по культурному развитию в рамках строительства «Один пояс – один путь» (2016–2020 годы) // Синьхуа. 2015. 26 ноября. – URL: http://news.xinhuanet.com/culture/2015-11/26/c_128471020.htm (дата обращения: 20.09.2017). Авт. перевод.
3. *Ни Ц.*, *Кучинская Т.Н.* Культурный брендинг в репрезентативных практиках китайской мягкой силы Дискурс-Пи. – 2017. – № 3–4 (28–29). – С. 115–120.
4. *Ни Цзяоцзяо*. Культурный брендинг как инструмент мягкой силы Китая // Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях: история и современность: материалы междунар. интернет-конференции АШПИ (1 апреля – 30 июня 2017 г.). – URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=4313> (дата обращения: 10.08.2017 г.).
5. Чжунго вэньхуа пиньпай фачжань баогао (2015 нянь) = Доклад о развитии культурных брендов Китая (2015 г.) / под ред. Оуян Юцюаня. – Бэйцзин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубанышэ, 2015. – 322 с. Кит. яз.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИИ В КИТАЕ

Олейников И.В.

Новосибирский государственный технический университет
oleynikov_i@mail.ru

Проблема формирования нации, национального государства, национализма имеет ключевое значение для социального знания и управленческой деятельности в любом государстве и во все времена.

В данном контексте возможно рассмотрение проблемы в нескольких направлениях. Во-первых, необходимо определиться с общим понятием «нация», которое эволюционировало во времени, а во-вторых, рассмотреть восприятие этого понятия в Китае. Таким образом, проблемно-хронологический подход становится необходимым.

Первое направление представлено в большом разнообразии.

Если в период господства советской идеологии официальное определение нации в связи с установками нашего государства сводилось к тому, что это «Исторически сложившаяся часть человечества, объединенная устойчивой общностью языка, территории, экономической жизни и культуры» [12]. Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма. «Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации» [14, с. 34]. «Нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». «...Нация, как и всякое историческое явление, подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец». «Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм...» [6, с. 136].

То в начале XXI века в результате изменившейся идеологии и интегрированностью российского исследовательского пространства в глобальные процессы ситуация выглядит принципиально иначе. «Нация – это народ, рассматриваемый скорее с политической, чем с биологической или культурной точки зрения (нация – не раса и не

этнос); скорее совокупность индивидуумов, чем институт (нация не обязательно равнозначна государству)» [13].

Конечно, официальное представление существует и в наши дни, что следует из Приказа Минобрнауки РФ от 03.08.2006 № 201 «О концепции национальной образовательной политики Российской Федерации»: «...Нация (термин многозначен):

а) согражданство, консолидированная совокупность граждан одного государства, обладающая – при сохранении этнического, религиозного и расового разнообразия – общностью языка, общностью культуры с присущей ей самостоятельной системой ценностей, общностью самосознания, включающего в себя чувство общей исторической судьбы, сознание своей самостоятельной субъектности в геополитическом пространстве нового времени. Для размежевания с другими значениями этого термина употребляется также в виде формулы “гражданская” или “политическая” нация;

б) в отечественной научной традиции – связанная с этапом становления буржуазного общества ступень в историческом развитии этноса как этнической общности, складывающейся и воспроизводящей себя на основе общности территории, экономических связей, языка, особенностей культуры, психического склада, этнического (национально-го) самосознания...» [9].

Конечно, для европейских государств данный феномен начинает формироваться, а как следствие, и рассматриваться в исследовательском пространстве, в нововременную эпоху исторического развития. Если к этому добавить регулярный европоцентризм научных обобщений в социальной вообще и в политической в частности сферах, то мы получим формирование правильной политической и социальной сферы, только исходя из совпадения с европейскими взглядами и ценностями. Возникает логичный вопрос, насколько данные представления имеют право на доминирование в мировом и региональном масштабах с точки зрения научного, а не политического превосходства. «Маркс из-за недостатка знаний по Востоку скорректировал свою знаменитую формационную теорию объяснениями *ad hoc* – концепцией «азиатского способа производства», которая потом около ста лет дебатировалась мировым и особенно отечественным востоковедением, пока диспутанты не убедились в методологической ограниченности такой постановки вопроса» [6, с. 14]. При этом необходимо отметить, что в европейской традиции становление нации и национального государства в

своей основе подразумевало разделение сферы деятельности церкви и государства, и это фактически ограничило возможность создания единой католической Европы и заложило основы современного религиозного разнообразия в христианстве. Но главное в том, что в новое время это создало взаимосвязь между человеком и территорией – взаимосвязь, которой раньше в Европе не существовало.

В китайском языке существует несколько основных вариантов обозначения нации – это 国家 (Guójīā) и 民族 (Mínzú). Временной разницы, то есть разницы по времени происхождения или начала использования терминов, между этими словами нет, что 国家 (Guójīā), а точнее – 国 (Guó); что 民族 (Mínzú), а точнее – 族 (Zú), в древнекитайских текстах употребляются «равномерно». Если не вдаваться в древнейшую историю Китая, фактически разница между этими понятиями почти такая же, как и в русском языке между нацией и национальностью, но при этом они оба могут обозначать нацию, только в разных понятийных контекстах. 国家 (Guójīā) – это прежде всего обозначение некоторого политического, экономического и иного социального объединения, имеющего территорию и единое правительство, объединяющего народ с разным уровнем социального развития. Таким образом, это народ, объединенный именно в рамках государства. Что касается 民族 (Mínzú), то это общность людей, объединенных скорее одной национальностью (т. е. основной критерий объединения связан с этническим форматом). Термин «нация» часто используется в современных средствах массовой информации, часто звучит термин «европейская нация». В китайском формате он будет передаваться через 国家 (Guójīā), потому что нет такой национальности. При этом, если использовать термины «национальная безопасность», «угроза нации», «интересы нации» и другие, везде под словом «нация» подразумевается «страна», поэтому в таких терминах будет употребляться слово 国家 (Guójīā).

Китайский историк Ж. Пань утверждает, что нация является сообществом людей, которое базируется на общих экономических, политических и культурных интересах, сформировавшихся на протяжении длительного исторического развития. Численность такого сообщества, его этнические элементы, занимаемая территория, обычаи, язык, религия, политические институты, а также идеология и общекультурные

установки могут меняться. Однако, такой признак нации, как общность интересов, остается неизменным [11, с. 63].

Таким образом, в исследовательском пространстве европейской и китайской традиции существуют различные подходы к восприятию термина «нация». Исходя из того, какое понятие вкладывается в данную дефиницию, мы можем выстраивать логическую цепочку эволюции формирования нации в Китае.

Прежде чем рассматривать признаки, характерные для нации и отличающие ее от других этнических образований, необходимо определить исторические и социокультурные условия формирования и развития данной исторической общности людей. В пространстве исследований национальных отношений сложились два основных методологических подхода к анализу нации как специфического объекта исторического знания. Согласно первому подходу нации формируются в результате естественного развития общества. Сторонники второго подхода утверждают, что нации являются плодом интеллектуальных построений политиков, и сам термин выражает лишь абстрактную идею единства (этноса, государства либо иного образования).

Следует учитывать также, что образование наций не является универсальной стадией развития всех народов мира. При этом можно предположить, что и сама нация не является устойчивым социальным объединением для одного и того же общества, но в разные времена может быть характерно как наличие нации, так и ее отсутствие. Тем более что причины для ее образования могут быть разнообразные: это может быть объединение под давлением внешнего вызова, это может быть внутренний призыв, который, в свою очередь, может иметь религиозный, политический, экономический формат.

При этом существует целый ряд и других принципиальных отличий, которые представлены в большом количестве работ как западных [1–5], так и отечественных исследователей [6–8, 10].

Но необходимо отдавать себе отчет в том, что, судя по древнему периоду происхождения терминов в китайском языке, формирование нации, с их точки зрения, относится не к буржуазному периоду (как у К. Маркса) и не к новому времени, как это представлено в европейской исследовательской традиции. Данный феномен мог быть реализован в Древнем Китае, например, в период династии Цинь, а потом мог отойти на второй план до Танского периода расцвета, когда могла про-

изойти перегруппировка на основе гордости за собственное величие, и принципиально измениться в период династии Юань под давлением внешнего фактора. Затем последовал покой при Минах и новый внешний вызов сперва со стороны маньчжуров, а после и европейских государств...

В результате можно предположить, что такое явление, как нация в значении 民族 (Mínzú), могло возникнуть и существовать с периода первых китайских государств, а такое явление, как нация в значении 国家 (Guójiā), могло присутствовать и отсутствовать на территории Китая волнообразно. И причины возникновения могли меняться, и она сама (нация) могла приобретать дополнительный отличный признак от предшествующей и последующей.

Таким образом, процессы формирования наций детерминированы разными причинами. Каждая этническая общность развивается, и различные условия ее жизни накладывают отпечаток на деятельность в сферах материального и духовного производства людей, а вместе с тем и на их мышление, национальную психологию, характер, миропонимание и быт.

Список литературы

1. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. – М.: Аспект-пресс, 2002. – 537 с.
2. Антер Д.И. (Сравнительная политология: вчера и сегодня) в кн.: Политическая наука: новые направления. – М., 1999. – С. 309–386.
3. Дербичайр Дж.Д., Дербичайр Я. Политические системы мира: В 2 т. – Т. 2. – М.: Рипол Классик, 2004. – 494 с.
4. Категории политической науки: учебник для студентов вузов / под ред. А.Ю. Мельвиля. – М.: РОССПЭН, 2002. – 656 с.
5. Мэр П. Сравнительная политология: общие проблемы / П. Мэр // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. – М., 1999. – 310 с.
6. Политические системы и политические культуры Востока / под ред. профессора А.Д. Воскресенского. – 2-е изд. перераб. и доп. – М: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 829 с.
7. Политический процесс: основные процессы и способы анализа / под ред. Е.Ю. Мелешкиной. – М.: Инфра-М: Весь мир, 2001. – 304 с.
8. Политология: Политическая теория, политические технологии: учебник для студентов вузов / А.И. Соловьев. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 559 с.

9. Приказ Минобрнауки РФ от 03.08.2006 № 201 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elementy.ru/Library9/pr201.htm> Дата обращения 01.11.2018.
10. *Сморгунов Л.В.* Современная сравнительная политология: учебник. – М.: РОССПЭН, 2002. – 472 с.
11. Современная мировая историческая наука: информационно-аналитический обзор (по материалам XVIII Международного конгресса историков и X Международной конференции «История и компьютер»). – Монреаль, 1995. – С. 63.
12. Толковый словарь русского языка: В 4 т. – Т. 2 / под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1938. – 1040 с.
13. Философский словарь – М.: Палимпсест: Этерна: Андре Конт-Спонвиль. – 2012. – 1120 с.

ЗАРУБЕЖНЫЕ СОВМЕСТНЫЕ ПОКУПКИ КАК ОСОБАЯ ФОРМА ТОРГОВЛИ КИТАЯ С РЕГИОНАМИ СИБИРИ

Решетина Н.А.

Новосибирский государственный технический университет
reshetina@corp.nstu.ru

Середина 2000-х гг. ознаменовалось появлением и началом развития интернет-торговли в Китае и России. В России предпосылками для этого были недостаточное развитие розничной торговли, ограниченный бюджет значительной части покупателей, а также рост числа пользователей Интернета.

Началом зарубежных совместных покупок можно считать объединения знакомых на форумах с целью выкупа тех или иных групп товаров на зарубежных сайтах. Основными участниками покупок выступали молодые мамы, которым необходимо было покупать множество детских вещей при весьма ограниченных средствах [2].

Китай как место для проведения закупок обладал рядом преимуществ по сравнению с другими странами. Невысокая цена товара, большой ассортимент, развитые торговые интернет-площадки, например таобао, относительно невысокие расходы на транспортировку товаров – всё это обеспечило популярность совместных зарубежных закупок из Китая.

Зарубежные совместные покупки организационно всегда имели два звена. Местное звено-организатор – это житель Сибири, именно он регистрировал соответствующий сайт/тему на форумах. Организатор занимался рекламой, сбором заказов у потенциальных покупателей, получал оплату за товар и отправлял заказ китайскому посреднику. В его функции входило также получение посылки у транспортных служб и раздача заказов участниками. Посредник в Китае (первоначально это были преимущественно жители КНР со знанием русского языка) получал оплату от организатора, выкупал заказанные товары на специализированных торговых площадках/сайтах Китая и отправлял его в Россию в виде относительно небольших посылок.

В 2008–2012 гг. происходил расцвет зарубежных иностранных покупок с Китаем, в каждом региональном центре Сибири на местных форумах были подобные предложения по выкупу и доставке товаров из Китая в Сибирь. Только в Новосибирске было более 100 подобных предложений.

Первоначальная география посредников в Китае была очень разнообразной: лидерами были крупнейшие города – Гуанчжоу, Шанхай и Пекин. Транспортировка заказов осуществлялась преимущественно Почтой России небольшими посылками (до 20 кг).

Также одновременно с китайскими посредниками в приграничных китайских городах появляются российские предприниматели и фирмы, предоставляющие посреднические услуги в покупке товаров на территории Китая. Их услуги стоили несколько дороже китайских посредников, но отсутствие языкового барьера и знание российских покупателей делало их услуги более конкурентоспособными.

Постепенно происходит изменение географии закупочных посреднических центров в Китае. Исчезают центры посредников на восточном побережье и в континентальном Китае и растет их число в приграничных городах с Россией. Наибольшее количество посреднических фирм сосредоточивается в Маньчжурии, Хайхэ, Суйфыньхэ. Во многом это было вызвано совершенствованием логистики доставки товаров из Китая в Россию. Появляются многочисленные транспортные карго-компании, которые организуют перевозку товаров через границу с Китаем и отправку его по территории России транспортной компанией. Такое логистическое решение имеет три преимущества перед отправкой посылок почтой из Китая в Россию: 1) освобождение организатора закупки от таможенных лимитов, ведь фактически организатор только получает груз, отправленный из одного города России в другой; 2) скорость доставки. Отправка почтой России могла идти до двух месяцев, срок доставки был трудно предсказуемым, а транспортировка через карго-компанию была быстрее. Так, груз из Маньчжурии в среднем идет в Новосибирск 4–7 дней, в Москву – 10–14 дней; 3) стоимость перевозки. В 2014 г. в связи с ростом курса юаня стоимость почтовых отправок достигала 700...800 руб. за килограмм при весе посылки от 10 кг, а стоимость отправки груза с карго-компанией была практически в два раза ниже.

Кризис 2014 г. негативно сказался на развитии совместных зарубежных покупок из Китая. Рост курса юаня и стоимости почтовых отправок значительно повысил цену на китайские товары для потребителей в Сибири. Сокращается количество организаторов в городах Сибири, уменьшается количество посредников [1]. Вместе с этим падает стоимость услуг посредников по закупке и перевозке товаров из Китая в Россию. Если в 2008–2012 гг. совершенно обычным было вознаграждение агента в Китае 15...20 % и стоимость перевозки через границу 350...400 руб. за килограмм, то в 2016–2018 гг. вознаграждение снизилось до 3...10 %, а стоимость доставки грузов через границу до 120...200 руб. за килограмм.

Также с 15...20 % до 5...10 % уменьшают свое вознаграждение и организаторы совместных зарубежных покупок. Данные меры, а также стабилизация курса юаня предопределили некоторый рост объемов торговли по зарубежным покупкам в 2016–2018 гг.

Еще одним важным фактором, повлиявшим на развитие данного вида торговых отношений, стал массовый приход китайских интернет-магазинов на российский потребительский рынок электронной торговли. Такие китайские магазины, как «Алиэкспресс», забрали на себя часть покупателей совместных зарубежных закупок [3]. Интернет-магазины Китая, работающие на российском рынке, дают большую свободу в заказах, исключают фактор мошеннических действий со стороны организатора, имеют механизм финансовой защиты покупателя в случае брака или обмана продавца.

Сегодня рынок зарубежных совместных покупок из Китая стабилизировался. Снизилось количество афер и обмана со стороны организаторов, определился костяк организаторов в регионах Сибири и посреднических фирм в приграничных городах Китая. В связи с ростом количества интернет-магазинов из Китая, расширением их ассортимента, ужесточением таможенных правил на зарубежные покупки возможно дальнейшее уменьшение доли зарубежных совместных покупок за счет их закрытия или трансформирования в интернет-магазины, работающие по принципу дропшипинга с Китаем.

Список литературы

1. Куда уходит Taobao? Перспективы развития рынка посредников Таобао в 2016 г. / Cossa.ru – информационный портал о маркетинге и коммуникациях в

цифровой среде. – URL : https://www.cossa.ru/155/118410/www.smmashing.media/?vote_comment=plus&vote_comment_id=122231 (дата обращения: 13.10.18)

2. *Майорова-Щеглова С.Н.* Совместные покупки как новая экономическая практика родительского сообщества / С.Н. Майорова-Щеглова // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2016. – № 2(4). – С. 76–83.

3. Онлайн-экономика России: как жители больших, средних и малых городов покупают, продают и платят в Сети. Исследование PayPal и Data Insight. Результаты опроса, проведенного среди российских пользователей Интернета. – Июнь 2018. – URL http://datainsight.ru/sites/default/files/PayPalDataInsight%20study_2018.pdf (дата обращения: 21.09.18).

СИНЬЦЗЯН В РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (2010–2018 гг.)

Савкович Е.В.

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
savkovic@sibmail.com

Активное формирование экономических районов в КНР на современном этапе следует отнести еще к концу XIX – началу XX века. С периода реформ и открытости подходы к региональной политике в Китае начинают меняться, в связи с чем потребовалась унификация таких категорий, как «регион», «региональная политика», «региональное развитие» и т. д. Государство также столкнулось с проблемой регионального дисбаланса в развитии экономики: восточные приморские провинции развивались гораздо быстрее.

Что касается национальных районов, то они располагаются на периферии, при этом обладая уникальным набором природно-географических характеристик. Однако для развития нового типа экономики, инновационной, такого рода факторов оказывается недостаточно для ускорения развития и выполнения общенациональных задач, а государству необходимо привлечение в регионы большого количества дополнительных ресурсов для развития.

Синьцзян-уйгурский автономный район КНР (СУАР) при региональном планировании был отнесен к китайскому Западу, а макроуправление на государственном уровне свелось к трем крупным макрорегионам, включая Восток (Северо-Восток), а также Центр. Все они были разделены по базовым показателям, а планирование развития учитывало максимальное количество факторов, характерных для каждого макрорегиона. Оказалось, что даже при объединении центральной части и западной они не показывали динамики восточных провинций и не достигали их базовых показателей (ВРП, ВРП на душу населения, уровни безработицы и доходов городского и сельского населения и т. д.).

Для развития СУАР ключевым стал 1998 г., когда на тот момент Председатель КНР Цзян Цзэминь осуществил инспекционную поездку в регион и обозначил приоритеты регионального развития. В дальнейшем это привело к принятию комплексной программы «Большое освоение Запада», в которой Синьцзян стал играть ведущую роль.

За 2005–2010 гг. экономика СУАР росла на 10,6 % ежегодно⁴, а по состоянию на 2010 г. впервые в истории автономного района превысила 500 млрд юаней и составила 541,9 млрд. Наибольший рост демонстрировали сферы промышленности и услуг [1].

Практика ускорения развития показала недостаточной, в связи с чем центральные власти КНР с 2010 г. начинают реализацию новой программы адресной помощи СУАР «дуйкоу юаньцзянь». Государство выбрало 19 развитых провинций и городов-спонсоров развития (см. таблицу), которые начали осуществлять практику адресной помощи в научно-технической сфере, управлении, подготовке кадров и финансах для создания долгосрочных механизмов устойчивого роста региональной экономики, а также решения некоторых других задач (сокращение безработицы, повышение уровня образования, создание научно-технических центров, поддержка местных производств, поддержание социальной стабильности, борьба с сепаратизмом). С этого же периода регулярными становятся проходящие в Пекине с участием руководства совещания рабочей группы по Синьцзяну. Аналогичные совещания на уровне автономного района проходили и в различных городах СУАР, последнее по времени прошло с 9 по 11 июля 2017 г. в Кашгаре [2]. Позднее к районам, которым оказывалась поддержка, были приравнены бригады Синьцзянского производственно-строительного корпуса (СПСК) [3].

Провинции и города КНР, принимающие участие в программе адресной помощи СУАР

Провинция/город-участник	Получатель помощи в СУАР
Хэйлунцзян	Район Алтай: уезды Фухай, Фуюнь, Цинхэ, 10-я сельскохозяйственная бригада СПСК
Цзилинь	Район Алтай: городской округ Алтай, уезд Бурчуй, уезд Хабахэ, уезд Цзимунай
Ляонин	Восьмая бригада СПСК и Шихэцзы, район Тачэн, девятая бригада СПСК
Хубэй	Бочжоу
Фуцзянь	Округ Чанцзи (кроме Фукана)

⁴ Сравнительные данные представлены по 11-му пятилетнему плану экономического и социального развития СУАР.

Окончание табл.

Провинция/город-участник	Получатель помощи в СУАР
Шаньси	Округ Чанцзи: городской округ Фукан, шестая бригада СПСК и Уцзяцуй
Цзянсу	Округ Или, четвертая и шестая бригада СПСК, Кызылсу-Кыргызский автономный округ: Артуш, уезд Акчи, Улугчат
Цзянси	Кызылсу-Кыргызский автономный округ: уезд Акто
Хунань	Район Турфан
Хэнань	Район Хами, тринадцатая бригада СПСК
Хэбэй	Бачжун, вторая бригада СПСК
Чжэцзян	Район Аксу, первая бригада СПСК
Шаньдун	Район Кашгар: уезд Янгишар, уезд Янгигисар, уезд Юпурга, уезд Меркет
Гуандун	Район Кашгар: уезд Токкузакбазар, уезд Файзабад, тринадцатая бригада СПСК
Шэньчжэнь	Район Кашгар: городской округ Кашгар, Ташкурган-Таджикский автономный уезд
Пекин	Район Хотан: городской округ Хотан, уезд Хотан, уезд Каракаш, уезд Лоп, четырнадцатая бригада СПСК
Тяньцзинь	Район Хотан: уезд Ния, уезд Чира, уезд Керия
Аньхой	Район Хотан: уезд Гума
Китайская Национальная нефтегазовая корпорация*	Весь регион

* КННК была добавлена позднее и приравнена к провинции/городу. Условия ее участия в проекте немного отличаются.

На национальном уровне было определено, что каждая провинция или город центрального подчинения будет отчислять от 3 до 6 % доходной части бюджета на программы адресной помощи, которые могли быть разнообразными. Так, в 2010 г. СУАР по программе получил около 100 млрд юаней в виде дополнительных перечислений, а доходная часть бюджета региона увеличилась по сравнению с предыдущим годом сразу на 20 %. Роль Синьцзяна постоянно подчеркивалась как «стратегическая», а сам регион выступал в качестве «моста», соединяя внутренние провинции Китая с соседними государствами Центральной

и Южной Азии [4]. Отмечалось, что существует взаимодополняемость региональной экономики СУАР КНР и соседних государств, прежде всего пяти стран Центральной Азии. Кроме того, ряд более развитых провинций восточной части Китая начали переносить в регион производства, прежде всего энергозатратные [5]. Еще раньше Синьцзян начал рассматриваться в качестве транзитного региона на пути создаваемого Китаем Второго сухопутного трансконтинентального моста. Кроме того, здесь начинает создаваться передовая система обслуживания внешней торговли, а Урумчи постепенно становится региональным финансовым и банковским центром, обслуживающим как собственные операции, так и операции соседних регионов. Данная практика закреплялась местом СУАР в рамках инициативы «Один пояс – один путь» [6]. Для Синьцзяна была озвучена программа создания «пяти центров, трех баз и одного пути» (уда чжунсин, саныцзи итундао), учитывая особенности регионального развития, а именно: центра транспорта и коммуникаций, торгового и логистического центра, финансового центра, центра науки и культуры, а также центра медицинского обслуживания. В качестве «трех баз» обозначались следующие: национальная база производства и переработки нефти, база по добыче угля и производства электроэнергии, а также база по ветроэнергетике. «Один путь» в данном случае обозначал национальный транспортный проект по доставке энергоресурсов сухопутным путем. Наряду с трансграничными проектами в пятилетние планы закладывались и крупные инфраструктурные проекты, которые должны были решить задачу доступа в СУАР через территории соседних регионов – Тибетского автономного района (ТАР), провинции Цинхай и Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ).

В качестве пилотных проектов в Северном и Южном Синьцзяне в 2011 г. государство выделило средства на создание и развитие «трансграничной модели сотрудничества» [7], ключевой точкой которой в северной части района стали зона экономического развития Хоргос и развивающийся совместно с Республикой Казахстан проект Международного центра приграничного сотрудничества Хоргос. В Северном Синьцзяне ключевую роль стала играть Кашгарская зона экономического развития, ориентированная преимущественно на торговлю с Пакистаном и Таджикистаном и выстроенная с учетом опыта специальных экономических зон восточной части страны. В рамках проектов инвестиции были направлены в основном на развитие сферы транс-

порта и коммуникаций, капитальное строительство, а также развитие торговли. Центральное правительство одобрило специальные законодательные изъятия для развития данных территорий, что отразило растущий интерес и использование наиболее совершенных практик администрирования [8].

Включение территорий, проектов и внешнеторговых предприятий СУАР в инициативу «Один пояс – один путь» не потребовало дополнительных финансовых вливаний, так как к этому времени они уже были в достаточной мере включены в процессы интернационализации и «выхода вовне».

В 2013 г. после инициации проекта Синьцзян лишь пересмотрел региональную логистическую структуру с учетом интересов внутренних провинций. Так, было озвучено создание как минимум трех транспортных коридоров (Северного, Центрального и Южного) через территорию СУАР с выходом на сопредельные государства. Этому способствовало и развитие сети железнодорожного транспорта в Синьцзяне. В частности, проекты развития до 2020 г. расширяют возможности доступа в регион из внутренних провинций и решают проблему односторонней ориентации экспорта и импорта на транспортную магистраль «Урумчи–Ланьчжоу». Развитие сообщения внутри СУАР, а в дальнейшем ориентация на Европу как направление перевозок происходит за счет дотаций местным правительствам, а маршруты во многом не окупаются [9]. С одной стороны, это представляет проблему для функционирования всего «Одного пояса – одного пути», с другой – без подобных протекционистских механизмов национальные товары, поставляемые по железной дороге, были бы менее конкурентоспособны на зарубежных рынках. Собственно, в данном случае это является проблемой пока только для Китая.

Список литературы

1. 2010 нянь Синьцзян цзинци шэхуэй фачжань гайкуан (Ситуация с развитием экономики и общества в Синьцзяне в 2010 году) // Байду вэньку, 12.05.2011. – <https://wenku.baidu.com/view/6da2a23183c4bb4cf7ecd10a.html>.
2. Ди люцы цюаньго дуйкоу чжиюань Синьцзян гунцзо хуэйи цзай Синьцзян Каши чжао кай (Шестое Всекитайское совещание по программе адресной помощи СУАР прошло в Кашгаре)//Чжунхуа жэньминь гунхэго Чжуньян жэньминь чжэнфу, 11.07.2017. – http://www.gov.cn/xinwen/2017-07/11/content_5209802.htm.

3. Дуйкоу чжиюань шэнши и ланьбяо (Таблица адресной помощи различных городов и провинций Китая) // Синьцзян шэнчань цзяньшэ бинтуань, 13.02.2015. – <http://www.xjbt.gov.cn/c/2015-02-13/7143417.shtml>.

4. Чэн Линь, Ли Ли. Цяньси Синьцзян юй Чжунъя цзинци хэцзо цзици фачжань чжанлюэ (Стратегия регионального развития и экономического сотрудничества СУАР с государствами Центральной Азии: анализ) // Синьцзян дасюэ сюэбао (Чжэсюэ, жэньвэнь шэхуэй кэсюэ бань), Том 37, № 3. – С. 90–91.

5. Юй Шуйсян. Синьцзян цзай Чжунго юй Чжунъя гоцзя цзинци хэцзочжундэ чжанлюэ динвэй (Стратегическое место Синьцзяна в экономическом сотрудничестве КНР со странами Центральной Азии) // Элосы Чжунъя Дуньюу шичан, 2007. – № 4. – С. 29.

6. Лу Бин. Чжунъя: Сычоу минчжу юй хэцзо жаньди (Центральная Азия: жемчужина Шелкового пути и горячая точка для сотрудничества). – Пекин: Чжунго фачжань чубаньшэ, 2018. – С. 106.

7. Вэй туйцзинь Синьцзян куаюэ ши фачжань хэ чанчжи цюань дяньдин сысянь цзичу (Основные идеологические императивы для стимулирования развития трансграничной модели в СУАР и долгосрочной политической стабильности) // Жэньминь жибаован. 18.11.2010 [Электронный ресурс]. – <http://theory.people.com.cn/GB/13246292.html>.

8. Каши цзинци кайфа цюй цзунти фачжань гуйхуа. 2011–2020 нянь (Общий план развития Кашгарской зоны экономического развития на 2011–2020 гг.) // Каши цзинци кайфа цюй (Официальный сайт Кашгарской зоны экономического развития) [Электронный ресурс]. – <http://www.kstq.gov.cn/XXGK/XXGK/201309/00001336.html>.

9. Конкуренция с дотациями // Новая перевозочная, 11.12.2016. – <http://www.npktrans.ru/Doc.aspx?docId=68230&CatalogId=653>.

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сафаров А.М.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
safarovmarat001@mail.ru

Центральная Азия (ЦА) после распада СССР и появления новых акторов международной политики становится одной из чувствительных зон в геополитической платформе международных отношений, где ведется борьба за влияние на процессы, протекающие в новых республиках. В тот же момент в регионе нет активной геополитической конкуренции, как на Ближнем Востоке или в Северной Африке.

Для США Центральная Азия представляет глобальный интерес прежде всего с точки зрения значимости этого региона РФ и КНР, а также для продвижения интересов бизнеса. США стремятся закрепить за собой часть геополитического вакуума, который образовался с распадом Советского Союза.

Китай после распада СССР был инициатором создания ШОС, чтобы обеспечить безопасность в регионе и на границах своей территории. КНР со своими амбициозными экономическими проектами заинтересован прежде всего в обеспечении безопасности своих проектов и инвестиций.

Россия предпринимает активные шаги по восстановлению своего влияния в регионе. Несмотря на то что РФ обладает преимуществами для укрепления своих геополитических амбиций в ЦА (исторические связи, экономическое и политическое присутствие по средствам СНГ, ОДКБ, ШОС, ЕАЭС), российская стратегия пока не имеет конкретных очертаний.

По аналогии с Ближним Востоком в Центральной Азии имеется территория перманентного вооруженного конфликта – хрестоматийный афганский фактор в безопасности стран Центральной Азии. Проблеме Афганистана традиционно придается высокое значение в экспертно-политическом дискурсе, где афганский сюжет определяют как потенциальный катализатор дестабилизации центрально-азиатской

подсистемы международной безопасности [1, с. 151–179.] Афганистан рассматривается как плацдарм ИГ для подготовки вторжения в ЦА.

ИГ представляет собой угрозу распространения религиозно-мотивированного терроризма и идеологический вызов всем государствам исламского мира, в том числе центрально-азиатским, поскольку ИГ, как «халифат», претендует на территории ЦА.

Несмотря на внешние угрозы, в центрально-азиатской подсистеме международных отношений прослеживаются и тождественные негативные процессы, схожие с ближневосточными сценариями. Прежде всего выделяется блок экономических проблем [2].

Социально-экономические проблемы региона являются основой для подпитки криминогенной среды и радикальных групп, что может негативно отразиться на политической стабильности в стране и на региональной безопасности.

Список литературы

1. *Косач Г.Г.* Вестник Евразии. – № 2. – 2005. – С. 151–179. Политика Саудовской Аравии на постсоветском «мусульманском» юге: цели и итоги курса [Электронный ресурс]. – 2018. – 10.05. – URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?issueid=429262>

2. Программа развития ООН. Бедность, неравенство и уязвимость в странах Европы и Центральной Азии с переходной и развивающейся экономикой [Электронный ресурс]. – 2018. – 10.05. – URL: <http://www.eurasia.undp.org/content/dam/rbec/docs/Poverty%20Inequality%20and%20Vulnerability%20%28Russian%29.pdf>

КУЛЬТУРА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ВЗАМОДЕЙСТВИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА

Селькова А.В.

Сибирский государственный университет путей сообщения,
г. Новосибирск
selkova.av@gmail.com

Стремительно возникающие преобразования в экономике, политике и современном обществе актуализируют проблемы интеграции культур. Взаимодействие представителей разных культур изучается на разных уровнях. На наш взгляд, существует необходимость осмысления проблемы межкультурного взаимодействия в рамках высшей школы, так как всё большее количество университетов наращивает опыт международных контактов, подготовка иностранных студентов в российских вузах выступает как средство сотрудничества, взаимодействия и позиционирование нашей страны и отечественного образования в мировом сообществе. Присутствие иностранных студентов в российских вузах актуализирует процесс межкультурного взаимодействия, учебно-воспитательная составляющая которого нуждается в пристальном изучении и рассмотрении. Представляется, что в основе межкультурного взаимодействия основополагающим является воспитание культуры межнационального общения и межнациональных отношений.

Понятие культуры межнационального общения активно разрабатывается российскими и зарубежными исследователями, среди них З. Гасанов, Т. Бурминстрова, В. Кутьев, М. Куранов, В. Матис, М. Вугам, К. Кнапп, J. Lehtonen, E. Phillips. Особенно стоит отметить работы В. Матиса, так как, разрабатывая проблему культуры межнационального общения, он уделяет особое внимание комплексному изучению структуры данного феномена. По его мнению, культура межнационального общения предполагает формирование таких качеств личности, как способность увидеть взаимосвязи между разными культурами, умение быть посредником и интерпретировать одну культуру в терминах другой, критически и аналитически понимать свою и иную культуру, осознавать детерминированность собственного взгляда на мир культуры и мировоззренческих традиций [1, с. 145].

С.Н. Филипченко и А.А. Матвеева, рассматривая культуру межнациональных отношений иностранных студентов, определяют ее как личностное интегративное образование, регулирующее взаимодействие и отношение между представителями различных национальностей в процессе обучения в университете [2, с. 497]. При этом культура межнациональных отношений подразумевает знание особенностей, традиций и обычаев других культур и национальностей, уважение и дружеское отношение к представителям других национальностей, неконфликтное поведение и умение общаться на межнациональном уровне, признание равенства народов, стремление развивать общечеловеческие нравственные ценности, способность нести личную ответственность за свои поступки и поведение. В совокупности эти элементы позволяют устанавливать эффективное общение и взаимодействие с представителями других национальностей при сохранении своих потребностей и интересов.

Изучение межкультурного взаимодействия показало, что многие иностранные студенты имеют недостаточный контакт с российскими студентами и преподавателями в университете, из-за чего они испытывают большие проблемы в адаптации и в обучении [3]. Вместе с тем российские студенты не осознали преимущества межкультурного контакта с иностранными студентами, зачастую наблюдается малая заинтересованность в общении с ними. Всё это говорит о низкой сформированности культуры межнациональных отношений. Процесс межкультурного взаимодействия иностранных студентов с российскими студентами носит сложный, многоаспектный и противоречивый характер. В связи с этим в организации поликультурного пространства высшей школы необходимо учитывать составляющую межкультурного взаимодействия студентов, при котором обеспечивается интеграция иностранных студентов в новое социокультурное пространство, на основе культурного взаимообогащения создаются условия развития личности как российских, так иностранных студентов. Межкультурное взаимодействие отечественных и зарубежных студентов будет тем успешнее, чем грамотнее будет организовано поликультурное воспитательное пространство вуза. В качестве педагогических условий организации такого пространства могут выступать: включение иностранных студентов в адаптационные программы до начала учебного года, организация массовых воспитательных мероприятий межнационального характера, проектирование и реализация социально-профессиональных

акций в ходе практик на предприятиях и повышение квалификации педагогов, работающих с иностранными студентами.

Таким образом, актуально целостное рассмотрение системы воспитания в российских учреждениях высшего профессионального образования с учетом наличия в ней студентов-иностранцев. Необходимо проектирование системной, комплексной модели воспитательного пространства, в которой создаются условия, способствующие развитию культуры межнациональных отношений и межнационального общения, обеспечивается подготовка специалистов, готовых к самостоятельной деятельности в новой социокультурной среде, к активному взаимодействию с представителями других культур.

Список литературы

1. *Матис В.И.* Категоризация и интерпретация культуры межнационального общения // Сибирский педагогический журнал. – 2005. – С. 144–153.
2. *Филипченко С.Н., Матвеева А.А.* Особенности воспитания культуры межнациональных отношений иностранных студентов университета // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Педагогика. Психология. – 2017. – Т. 27. – Вып. 4. – С. 496–502.
3. *Ширкова Н.Н.* Специфика межкультурной коммуникации иностранных студентов в системе высшего образования // Современная педагогика. – 2015. – № 12.

ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ИННОВАЦИЙ В КНР

Соломин Д.Н., Кучинская Т.Н.

Забайкальский государственный университет, г. Чита
sdn75rus@gmail.com

В последние годы динамично развиваются не только технологические, но и культурные инновации, сочетающие достижения культурной модернизации и технического прогресса. Появляются инновационные культурные продукты, представляющие новые направления развития индустрии культуры, в то время как структура традиционных отраслей культуры значительно трансформируется. Проекты с открытым исходным кодом, расширенная и виртуальная реальности, цифровой контент, смарт-терминалы, мобильный интернет, Me Media, облачные данные, инстаграм, онлайн-трансляция и другое стали неотъемлемой частью культуры повседневности современного человека.

Интеграция культуры и технологий стала ключевым средством по укреплению культурной «мягкой силы» и конкурентоспособности стран мира. Китай в числе прочих способствует культурным инновациям, используя новые технологии, развивая деловую культуру, творческий потенциал, а также содействуя трансформации и модернизации традиционных отраслей промышленности.

Данная статья рассматривает особенности современных трендов в структуре культурных инноваций КНР и форм участия правительства КНР как объективного фактора их реализации. Этатизм как специфическая характеристика инновационной деятельности КНР проявляется в форме планирования и отчетности, проектной и инвестиционной деятельности с участием государственных структур. Так, в частности, современная структура культурных инноваций КНР отражена в ежегодных сборниках (Синих книгах) – «Отчетах о развитии инноваций в области культуры, науки и техники», включая такие сферы, как туризм, телекоммуникационные технологии, использование объектов общественной культуры, киноиндустрия, анимация и т. д. [文化科技创新发展报告, 2017: 323–355].

Связь культурных и технологических инноваций в заголовке раздела, по нашему мнению, не случайна, так как при анализе отчетных

данных видна их тесная взаимосвязь. Кроме того, комплексный подход к реализации культурных и технологических инноваций прослеживается в нормативных документах различных ведомств КНР, указывающих на консолидацию усилий во внутренней политике КНР на данном направлении. В их числе Министерство промышленности и информатизации, Министерство культуры, Министерство финансов, Министерство торговли, Национальная комиссия по развитию и реформам, Национальная администрация авторского права, Государственная администрация культурного наследия, Национальная администрация туризма, Департамент электронной информации Министерства индустрии и информационных технологий, Национальный художественный фонд, а также ряд других департаментов и ведомств КНР.

Данная структура отчетов, по нашему мнению, указывает на позиционирование данных вопросов китайскими авторами в общем контексте реализации культурных инноваций в Китае. В то же время отмечается акцентирование на экономической составляющей культурных инноваций КНР в контексте определения понятия «инновация», «предполагающего экономическую прибыль» [Санто Б., 1990: 296]. Подтверждением этому выводу служат отчеты о полученных дивидендах на культурном направлении. Так, согласно «Статистическому бюллетеню развития культуры» Министерства культуры КНР за 2016 г., прибыль в сфере проведения общественных культурных мероприятий в 2016 г. составила 77,69 млрд юаней, что на 8,872 млрд юаней больше, чем в 2015 г. [2016年文化发展统计公报, 2016].

По данным Бюро оперативного мониторинга и координации Министерства промышленности и информатизации, доход от телекоммуникационного бизнеса в 2016 г. составил 1,189 трлн юаней, увеличившись за год на 5,6 %, а общий телекоммуникационный бизнес составил 3,5949 млрд юаней, рост в годовом исчислении составил 54,2 %. При этом доля доходов от услуг безголосовой связи увеличилась с 69,5 % в 2015 г. до 75,0 %, доля доходов от мобильных данных и интернет-бизнеса и доходов от телекоммуникационного бизнеса была 26,9 % и увеличилась до 36,4 %, в то же время доля пользователей мобильного широкополосного доступа (3G/4G) значительно увеличилась, доступ к оптоволоконным каналам стал основным средством фиксированного широкополосного доступа в Интернет. По состоянию на конец декабря

количество пользователей IPTV достигло 86,73 миллиона [2016 年通信运营 业统计公报, 2017: 1–3].

Согласно данным опроса, опубликованным Национальным бюро статистики, в 2016 г. 50 тыс. предприятий из вышеперечисленных культурных и смежных отраслей достигли дохода в размере 80 трлн юаней, увеличившись на 7,5 % по сравнению с предыдущим годом. Бизнес-доход отраслей культуры и смежных отраслей промышленности продолжал расти, а индустрия культурного обслуживания быстро развивалась. Среди них выделяют три отрасли, которые добились значительного роста. Так, доходы от коммерческой индустрии передачи информации в сфере культуры с «Интернетом +» в качестве основной формы составили 575,2 млрд юаней, увеличившись на 30,3 %; индустрии сферы культуры и искусства – 31,2 млрд юаней с увеличением на 22,8 %; индустрии культурных и рекреационных услуг – 124,2 млрд юаней, увеличившись на 19,3 %.

Подводя итог, можно выделить основные тренды китайских культурных инноваций, закрепленные в нормативных документах китайских правительственных структур. Так, правительство КНР акцентирует внимание на развитие культурных инноваций, связанных с индустрией цифровой культуры, включая игры, видео, образование; с интеграцией информационных услуг в туризм; с созданием публичных библиотек, массовых культурных учреждений, экспозиций культурных реликвий и т. д. Целеполагающим фактором китайского пути развития является создание к 2020 г. инновационной социалистической культуры, инновационного общества и повышение культурной «мягкой силы», в том числе посредством интеграции инноваций в области культуры и науки.

Список литературы

1. 文化科技创新发展报告 (2017) = Отчет о культурном и технологическом развитии (2017). – Пекин, 2017. – С 323–355.
2. Санто Б. Инновация как средство экономического развития. – М.: Прогресс, 1990. – 296 с.
3. 2016 年文化发展统计公报 = Статистический бюллетень по развитию культуры Министерства культуры Китайской Народной Республики за 2016 год // Официальный сайт министерства культуры КНР. URL: http://zwgk.mct.gov.cn/auto255/201802/t20180209_83_1188.html?keywords= (дата обращения 12.10.18).

4. 2016 年通信运营统计公报= Бюллетень статистики отрасли связи за 2016 год //Официальный сайт национального бюро статистики КНР. – URL: <http://www.miit.gov.cn/n1146290/n1146402/n1146455/c5471508/content.html> (дата обращения 12.10.18).

5. 2016 年全国规模以上文化及相关产业企业营业收入增长 = В 2016 году по всей стране рост доходов предприятий культуры и смежных отраслей промышленности // Официальный сайт национального бюро статистики КНР. – URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201702/t20170206_1459430.html (дата обращения: 12.10.18).

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ НЕДОСТАТОЧНОЙ ОСВОЕННОСТИ ИНТОНАЦИОННЫХ НОРМ РУССКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМИ-ИНОСТРАНЦАМИ

Соломина Е.В.

Сибирский государственный университет путей сообщения,
г. Новосибирск
e-solomina@yandex.ru

Интонация – это изменение тона, интенсивности и длительности звучания, а также тембра произнесения. Лингвисты признают, что «интонация является важным средством формирования высказывания и выявления его смысла» [2]. При помощи интонации говорящие, во-первых, различают повествование, побуждение, вопрос, восклицание, т. е. коммуникативные типы высказывания; во-вторых, выделяют, акцентируют главное в высказывании, членят высказывание на синтагмы, а также выражают различные эмоции.

В интонации выделяются единицы – интонационные конструкции (ИК), в русском языке их насчитывается семь. В учебниках РКИ обычно изучают первые 4 конструкции: ИК-1, реализуемая при выражении завершенности; ИК-2, используемая в вопросительных предложениях с вопросительным словом, в побудительных предложениях для выражения требования, в обращениях и приветствиях, а также в повествовательных предложениях для подчеркивания какой-либо части высказывания; ИК-3, которую говорящие используют в вопросительных предложениях без вопросительного слова, в противопоставлениях перед союзом «а» и при перечислении; ИК-4, реализуемая в сопоставительных конструкциях, начинающихся с союза «а», для передачи незавершенности, а также при противопоставлении и при перечислении.

Многолетние наблюдения над речью студентов-иностранцев, изучающих русский язык, показывают, что довольно часто обучающиеся недостаточно владеют (а иногда и вообще не владеют) интонационными нормами русского языка, что безусловно приводит к коммуникативным неудачам.

Среди причин такого положения дел можно, на наш взгляд, назвать следующие.

Во-первых, усвоению интонационных конструкций, так же как и фонетики, чаще всего уделяется внимание лишь при изучении РКИ на элементарном уровне (А-1). В подавляющем большинстве учебников и учебных пособий базового (А-2) и последующих уровней об интонации уже не говорится. Между тем корректировочные курсы, в которых прорабатывалась бы интонация (см., например, [1]), к сожалению, не так широко распространены, как лексико-грамматические, и редко попадают в поле зрения преподавателей РКИ.

Во-вторых, часто наблюдается следующая ситуация: студенты, начинающие изучать русский язык, не воспринимают интонационные конструкции как особые единицы языка, которые надо осваивать. Как следствие, они пользуются интонационными конструкциями родного языка, и в тех случаях, когда ИК родного языка студента и русского языка близки друг к другу (например, ИК в вопросе с вопросительным словом), преподаватель не видит необходимости в корректировке интонации. Часто это происходит при обучении студентов, говорящих на европейских языках. Однако в условиях смешанной группы, в которой одновременно с говорящими на европейских языках обучаются студенты, в родном языке которых есть смысловозначительные тоны (например, с родным китайским языком), при отсутствии должного внимания к постановке правильной русской интонации можно потерпеть ощутимую педагогическую неудачу: студенты с тоновым родным языком чаще всего не могут овладеть правильной русской интонацией интуитивно.

В-третьих, необходимо указать еще на одно обстоятельство: иностранные студенты, изучающие русский язык в России, погружаются в русскоязычную языковую среду – в транспорте, в общезитии, в магазине и т. д. Такое погружение дает, безусловно, положительный эффект и часто просто необходимо для успешного освоения языка. Однако часто формирующаяся языковая личность студента находится в окружении не только и не столько литературного языка, сколько городского просторечия, иногда – жаргонов. Городское просторечие пока изучено недостаточно, не изучены пока и просторечные ИК. Однако не нуждается в доказательстве тезис о том, что просторечие, как подсистема национального языка, в которой установка на сдерживание эмоций гораздо слабее, чем в литературном языке, обладает и гораздо более богатым набором выражающих различные эмоции ИК. Однако далеко не все просторечные ИК уместны в литературной речи, подобно

просторечным лексемам и фразеологизмам. Отсутствие у обучающихся знаний о социальной дифференциации русского языка, о специфике литературного языка и городского просторечия может затруднить, замедлить активное овладение русским языком.

Список литературы

1. *Прохватилова О.А.* Корректировочный курс русской фонетики: учебное пособие для студентов-иностранцев. – 2-е изд., испр. и доп. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – 134 с.

2. *Торсуева И.Г.* Интонация // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 197–198.

ПРИНЦИПЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Сунь Сяовэй

Хэйлунцзянский политехнический институт, г. Харбин, Китай;
Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия
sunxiaoweiw@sina.com

Сопоставительные исследования языков требуют соблюдения ряда принципов. Исследователи указывают на следующие основные принципы.

При сопоставлении сравниваемые элементы двух языков могут быть изучены достаточно, недостаточно или вообще не изучены; в одном из сопоставляемых языков данные явления изучены достаточно, а в другом – недостаточно или не изучены вообще.

В первом случае языки можно сравнивать без предварительного изучения языковых явлений в отдельности, так как лингвисту заранее даны готовые и достаточные сведения о каждом из сравниваемых явлений. Во втором случае лингвисту приходится исследовать каждое явление в отдельности, прежде чем сравнивать их. В третьем случае лингвисту необходимо уравнивать состояние разработанности сопоставляемых языковых явлений. Отсюда сопоставительное исследование языков во втором и третьем случаях должно протекать в два этапа: первый – этап предварительного исследования; второй – сопоставительного.

На первом этапе может иметь место интерференция знаний, т. е. лингвист при описании того или иного явления одного из сопоставляемых языков может приписать ему черты аналогичного явления другого языка. Поэтому на данном этапе лингвист должен быть очень осторожен, чтобы не допускать интерференции знаний.

Принцип сравнимости также требует тщательного анализа каждой лингвистической концепции в сопоставляемых языках, т. е., принимая готовую концепцию за основу исследования, исследователь должен убедиться в ее правильности, в противном случае результаты сравнения окажутся ложными. Так, например, исследуя предлоги во флективных языках, исследователь может сопоставить подобную им кате-

горию в агглютинативных языках – послелогои. Соблюдение принципа сравнимости требует решения вопроса о том, сопоставимы ли предлоги с послелогоами. Только после того как будет выяснено, что это одна и та же часть речи (доказательства этого: 1) и предлоги, и послелогои выражают отношения предмета к предмету, явлению, ситуации; 2) при сочетании с именами существительными, прилагательными, местоимениями, числительными они указывают на синтаксические отношения их к другим словам), исследователь может сравнивать эти части речи в разных языках.

При сравнении языков может оказаться так, что в одном из сопоставляемых языков существует какой-то значимый элемент, в другом – аналогичного элемента не существует. Так, например, в русском языке нет глагола, который соответствовал бы английскому глаголу *to knife*; в таких случаях сравниваются разноуровневые эквивалентные единицы, определяемые с помощью перевода: *to knife* (слово) – *резать ножом, ударить ножом* (словосочетание). Эти разноуровневые единицы английского и русского языков становятся сравнимыми благодаря их функциональному тождеству.

Сравнимость языков зависит и от избираемого подхода. Так, невозможно добиться полного сопоставительного описания русского и китайского языков, используя только малосистемный подход, так как в китайском языке отсутствуют многие морфологические категории, имеющиеся в русском языке. Полное сопоставительное описание этих языков можно получить, сочетая различные подходы : малосистемный (сравниваются малые системы языков), трансляционный (определяются межъязыковые эквиваленты), полевой (сравниваются семантические, ассоциативные, синтаксические, словообразовательные, функционально-семантические и другие поля), логический (сравниваются средства выражения понятийных категорий) и денотативный (сравниваются «вкусы», т. е. предпочтения языков в отборе аспектов при описании или номинации одного предмета либо ситуации).

Таким образом, принцип сравнимости предполагает сбалансированность степеней изученности сопоставляемых языков, определение функционально сходных явлений в сопоставляемых языках и рациональное сочетание различных подходов при сравнении языков.

«МЯГКАЯ СИЛА» ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИТАЯ

Тарасова А.А.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
an.yakovleva.pr@gmail.com

Культурное влияние, помимо сохранения темпов экономического и военного роста, становится наиболее важным фактором в расширении международного влияния Китая. Со своей впечатляющей производительностью в экономике Китай осознает необходимость укреплять связи с другими странами, используя инструменты «мягкой силы». К таким культурным мероприятиям относятся, например, создание Национального бюро по преподаванию китайского языка как иностранного, обеспечивающего курсы и программы, связанные с изучением китайского языка; улучшение своей службы международного вещания, а также проведение крупных международных мероприятий, таких как Олимпийские игры – 2008 в Пекине и Всемирная выставка ЭКСПО 2010 г. в Шанхае, которые были направлены на создание желаемого международного имиджа и репутации.

Наиболее примечательным из китайских особенностей относительно применения инструментов «мягкой силы» является то, что китайские ученые и политики уделяют исключительное внимание роли культуры в стратегии страны. В 1993 г. в КНР была опубликована статья профессора Ван Хунина «Культура – “мягкая власть” государственной мощи» [1], в которой автор представил новое понятие в китайской науке и положил начало многочисленным исследованиям в данной области. Считается, что официальное одобрение ключевой роли культуры в «мягкой силе» было закреплено в 2007 г., когда состоялся XVII съезд Коммунистической партии Китая. Ху Цзиньтао подчеркнул необходимость укрепления «мягкой мощи» государства в лице культуры. Он подчеркнул, что китайская культура является неиссякаемой движущей силой непрерывного развития и сплоченной борьбы китайской нации [2].

Можно выделить несколько основных направлений в использовании Китаем инструментов «мягкой силы» с помощью культуры.

Первое – распространение китайского языка. Основным инструментом популяризации китайского языка за рубежом является создание и развитие сети институтов Конфуция, управлением которыми занимается Канцелярия по международному распространению китайского языка (Ханьбань) [3]. Ханьбань осуществляет тестирование лиц, изучающих китайский язык, и выдачу сертификатов о знании китайского языка. Престиж этого экзамена в мире в последние годы неуклонно растет. Помимо различных программ обучения языку существуют конкурсы, финансируемые китайским правительством, например, «Мост китайского языка» [4]. Это ежегодный конкурс, в котором принимают участие студенты всех стран. Победителям дается возможность обучаться в китайских вузах или путешествовать по Китаю. Второе направление – это углубление и расширение образовательных контактов. С начала 2000-х гг. в мире увеличилось число изучающих китайский язык как иностранный. По данным Росособнадзора, китайский язык на различных ступенях изучают около 8 тыс. школьников [5]. Третье – продвижение традиционной и современной культуры. Например, в 2006 г. был проведен Год России в Китае, а 2007 г. был Годом Китая в России. Ключевым событием стало проведение национальной выставки России в Пекине в ноябре 2006 г. С 26 июля 2018 г. начались Дни культуры Китая в Москве. Первым мероприятием стало открытие «Уголка китайской книги» в Библиотеке искусств им. А.П. Боголюбова, расположенной в старинной усадьбе Н.С. Третьякова. Создание китайских культурных центров за рубежом также является одним из основных методов экспорта китайской традиционной культуры. Первые центры были созданы в 2007 г. после XVII съезда КПК, провозгласившего особую важность «мягкой силы» и высокую значимость культуры в ее распространении.

Таким образом, правительство Китая осознает необходимость использования инструментов «мягкой силы» и уделяет большое значение распространению сведений о своей культуре и историческом прошлом. Так, любой, кто знакомится с историей Китая, его традиционными ценностями, мышлением и культурой, имеет возможность понять его путь развития, его позицию в контексте международных отношений. Китай сегодня демонстрирует колоссальный успех на пути достижения своих целей по созданию привлекательного имиджа государства и превращения в достойного конкурента сверхдержавам. Успех китай-

ской дипломатии и усиление внешнеполитического положения страны подтверждают эффективность использования средств и инструментов стратегии «мягкой силы».

Список литературы

1. 王沪宁 作为国家实力的文化：软实力 (Ван Хунин. Культура – «мягкая сила» государственной мощи) // 复旦大学学报 (Вестник Фуданьского университета). – 1993. – № 3. – С. 23–28.
2. Основные положения доклада Ху Цзиньтао на XVII всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (15 октября 2007 г.) [Электронный ресурс]. – URL: www.intelros.ru/strategy/gos_china/1368-osnovnye_polozenija_doklada_khu_czintao_na_xvii_vsekitajjskom_sezde_kommunisticheskoi_partii_kitaja_15_oktjabrja_2007_g.html (дата обращения 07.10.2018).
3. Официальный сайт Государственной канцелярии по распространению китайского языка за рубежом [Электронный ресурс]. – URL: www.hanban.edu.cn (дата обращения: 07.10.2018).
4. Официальный сайт Института Конфуция в СПбГУ [Электронный ресурс]. – URL: <http://ci.spbu.ru> (дата обращения 07.10.2018 г.).
5. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки [Электронный ресурс]. – URL: <http://obrnadzor.gov.ru/ru> (дата обращения 07.10.2018 г.).

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «КИТАЙСКИЙ БИЗНЕСМЕН»: ПЕРЦЕПТИВНО-ОБРАЗНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Тарасова В.В.

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
veronicachekaev@yandex.ru

Описание лингвокультурного типажа «китайский бизнесмен» представляется чрезвычайно интересным и перспективным, так как количество успешных бизнесменов в Китае непрерывно растет и «китайский бизнесмен» действительно становится узнаваемым типом личности китайской лингвокультуры. В настоящей статье мы подробнее остановимся на перцептивно-образных характеристиках лингвокультурного типажа «китайский бизнесмен», для того чтобы выяснить, каковы параметрические данные китайского бизнесмена и в чем состоят его основные особенности, отличающие его от других. Материалом для анализа послужили интернет-версии авторитетных периодических изданий КНР, таких как «Жэньминь жибао», «Китайский предприниматель», China Daily. В общей сложности методом сплошной выборки был проведен анализ 85 статей.

1. Внешний облик.

Поскольку как класс бизнесмены в Китае начали формироваться относительно недавно, еще не существует четких рамок относительно внешнего облика бизнесмена и его имиджа. Однако отмечается, что китайским бизнесменам с учетом их желания быть полноценными игроками на международной арене необходимо по стилю одежды и манерам поведения соответствовать английским джентльменам.

С большой долей уверенности можно сказать, что китайские бизнесмены в основном обращают внимание не на внешность, а на богатый внутренний мир и высокие моральные принципы. Например, в бизнес-кругах Китая бытует мнение, что «как правило, талант и внешность мужчины обратно пропорциональны». Более того, отсутствие внешней красоты рассматривается как стимул к тому, чтобы активно заниматься предпринимательством. При описании внешности фокус внимания смещается на здоровье и душевные силы, отмечаются яркие особенности. Согласно данным, средний возраст китайских бизнесме-

нов 60–70 лет. Из-за столь почетного возраста китайских бизнесменов зачастую в прессе их уважительно именуют “老资格的创业家”. Однако необходимо отметить, что список молодых китайских бизнесменов в возрасте от 35 до 45 лет стремительно расширяется, и это главным образом связано с развитием IT-индустрии. Другими словами, возраст «китайского бизнесмена» постепенно снижается.

2. Гендерная принадлежность.

Лингвокультурный типаж «китайский бизнесмен» является маскулинным типажом, так как абсолютное большинство китайских бизнесменов мужчины. Не отрицается тот факт, что в настоящее время мужчины и женщины имеют равные права: 男女之争是人类最早的阶级斗争。如今，女性在现代生活中扮演的角色早已不弱于男人。 В китайских периодических изданиях также приводятся немногочисленные примеры успеха женщин в бизнесе, но зачастую заслуги женщин умаляются. Китайская пресса призывает женщин заниматься созданием семейного уюта и воспитанием детей, а не попытками организовывать собственные предприятия.

3. Происхождение.

Зарождение класса бизнесменов в Китае было закономерным явлением, обусловленным проведением политики реформ и открытости с 1978 г.

Условно китайских бизнесменов можно разделить на три основные категории, которые относятся к трем разным периодам. Первая группа сформировалась в начале 80-х годов прошлого века, это были городские и сельские самостоятельные промышленные и коммерческие домохозяйства, а также мелкие частные предприниматели, которые происходили из маргинальных групп системы, контролируемой государством. Вторая группа бизнесменов формировалась с середины 1980-х годов до середины 1990-х годов в системе, контролируемой государством. Это были сельские предприниматели, морские торговцы при государственных учреждениях, университетах. Они тесно взаимодействовали с государственными ведомствами. В дальнейшем сформировалась третья группа предпринимателей, опирающихся на свои знания и умения. Их особенностью является то, что они вовлечены в процесс глобализации.

Несмотря на столь четкую классификацию, формирование класса китайских бизнесменов еще не завершилось, и по-прежнему данный класс подвергается критике, скептицизму со стороны представителей китайского общества.

4. Сфера деятельности.

Большинство современных китайских бизнесменов развили свой бизнес в сфере информационных технологий, а также в смежной области по созданию высокотехнологичных устройств. Значительный процент китайских предпринимателей преуспели в области ресурсов и энергетики, в том числе альтернативных источников энергии. Сектор работы с недвижимостью также позволил китайским бизнесменам добиться больших результатов.

«Китайский бизнесмен» занимается предпринимательской деятельностью как в пределах своего государства, так и на международном уровне. Наблюдая за современными тенденциями, можно заметить, что китайские бизнесмены хотят утвердиться на мировой арене, используя различные средства: 我们相信通过奥运会, 世界将会对中国有个全新的认识. Немаловажно, что эти меры уже принесли свои плоды. И в развитых, и в развивающихся странах деятельность китайских бизнесменов способствует экономическому росту.

5. Досуг.

Времяпрепровождение китайских бизнесменов можно разделить на две категории: спорт и коллекционирование. Говоря о второй категории увлечений, стоит отметить, что объектами коллекционирования могут становиться самые необычные вещи. Один китайский бизнесмен так увлечен коллекционированием фарфора, что даже создал «Дом фарфора».

Таким образом, в результате анализа статей китайских периодических изданий мы приходим к заключению о том, что в сознании представителей китайского общества «бизнесмен» конкретизируется как мужчина в возрасте 60–70 лет, увлеченный своей коммерческой деятельностью по купле-продаже товаров и предоставлению различного рода услуг, который практически не обращает внимания на внешний облик, активно проводит свободное от работы время. Поскольку класс бизнесменов в Китае начал формироваться всего лишь 30 лет назад, то «китайский бизнесмен» пытается добиться признания на мировом уровне.

Список литературы

1. *Дмитриева О.А.* Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века. – Волгоград: Изд-во ВГПУ, 2007. – 307 с.
2. *Карасик В.И., Дмитриева О.А.* Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. науч. тр.; под ред. В.И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 5–25.
3. *Карасик В.И.* Языковая кристаллизация смысла. – М.: Гнозис, 2010. – 351 с.

对俄小学生汉语教学课堂管理 ——以新西伯利亚国立技术大学孔子学院小学部为例

Хоу Линьсюэ 侯林雪

УЦ «Институт Конфуция» Новосибирского государственного
технического университета

摘要：在当前世界范围内，俄罗斯汉语教学一直发展态势良好。然而由于小学生自身特点，民族文化以及汉语教师能力等原因，使得俄罗斯中小学汉语教学的课堂管理变得相对困难，汉语教学也因此在一定程度上变得费时费力，事半功倍。课堂管理是课堂教学进行的前提条件和保障，如果课堂管理进行的不好，课堂任务就很难完成，学生也学不到知识。本文以新西伯利亚国立技术大学孔子学院小学部课堂管理为例，通过笔者的实际教学经历，来探讨解决对俄中小学汉语教学课堂管理中的问题，以期能打造高效的课堂，事倍功半。

关键词：俄罗斯，小学生，汉语教学，课堂管理

随着“汉语热”席卷全球，国家汉办每年都会派出大批国际汉语教师志愿者和公派教师到世界各地教授汉语，传播中国文化。俄罗斯与中国接壤，自古以来就是中国的好邻居，好伙伴，好朋友。除此之外，近年来，中国与俄罗斯在经济，政治，文化等领域的合作日益密切，俄罗斯民众对汉语学习的需求以及热情空前高涨。因此对俄汉语教学的发展态势良好。笔者有幸成为国家汉办派往俄罗斯的汉语教师志愿者，在新西伯利亚国立技术大学孔子学院任教，因此本文立足与笔者的实际教学经历，结合二语习得，对外汉语教学相关理论，结合俄罗斯小学生心理特点，探讨对俄小学汉语教学对策。

（一）俄罗斯小学生心理特点

（1）需要具体事物引导，抽象思维困难

对外汉语教学研究的主要目标是解决“如何教”这一问题，但是解决这一问题，我们必须明白“教什么”和学生“如何学”的问题。

“如何学”就与学生的心理特点息息相关。因此，我们必须了解我们所面对的学生，他们的心理特点是什么，他们更适合哪种教学方法。

著名的瑞典心理学家皮杰尔提出了认知发展阶段理论。皮亚杰把认知发展视为认知结构的发展过程，以认知结构为依据区分心理发展阶

段。他把认知发展分为四个阶段：感知运动阶段（0—2岁左右）；前运算阶段（2—6、7岁）；具体运算阶段（6、7岁—11、12岁）；在本阶段内，儿童的认知结构由前运算阶段的表象图式演化为运算图式。具体运算思维的特点：具有守恒性、脱自我中心性和可逆性。皮亚杰认为，该时期的心理操作着眼于抽象概念，属于运算性（逻辑性）的，但思维活动需要具体内容的支持：形式运算阶段

（11、12岁及以后。 本文针对的主要是7到9岁的小学生，也就是具体运算阶段，虽然已经出现了显著的认知发展，但是还不能进行抽象思维，仍需要具体内容。

（2）注意，记忆特点：

俄罗斯小学生的注意力不稳定，思维比较活跃，跳脱，常常会想到和课堂内容无关的问题。除此之外，俄罗斯小学生的注意力与兴趣密切相关，感兴趣的地方会聚精会神，不感兴趣的地方一个字也听不进去。俄罗斯小学生的记忆力以无意识，具体形象记忆和机械记忆为主。

（3）情感特点：

俄罗斯是战斗民族，他们的孩子自然也不会差。随着年龄的增长，小学生的情感也变得丰富，稳定。他们希望获得老师的尊重，特别是男孩子，希望老师把他们当作男子汉来看待。

（4）意志特点：

俄罗斯小学生一般长得会比同龄的中国小学生显得成熟，他们精力旺盛，活泼好动，但同时因为自制力不强，所以做事容易冲动，意志力较差，意志活动的自觉性和持久性都不强，在完成某一任务时，常常靠外部的压力，而不是自觉地行动。

（二）对俄小学生汉语教学对策

开学第一天就要在学生面前树立权威的形象，第一印象是非常重要的，要从开学第一天就要让学生知道你很厉害，在学生心目中树立权威的形象。需要注意以下几点：

正确服装

- a. 男老师要穿衬衫打领带非常棒，不打领带也要穿衬衫；
- b. 女老师穿职业装总没错；
- c.

女老师教小学生，穿得亮丽一点，学生会感到愉悦；教中学生，穿着柔软、温和的色调；

- d. 衣服要烫，尤其男老师的衬衫；
- e. 衣服要整洁、干净、合身；
- f. 每天要换衣服，哪怕不洗隔两天再穿。

自我介绍

自我介绍不能吹牛，但也一定不能谦虚。可以让校长对你隆重介绍，也可以自我介绍。自我介绍要主要谈你的学习和教学经历。同时也要介绍一下中国和你所居住的城市。目的就是在学生面前树立你的权威形象，让学生对中国充满向往和好奇，从而激发他们学习中文的动机。有ppt的可以搭配一些照片，照片也要处处体现你的权威，比如展示你穿着博士服的照片。

老师要保持自己的权威形象，不要幻想跟学生打成一片，不要跟学生交朋友，而是要成为他们的师长和榜样，做到为人师表。

(2) 开学第一天就要定规矩

(3) 孟子曰：“不以规矩，不能成方圆”。

班级规则：第一天就要定好班级规则，如：

- a. 上课铃响，在座位上坐好，把上课所需物品放在桌上
- b. 在中文教室只能说汉语
- c. 第一次给出指令时就要听从
- d. 上课时不能随便走动

老师可以根据实际情况制定相应的班级规则。

明确奖惩：

给班级定好规则之后，一定要严格执行，所以就要有奖有罚。奖励可以激发学生的汉语学习动机，对学生的奖励要公平，要有层次。我们不提倡物质奖励，研究证明物质奖励是无用的，有的国家甚至规定，给学生随意发食物是违法的。

常用的奖励方法很多，如：口头表扬；积极评语交至家长；全班音乐时间或自由活动（每周最多搞一次）；班级电影（每月最多搞一次）。其实其他各种积极活动以及学习的快乐都是对学生很好的奖励，奖励要有学生、家长和老师的签名，以突出他们优秀的表现。

惩罚：一旦学生出现违规行为，要对他们进行相应的惩罚，但我们不能对学生进行打骂或其他形式的体罚，更不能用“学习”去惩罚学生，如抄多少遍生词，背诵几篇课文等，用学习惩罚学生的预设是“学习是令人不愉快的”，这不利于学生的学习。

制定上课程序：

对于课堂管理，很重要的一项是要有一套程序，老师要制定教学的程序，所有人都要按照程序去做。程序就是让学生知道上课前要做哪些准备，上课后，读课文怎么读，做练习怎么做，有问题的时候怎么做，学生要理解老师的手势，明白老师的指令。学生明确了上课的程序后，老师每次课都要严格按照程序去做，经过几个星期的训练后，课堂就会实现“自动化”了。

例如：1.

老师做出双手向上的动作，学生就会跟着一起说；2. 老师一拍手，学生马上就安静；3. 每天一上课，学生自己已经把听写纸准备好，准备开始听写；4. 下课铃声响了，学生会坐在原位一动不动，因为学生知道下课要听老师的指令，等等。程序是完成工作的步骤，是需要学习的。为了让课堂的程序有效的实施，老师必须要对这些程序进行：1. 解释；2. 演练；3. 强化正确程序，纠正错误程序。例如：怎样快速安静下来，老师只需拍三下手：第一下：看老师；第二下：安静，停止自己的活动；第三下：听老师说话。老师在一开学就要训练你的课堂程序，有问题怎么做，想去厕所怎么做，铅笔断了怎么做，等等，都应该有一定的程序。

五、教学活动丰富，给学生积极的期望

课堂的规则和上课的程序，其载体都是丰富的教学内容。如果一个老师，备课不充分，自己都不清楚这节课要上什么，学生在课堂上无事可做，一切规则和程序都是毫无意义的。课堂管理的最大敌人是“学生在课堂上无事可做”。

要让学生有事可做，就要不断开展各种紧紧围绕汉语教学的课堂活动。适合中小学生的课堂活动很多，如：问答，对话，角色扮演，唱歌，我说你做，我做你猜，比赛，表演，等等。课堂活动要让每个同学都参与其中，让每个学生都成为课堂的主角，从而激发学生的学习兴趣。

老师要不断给学生积极的期望，要不断鼓励，给学生加油。给学生积极的期望，最重要的是老师的微笑。微笑应该成为我们日常教学的标配，微笑让学生觉得老师既权威又可亲，微笑会给学生创造一个轻松自然的语言学习环境，会让每个学生都觉得自己很优秀。除了微笑

外，老师还必须记住每个学生的名字，要经常使用“请”和“谢谢你”，当然还有最重要的，就是发自内心的对学生的“爱”。

结语：要想有一个秩序井然，高效活泼的课堂教学环境，老师从一开始就要树立自己的权威，制定课堂规则，明确奖惩，对上课程序进行训练，让学生每节课都要：知道做什么，知道怎么做，有兴趣和信心去做，做了之后有反馈。如雷夫在《第56号教室的奇迹》中说的：“我这个人没有特殊的创造力，我只是在我能力范围内把我最宝贵的东西——时间还给学生”。

参考文献：

《小学生心理发展特点及其教育对策》李文道

《简析泰国小学生汉语教学对策》郭文利

《泰国中小学汉语教学课堂管理问题探析》郭璞

《认知发理论》皮亚杰

ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА ПРОВЕДЕНИЯ ИТОГОВОГО КОНТРОЛЯ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ФИЯ, ИЗУЧАЮЩИХ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ВТОРОЙ ИНОСТРАННЫЙ

Хрипля Т.С.

Омский государственный университет
starowitowat@gmail.com

В ОмГУ (Омский государственный университет) китайский язык преподается как второй иностранный. Обучение проходит со 2-го по 8-й семестры, в разных семестрах на лабораторные занятия приходится от 4 до 8 часов в неделю. В соответствии с принятой программой практический курс второго иностранного языка не разделяется на отдельные аспекты, а проводится в формате “综合课”.

В связи с этим преподаватель оказывается в ситуации, когда необходимо сформировать и развить навыки и умения по всем видам речевой деятельности в условиях недостаточного количества учебных часов. Это приводит к возникновению ряда закономерных трудностей, одной из которых является проблема формирования устойчивого активного словарного запаса и, что еще важнее, умения правильно использовать слово в речи и сочетать его с другими лексическими единицами.

Кроме того, возникает вопрос, связанный с контролем лексических навыков. При проведении итогового контроля мы чаще всего проверяли грамматические навыки посредством проведения письменной контрольной работы; навыки устной речи, например, через устный ответ по ситуации. Несмотря на то что пройденный лексический материал был включен как в письменную, так и в устную часть, мы заметили, что при подготовке к итоговому контролю ученики меньше всего внимания уделяют именно лексической составляющей.

В связи с этим мы добавили задание, целью которого является не только проверить степень усвоения новой лексики, но и обобщить изученный за семестр материал

Ученикам предлагается таблица, в которую включены лексические единицы, в связи с особенностями употребления требующие особого внимания. По каждому слову приводятся модели использования или

примеры сочетания этого слова с другой лексикой, взятые из изученных текстов и упражнений.

Например:

吸引 吸引大家的注意; 被这本小说吸引住了	麻烦 麻烦你了; 给……添麻烦
不必 不必麻烦; 不必客气; 不必谢我	碰 在路上碰到朋友; 他碰了一个钉子

Работа с такими таблицами показала, что ученики намного лучше закрепляют пройденный лексический материал, структурируя полученные знания. К тому же это позволяет значительно улучшить устный ответ по ситуации.

На наш взгляд, положительный результат от использования такого простого приема обусловлен следующим фактором: ученики не всегда могут самостоятельно систематизировать пройденный за семестр материал и, соответственно, не имеют четкого представления о том, что именно им надо повторять перед итоговым контролем. Поэтому когда преподаватель сам предлагает им подобную сводную таблицу, это сильно облегчает процесс подготовки.

Применение таких таблиц в течение двух лет позволило сделать вывод, что подобное обобщение материала дает возможность студентам лучше запомнить и понять не только саму лексику, но и многие языковые явления, частью которых эта лексика является. Учащиеся запоминают не отдельно взятое слово, а именно примеры его употребления, что облегчает использование лексики в различных видах речевой деятельности.

Список литературы

1. Кондрашевский А.Ф. Практический курс китайского языка в 2 т. Т. 2. – 11-е изд., испр. – М.: Восточная книга, 2010. – 744 с.
2. 吴晓露。说汉语谈文化（上）。 – 北京。 – 264页。

新媒体网络资源在对俄汉语教学中的应用探究

Хэ Чжэнсяо

УЦ «Институт Конфуция» Новосибирского государственного
технического университета

【内容摘要】随着移动互联网的发展，越来越多的俄罗斯学生开始通过新媒体网络学习汉语，新媒体网络资源对对俄汉语教学的辅助尤其重要。然而，在对俄汉语教科书和课堂的教学活动中都未能及时体现对新媒体资源的应用。本文首先阐述新媒体网络资源概况；其次分析了新媒体网络资源在教学中的应用情况，最后提出新媒体网络资源在对俄汉语教学中的教学建议。

【关键词】新媒体；对外汉语；教学

本文将新媒体网络资源应用到俄罗斯对外汉语课堂的教学中进行研究，希望通过本文的阐述，对俄罗斯汉语教学找到更先进，更可行性教学设计，并对汉语在俄罗斯的推广起到积极作用。

一、新媒体网络资源概况

俄罗斯学汉语相关的新媒体网络资源内容丰富，形式多样，主要有汉语学习网站、社交媒体汉语兴趣群组、社交媒体汉语音视频、汉语学习手机应用等四类。

(1) 俄罗斯汉语学习网站

俄罗斯汉语学习者常用学习网站如studychinese.ru、wikihsk.ru等，以及词典查询类网站bkrs.info。

Уроки начального уровня А

Онлайн-уроки / Уроки начального уровня А / Идем в гости. Часть 1

Текст урока	Грамматика	Лексика	Иероглифика	Тест	Упражнение	Аудирование
-------------	------------	---------	-------------	------	------------	-------------

王先生，您星期天忙吗？有空儿吗？

[Wáng xiānshēng, nín xīngqītiān máng ma? Yǒu kòngr ma?]

Господин Ван, вы заняты в выходные? Есть свободное время?

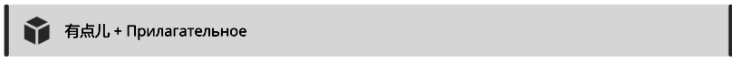
слушать ►

图一

studychinese.ru (图一) 主要为按不同学习水平, 学习内容, 学习对象分级的在线自主汉语学习资源及中国文化相关资讯, 并配有对应内容的音频发音。

有点 yǒudiǎn (или 有点儿 yǒudiǎnr, или 有一点 yǒu yīdiǎn, или 有一点儿 yǒu yīdiǎnr) по сути само по себе является глаголом (содержит в себе глагол 有 yǒu "иметь, обладать, есть") и дословно переводится как "есть немного", поэтому оно, как сказуемое, ставится после субъекта (подлежащего), но перед дополнением (объектом). 有点 может ставиться перед прилагательным. По сути, 有点 это 有一点, просто — не пишется, сокращается. Поэтому 有点 содержит в себе 一点.

有点儿 следует до прилагательного

Примеры

В бесплатной версии скрыто до 95% примеров и важных примечаний автора. Нажмите, чтобы открыть. 试读已结束, 可以继续阅读

我觉得这个人有点儿累。

wǒ juéde zhè gè rén yǒudiǎnr lèi.
Я думаю этот человек немного устал.

图二

wikihsk.ru (图二) 是针对HSK等级考试的收费学习网站, 所有内容均提供免费试读, 主要为按HSK考试大纲提供的HSK1到6级内容学习, 并配有对应知识点的例句。

首页 添加 Новые Исправленные Примеры правки 菜单 Войти

你好
nǐ hǎo

привет, здравствуй (стандартное приветствие)

王女士, 你好! Добрый день, госпожа Ван!

nǐ hǎo

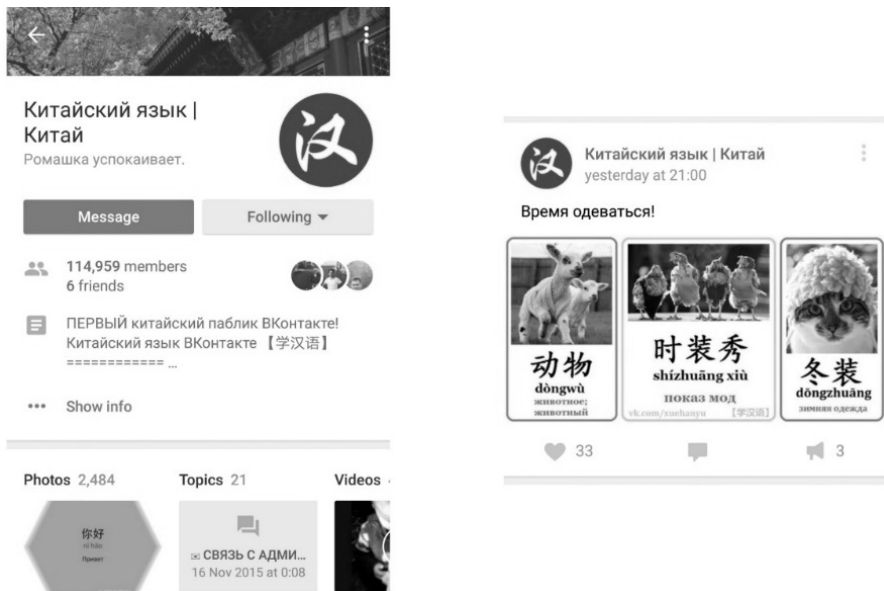
[how do you do; how are you; hello] 用于有礼貌的打招呼或表示与人见面时的问候

图三

bkrs.info（图三，又名大BKPC）为俄罗斯最大，最知名的俄汉在线词典，所有单词均提供注音和例句。

（2）俄罗斯社交媒体汉语兴趣群组

在俄罗斯最大的移动社交网络ВКонтакте（又名VK）中，有大量汉语学习者建立的汉语兴趣群组（如图四），提供汉语学习，中国新闻，笑话等学习资源。社交媒体兴趣群组的学习资源具有网络化，口语化的特点，内容新颖活泼，与时俱进。

图四

（3）俄罗斯社交媒体汉语音视频

俄罗斯有大量中文电视、音乐爱好者，在移动互联网社群中，有专门的字幕组翻译了大量中文电视剧（图五）、综艺和音乐。音视频内容具有口语化、生活化的特点。

图五

(4) 俄罗斯汉语学习手机应用

汉语学习手机应用亿词典类为主，最著名的汉语词典应用软件为Китайско-Русский словарь (图六)，提供汉语单词、生字查询，发音，解释，例句等功能。

图六

二、 新媒体网络资源在教学中的应用

(1) 利用社交媒体汉语音视频辅助课堂教学

现阶段社交媒体汉语音视频资源呈现多样化特征，字幕翻译的准确度也存在一定的差异，这就需要教师在教学设计时做好筛选工作，选取适用于课堂教学的内容进行辅助教学。如俄罗斯“BEARS字幕组”翻译的《美味奇缘》电视剧中，就有大量可用于课堂教学的口语、听力素材，其中在第十八集出现的“那你呢？”“那个”“看什么？”“叫什么”等，与《汉语新目标》第七课、第八课相关知识点对应，将这些内容引入教学，不仅可以吸引学生的课堂注意力，也利于学生相关知识点的有效掌握。

音视频中的语言生活化，比课本对话更贴近实际生活。学生在模仿跟读时，正好可把所学的汉字声调等运用到实际中，掌握汉语发音时不会感觉乏味。

(2) 利用兴趣群组、学习网站辅助课外教学

在传统的课堂教学基础上，教师可适当引导学生利用社交网络兴趣群组及相关学习网站进行拓展学习。如中国传统节日中秋节到来之际，各大群组均有中俄文搭配的相关节日、习俗介绍，教师可引导学生阅读相关资料，将好的材料引入课堂进行展示。

(3) 引导学生利用新媒体网络资源自主学习

教师应该引导学生利用新媒体网络资源进行自主学习，特别是HSK考前需要针对性训练，如“能...吗？”反问表达等小的语法点，学生理解有一定难度，HSK辅导无法面面俱到复习每个语法点，这就需要学生在相关学习网站、汉语学习手机应用等进行有针对性的进行例句、生词学习，查漏补缺。

三、教学建议

新媒体资源辅助对俄汉语教学的优势集中体现在完善教学手段，对课堂教学的延伸，保障教学内容贴近生活等。传统的教学，教师只需把课本中的知识教授给学生，教学内容，方法及手段都是按照课本进行的。在新媒体教学资源辅助对俄汉语教学的环境下，教师要根据学生和教学内容的情况精心挑选需要应用在教学中的内容，教师可灵活安排合适的教学内容辅助教学，借助新媒体资源进行形象的展示和补充，设计以学生学习汉语为中心的课堂教学，可以活跃课堂气氛，让

学生更好的理解教学内容。汉语教师需要掌握扎实的教学技能及专业知识，以便对新媒体网络资源中出现的知识点进行讲解和答疑。新媒体网络资源在汉语教学时的选用也非常重要，在教学资源选择方面，要考虑网络资源内容是否符合学生的学习情况，网络资源中出现的汉语内容是否适合课堂教学。

四、总结

新媒体网络资源丰富了对俄汉语的教学内容，优化了对俄汉语教学模式，教师可充分利用新媒体资源辅助教学的优势，将新媒体网络资源应用在对俄汉语教学中。应用新媒体资源进行辅助教学，要求教师应该根据实际教学情况采取不同教学策略，激发学生学习兴趣，提高对俄汉语教学效果。

【参考文献】

1. 沙成.浅析新媒体在对外汉语古诗教学中教师角色的定位.[J].报刊荟萃.2018 (9).
2. 张瑞朋.关于汉语学习网站建设的若干问题探讨[J].唐山师范学院学报.2010 (06).

中国东北地区与俄罗斯远东地区合作现状与前景

Цзинь Си

УЦ «Институт Конфуция» Новосибирского государственного
технического университета

中国和俄罗斯将2018-

2019年定为中俄地方合作交流年，这不仅延续了双方近年来互办友好交流年的良好传统，也为两国区域友好合作交流提供了新动力。近年来中俄区域合作如火如荼，中俄双方现已建立了两大区域性合作机制，即“长江—伏尔加河”“东北—远东”合作机制，缔结了140对友好城市及友好省州，基本实现了领域和地域的全覆盖。

中国东北与俄罗斯远东地区的合作作为中俄区域合作的重要内容，也引发了两国各界的关注。两个地区合作存在很多利好条件。

两国政治基础牢固。2001年中俄签署《中俄睦邻友好合作条约》，2014年两国关系提升为战略协作伙伴关系，现如今中俄全面战略协作伙伴关系处于历史最高水平。两国元首互动密切，仅2018年元首会晤已达3次，频繁的会晤可以有及时有效地协商发展规划，解决合作中出现的问题。

两国区域发展战略相符。中国在2003年提出了振兴东北老工业基地的政策，2007年俄罗斯政府提出了东部大开发的计划，2012年增设远东地区发展部，更加积极地寻求远东地区的发展。中国“一带一路”的倡议将两区域发展战略紧密联系起来，区域合作已经成为两区域实现共同发展的基础。

强大的地缘优势。中国东北地区包括黑龙江、吉林和辽宁三省，其中黑龙江省与俄罗斯共同边境线达到了2981公里，占据了中俄总共同边境线的70%，东北与俄罗斯远东地区毗邻的地缘优势为两地区合作提供了极大便利。

中国东北与俄罗斯远东地区资源优势互补。俄罗斯远东地区占地621.59万平方公里，自然资源十分丰富，被誉为“世界上最后一块未开发的处女地”，但人口只有630万，而中国东北人口数量超过1亿，但现在面临自然资源不足的问题，两地区合作可以实现优势互补。

加强中国东北地区与俄罗斯远东地区合作是两国共识，也是两国合作的战略方向。近年来，东北与远东地区在基础设施建设、经济、农业、能源等领域开展了积极合作。

中国东北和俄罗斯远东地区是“一带一路”的重要交通枢纽，是欧亚大陆桥的东部节点。近年来，中俄在基础设施领域开展了一系列合作。例如共建中俄首座跨界河铁路大桥——
同江中俄铁路大桥，共建连接黑河与布拉戈维申斯克的黑河铁路公路大桥，以及共建“滨海1号”“滨海2号”国际交通运输走廊等项目都顺利进行。此外中俄计划共同打造“冰上丝绸之路”，这将与“滨海1号”“滨海2号”实现对接。

中国连续八年保持俄罗斯最大贸易伙伴的地位。2017年中国同俄罗斯远东地区贸易额超过77亿美元，是远东地区第一大贸易伙伴和外资来源国。而东北地区是与远东地区合作的主要中国区域。俄罗斯建立了18个跨越式社会经济发展区和符拉迪沃斯托克自由港，实行一些列优惠政策，也为中国企业、中国资本进入俄罗斯提供了便利条件。

近年来两地区农业合作水平也不断提升，两地区在种植业、畜牧业领域开展大量合作，合作形式多样，比如中国东北地区务工人员去往远东地区从事农业生产，黑龙江省在远东地区建立农业产业合作园区，畜牧综合体等。

中俄两国在能源领域的合作也取得飞速发展。2016年俄罗斯向中国出口原油5248万吨，成为中国第一大原油进口来源国。中俄天然气管道东线中方段于黑河市始建，该项目途径远东阿穆尔州与整个东北地区。俄罗斯也是我国第一大电力进口国。500千伏阿黑线是中国电压等级最高的境外购电跨国输电线路。

中俄合作态势良好，但是也存在一些问题。比如远东地区基础设施建设还是不够完善，投资环境不够稳定，货物通关速度和物流速度较慢等。

但总体而言，中国经济快速发展，成为世界第二大经济体，面对欧美等国家的制裁政策，俄罗斯更加确定了“向东看”的政策，而东北与东北地区的合作则是实现这一政策的重要手段。俄罗斯东部开发政策与中国振兴东北政策基本相符，利益一致，远东地区对东北而言意味着丰富的自然资源和大量的发展机遇，所以两地区应该利用好中俄

地方合作交流年的契机，扩大能源、农业、科技、金融等领域的合作，推进落实合作项目，也为两国以及东北亚地区的发展注入新动力。

参考文献

- [1] 李睿思：“一带一路”背景下中国东北与俄罗斯远东地区合作展望//《牡丹江师范学院学报》2016年第3期
- [2] 中国东北与俄罗斯远东农业合作问题的思考//来源：<https://www.xzbu.com/1/view-11069141.htm>
- [3] 汪晓波，成芳：“一带一路”背景下中国东北与俄远东地区农业合作//长春，《西伯利亚研究》第46卷第3期，2017-06
- [4] 中俄能源合作年度报告(2017)//《中国能源》2017年第12期
- [5] E. C. 巴热诺娃：一带一路框架下的中俄区域合作//《中国社会科学报》2018年07-13
- [6] 杨莉：俄罗斯新一轮远东开发进程及影响//《当代世界》2017年第8期2017-08-24

ЭФФЕКТЫ ВНЕШНЕЙ КОММУНИКАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»: ВОСПРИЯТИЕ, ОЦЕНКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ – АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ ОПРОСА ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Чжао Юнхуа

Институт журналистики Китайского народного университета,
г. Пекин
yonghuazhao@126.com

Во время своих визитов в Казахстан и Индонезию в сентябре и октябре 2013 года Председатель КНР Си Цзиньпин выступил с инициативой совместного создания «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Предложение «Одного пояса – одного пути» привлекло широкое внимание международного сообщества, и вслед за всё более и более четким планированием, вслед за реализацией проектов всё больше и больше стран принимают участие в этой инициативе.

Продвижение «Одного пояса – одного пути» неотделимо от внешней коммуникации. Если все народы мира смогут понять и принять «Один пояс – один путь», только тогда будет возможен переход от видения к действиям и переход от планирования на высшем уровне к конкретным проектам. Итак, от выдвижения инициативы до сегодняшнего дня прошло пять лет. Поняли ли люди всего мира инициативу «Один пояс – один путь», и согласны ли они с ней? Какие сомнения и недопонимания существуют со стороны мирового сообщества по отношению к этой инициативе? Как иностранная аудитория видит перспективы инициативы «Один пояс – один путь»? Достигла ли внешняя коммуникация СМИ Китая желаемого результата касательно инициативы «Один пояс – один путь»? С этими вопросами мы провели исследование мировой аудитории. Ответы на эти вопросы помогают измерить результат внешней коммуникации инициативы «Один пояс – один путь».

В настоящее время ученые в области журналистики и массовых коммуникаций Китая провели большое количество исследований по проблематике коммуникации «Одного пояса – одного пути». Однако, рассматривая результаты этих исследований, мы обнаружили, что исследования аудитории и результатов коммуникации являются слабым местом среди исследований, касающихся «Одного пояса – одного пути». Поэтому мы провели опрос иностранной аудитории, на основании которого исследовали результат внешней коммуникации инициативы «Один пояс – один путь». Также, поскольку результаты исследования с помощью опроса могут отражать только общую картину, автор применил метод глубокого интервью и метод интервью в фокус-группах. Интервью было проведено у 13 представителей аудитории стран вдоль «Одного пояса – одного пути», был получен богатый материал из первых рук.

Опрос был посвящен восприятию и оценке инициативы «Один пояс – один путь» иностранной аудиторией и привычкам пользования СМИ иностранной аудиторией. В интервью для дополнения и расширения опроса помимо исследования восприятия, оценки и привычек использования СМИ задавались и вопросы в соответствии с индивидуальными характеристиками различных респондентов; были заданы вопросы, касающиеся национальных интересов, сотрудничества СМИ и т. д.

При данном опросе анкета была распространена на базе международной анкетной платформы Survey Monkey. Время анкетирования с 28 ноября 2017 года по 27 декабря 2017 года. Способ распространения – «снежный ком» в Интернете. Интернет связал Землю в одну «деревню», воплотив пророчество Маклюэна о «глобальной деревне», поэтому теоретически «снежный ком» может достичь любого уголка Земли, совершив выборку достаточного количества иностранной аудитории.

Прежде всего автор пригласил собственных иностранных друзей к заполнению анкеты и попросил переправить анкету их родственникам и друзьям. Кроме того, попросил работающих и обучающихся за границей друзей отправить анкету иностранным друзьям, с которыми они общаются, а также попросить иностранных друзей помочь с повторной рассылкой опроса их друзьям. В третьих, автор разместил данный опрос на открытых международных социальных платформах

Facebook⁵, LinkedIn⁶ и других, чтобы интересующаяся аудитория участвовала в опросе.

Всего в данном опросе приняли участие 356 участников. Количество стран, представители которых приняли участие в опросе, и региональное распределение участников является ключевым фактором убедительности данного опроса. После статистического подсчета результатов опроса выяснилось, что данный опрос охватил 78 стран, которые находятся в Азии, Африке, Европе, Океании. Таким образом, зона покрытия достигла ожидаемых результатов. Респонденты в основном сосредоточены в странах, вдоль которых проходит «Один пояс – один путь» в Азии, Африке и Европе. Из регионов, которые сейчас не охвачены «Одним поясом – одним путем», ответов пришло сравнительно мало.

В целом по количеству стран, в которых был заполнен опрос, преобладает Азия – всего 28 стран; опрос покрыл практически все страны, через которые проходит «Один пояс – один путь», всего из этого региона получено 126 заполненных опросных листов. В Европе представлено 21 государство, всего получено 135 полезных опросных листов. Количество участников из России преобладает – 82 человека. Из Африки представители 22 государств заполнили 32 опросных листа. Кроме представителей из стран, вдоль которых проходит «Один пояс – один путь», в данном опросе приняли участие и представители Северной Америки, Океании и Южной Америки.

Во время международной летней школы в Китайском народном университете автор пригласил к глубокому интервью трех профессоров, приехавших в Китай. Даты проведения глубокого интервью: 19 июля 2017 года, 21 июля 2017 года и 26 июля 2017 года, среднее время глубокого интервью – 3 часа.

Интервью в фокус-группах проходило 13 августа 2017 года, были приглашены 10 участников, работающих в СМИ и представляющих правительства, которые отвечают за регулирование в области СМИ:

⁵ Facebook – социальная сеть США, в 2017 году количество активных пользователей превышало 2 млрд человек.

⁶ LinkedIn – крупнейшая в мире профессиональная социальная сеть, ориентированная на бизнес-клиентов, количество пользователей по всему миру превышает 500 млн человек.

3 человека из Таджикистана, 6 человек из Киргизии и один человек из Монголии. Эти 10 интервьюируемых человек были лицами, которые в этих странах раньше всех узнают информацию об «Одном поясе – одном пути»; это люди, которые занимаются международной коммуникацией и являются партнерами, с которыми СМИ Китая развивают взаимодействие и сотрудничество.

В данном исследовании с помощью опроса и интервью зарубежной аудитории исследованы результаты внешней коммуникации инициативы «Один пояс – один путь», обобщены три аспекта внешней коммуникации инициативы «Один пояс – один путь»: восприятие, оценка и использование СМИ зарубежной аудиторией.

С точки зрения знакомства с инициативой иностранная аудитория показала отнюдь не идеальный уровень, только 20,3 % опрошенных указали время предложения инициативы «Один пояс – один путь», смогли назвать инициатора и конкретные положения. Знания иностранной аудитории о сотрудничестве в сфере «Одного пояса – одного пути» сосредоточены на «инфраструктуре» и «торгово-экономических обменах», не хватает понимания важности «связи между народами». На уровне содержания сотрудничества в рамках «Одного пояса – одного пути» иностранная аудитория имеет более высокую степень осведомленности о Фонде Шелкового пути и Азиатском банке инфраструктурных инвестиций. Осведомленность о «шести экономических коридорах» довольно низкая, а также существует довольно большое различие в знании экономических коридоров в разных регионах.

Что касается оценки, то зарубежная аудитория довольно активно воспринимала цель инициативы «Один пояс – один путь»; 55,72 % опрошенных указали, что цель инициативы «Один пояс – один путь» заключается в «помощи другим странам в развитии», «реализации совместного развития» или «продвижении всемирной глобализации». Только 9,29 % опрошенных считают, что цель инициативы «Один пояс – один путь» в «перераспределении избыточных мощностей внутри страны». Однако иностранная аудитория смотрит на будущее инициативы «Один пояс – один путь» без оптимизма. Только 38,79 % опрошенных считают, что инициатива будет получать поддержку всё большего количества стран. Интервьюируемые собеседники считают, что ключевым пунктом продвижения инициативы «Один пояс – один

путь» является то, каким образом будет осуществляться сопряжение интересов между государствами.

Что касается использования средств массовой информации, то основными каналами, откуда иностранная аудитория узнает об «Одном поясе – одном пути», являются массовые СМИ, другим способом является посещение Китая. Наиболее эффективными средствами массовой информации является Интернет, в то время как традиционные средства массовой информации оказались менее эффективными по сравнению с новыми СМИ.

Что касается выбора средства массовой информации, то зарубежная аудитория наиболее часто обращается к СМИ своей страны. Показатель доверия к СМИ своей страны наиболее высокий. Среди китайских СМИ, которые часто использует зарубежная аудитория, тремя наиболее эффективными средствами массовой информации являются CCTV – Международное телевидение Китая, China Daily и Китайское новостное агентство «Синьхуа». Иностранная аудитория сталкивалась с достаточно большим количеством негативных отзывов об инициативе «Один пояс – один путь» от ведущих мировых СМИ, однако сталкиваться с негативной информацией не означает принимать эти негативные оценки.

Кроме того, уровень знания китайского языка и количество посещений Китая имеет связь с базовым знанием аудиторией инициативы «Один пояс – один путь»: чем выше уровень знания китайского языка и чем большее количество посещений Китая у аудитории, тем выше у аудитории уровень знания инициативы. Частота, с которой иностранная аудитория использует СМИ своей страны и китайские СМИ, также имеет связь с базовым знанием инициативы «Один пояс – один путь»: чем больше иностранная аудитория использует СМИ своей страны или СМИ Китая, тем выше ее уровень знания инициативы «Один пояс – один путь». Повышение частоты использования мировых главных СМИ иностранной аудиторией не имеет значения для укрепления знания об инициативе «Один пояс – один путь».

Вышеуказанные выводы сделаны на основе эмпирических исследований. Несмотря на то что объем выборки не является достаточным, и то, что исследование не является всеобъемлющим, выводы исследования тем не менее имеют практическое значение для внешней комму-

никации инициативы «Один пояс – один путь». Мы считаем, что хотя «Один пояс – один путь» достиг определенных результатов во внешней коммуникации, однако по-прежнему присутствует проблема неосведомленности иностранной аудитории о конкретных проектах и сравнительно малая частота использования китайских СМИ иностранной аудиторией. Чтобы достичь более хороших результатов внешней коммуникации, СМИ Китая во внешней коммуникации должны уделять внимание последовательному осуществлению «связи между народами», разъяснять вопросы и сомнения, укреплять сотрудничество со средствами массовой информации стран, проводить инновации способов средств внешней массовой коммуникации.

КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ИНСТИТУТА КОНФУЦИЯ В ЭПОХУ НОВОЙ МЕДИА

Чжу Си

Институт журналистики Китайского народного университета,

г. Пекин

Max_zh@ruc.edu.cn

Межкультурная коммуникация ИК в обстановке новой медиа подразумевает распространение информации на чужой культурной территории с помощью новой медиа. В этой статье это означает интерактивный процесс ИК с представителями чужих культур через веб-сайты и социальную медиа. Особенность новой медиа повышает уровень интерактивности межкультурной коммуникации.

В 2017 году автор исследовал возможности межкультурного общения 22 институтов Конфуция (включая школы и классы Конфуция) в России в условиях новой медиа, отдельно проанализировав их собственные каналы коммуникации (официальный сайт, социальные сети), содержание и формы общения, после чего оценил в целом интерактивный эффект онлайн-взаимодействия. Проведенное исследование показало, что Институт Конфуция в России испытывает серьезные проблемы, что обусловлено низкой осведомленностью его сотрудников о новых медиа. Как следствие – низкая эффективность коммуникаций и необходимость их улучшения. Отмечено, что широко распространено отсутствие межкультурной коммуникации между институтами Конфуция и жителями регионов, а для реализации самой их связи с общественностью через масс-медиа не выработаны определенные стандарты.

Опыт показывает, что контент и взаимодействие являются ключевыми для достижения агрегации аудитории и поддержания взаимодействия с ней. Сам Институт Конфуция – «продукт» китайско-российского сотрудничества. Поэтому актуален вопрос, как улучшить коммуникационную способность Института Конфуция. Решением для этого является сотрудничество между китайской и российской сторонами.

(1) Содержание коммуникации: понимание аудитории и интеграция ресурсов

М. Проссер [1974/2013, с. 3] считает, что ключом к успеху межкультурной коммуникации является то, каким образом координируются сходства и различия между разными культурами. Поэтому необходимо проведение социологических опросов аудитории с тем, чтобы лучше узнать местную культуру,

(2) Каналы связи: дифференциация аудитории для точности коммуникации

При составлении контента Институт Конфуция должен также учитывать характеристики различных коммуникационных платформ и предпочтений аудитории, стремиться учитывать ее запросы и, соответственно, точность распространения информации. Так, например, со своей молодежной целевой аудиторией Институт Конфуция может связаться в новых медиа. Для других возрастных аудиторий Институту Конфуция следует по-прежнему использовать сотрудничество с традиционными СМИ с целью оптимизации общения.

(3) Аудитория коммуникаций: активное участие

При использовании новых медиа при размещении контента Институт Конфуция может рассмотреть возможность использования более открытого текста с целью привлечения аудитории, поднимать актуальные и горячие темы, которые вызовут широкий общественный резонанс. Одновременно можно заинтересовать и привлечь аудиторию к активному участию в различных онлайн-конкурсах (конкурсы исполнителей, конкурсы фотографий, конкурсы эссе и т. д.) за счет объявления награды, призов.

(4) Взаимодействие и эксплуатация

Согласно теории повестки дня Максвелла МакКоумбса [1972], постоянный контакт людей с определенной информацией будет влиять на их мышление. Поэтому назначенные медиаоператоры обязаны размещать контент на различных социальных платформах на систематической, регулярной и плановой основе, позитивно и своевременно взаимодействовать с аудиторией, что, в свою очередь, может постепенно усилить влияние Института Конфуция.

Кроме того, взаимодействие с местными лидерами общественного мнения, с другими исследовательскими группами в университетах может также расширить влияние Института Конфуция. Таким образом, возникла двухступенчатая модель коммуникации: «СМИ-лидер мнe-

ния – аудитория», в которой подчеркивается роль мотивов лидеров общественного мнения. В межкультурном общении роль этого посредника играет еще большую роль в разрешении недоразумений и культурных конфликтов.

В качестве платформы для культурных обменов между Китаем и Россией Институт Конфуция выполняет миссию цивилизационного обмена. Его развитие неотделимо от тесного сотрудничества между китайской и российской сторонами. В данной статье такое взаимодействие объясняется с точки зрения коммуникации и предлагаются отдельные направления для ее улучшения.

Список литературы

1. Lazarsfeld, Paul Felix *The people's choice*, N. Y.–L., 1968 (совм. с В. Berelson, Н. Gaudet).
2. McCombs, Maxwell E. (1972). «The Agenda-Setting Function of Mass Media». *Public Opinion Quarterly* 36 (2).
3. 陈力丹 (2017), 《解析中国新闻传播学2017》。北京：中国人民大学出版社。
4. 陈曦 (2016), 《孔子学院跨文化传播管理》。北京：北京大学出版社。
5. 段鹏 (2013), 《传播学基础：历史、框架与外延（第2版）》。北京：中国传媒大学出版社。
6. 匡文波 (2013), 《新媒体概论》。北京：中国人民大学出版社。
7. 孙春英 (2015), 《跨文化传播学》。北京：北京大学出版社。
8. 迈克尔·普罗瑟 (2013), 《文化对话—跨文化传播导论》 (*The Cultural Dialogue : An Introduction to Intercultural Communication*), 何道宽译。北京：北京大学出版社。
9. 朱玺 (2018), 《新媒体环境下在俄孔子学院跨文化传播能力调查》, 《孔子学院发展研究》, 2018年第1期。

初级汉语综合课堂的教学技巧及常见问题

Чжун Ян 钟洋

УЦ «Институт Конфуция» Новосибирского государственного
технического университета
857815375@qq.com

语言和文化是加强中俄互动的一个重要因素，这其中汉语教师充当着不可或缺的角色，“上好每一节汉语课”也就成为了中俄交流之间的桥梁。

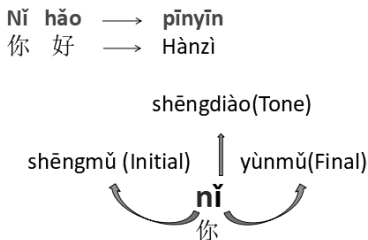
(一) 汉语综合课的教学技巧

“综合课”要求老师不仅要教授汉语知识，还要注重培养学生听、说、读、写、译的能力。

1. “上好第一节课”

上好第一节课，不仅能够激发学生对汉语的兴趣，还能树立教师的威信。那么如何导入就显得尤为关键：“你好”这个词许多学生在上课之前就会说了，老师可以从这个词下手，让学生了解汉语的一些基本概念，比如：

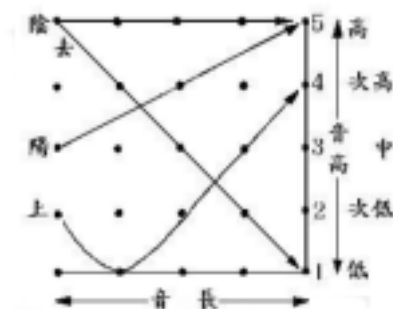
汉语是由拼音和汉字组成的，拼音是帮助我们阅读的，平时我们写的是汉字；以“你”为例，“n”是声母，“i”是韵母，声母和韵母相拼再加上一个声调就形成了一个音节。所以想要学习汉语，我们就要从拼音开始学习。

2. 三声及三声变调

“你好”这个词就完美的体现出了三声变调，初级汉语课中常见的三声变调还有“很好”“我也是”…

在讲三声的时候，其实老师应该强调一下，中国人在日常生活中发的三声实质上都是“半三声”，所以老师上课在画五度标记法的时候，可以把三声里上扬的部分用虚线表示。在学生第一次学三声时，可以直接教“半三声”，这样学生发出的三声就不会显得特别奇怪。随着学习的深入，慢慢地告诉学生，当表达某种情绪，如生气或者惊喜的时候，我们会发“全”三声。

3. 讲课的时候要多重复

不能否认，在语言习得的过程中，“重复”扮演着一个十分重要的角色。老师要尽可能地利用上课时间让学生把新知识吸收掉，那么，大量的重复就可以帮助完成这一教学目标。

4. 课堂练习形式多样，刺激学生的学习兴趣

单一的重复会引起学生的厌倦，这就需要老师在课前多准备一些多样的课堂练习活动，来刺激学生的学习兴趣，保证课堂的高效性。以初级汉语课堂语音教学中的b、p为例，课堂练习形式可分为：

4.1老师领读；

4.2学生认读：由慢到快；

4.3辨音练习：韵母相同：bao/pao

声母相同，韵母相似：ban/bang

4.4辨调练习；

初级阶段，学生的辨调能力很不理想，他们听不出来老师发的是二声还是三声，所以辨调练习十分必要。

5. 初级汉语教学过程中，一定要循序渐进，由浅入难.

在初级汉语教学过程中，老师一定要有耐心，学生刚开始接触一个全新的语言，难免会有很多问题暴露出来，所以需要老师循序渐进地引导学生，这样他们的汉语基础才会牢。我们以“是”字句为例：

5.1肯定句：他是中国人。

5.2否定句：他不是中国人。

5.3一般疑问句：他是中国人吗？

5.4是非疑问句：他是不是中国人？

5.5特殊疑问句：他是哪国人？

（二）汉语综合课的常见问题

1. 笔顺

初级班教学时，刚学汉字时会发现即使教了笔顺，学生也还是写不对。建议老师在板书的时候，把每一笔都写出来，然后留作业的时候也让学生把笔顺写出来，这样坚持一段时间，会培养出学生对笔顺的意识，情况也会改善许多。

2. 学生听不出来老师发的是几声

建议教初级班的老师上课时多辨音多辨调，就是老师读一个音，让学生判断这是几声。因为好多学了一两年的学生经常会问：“老师，“累”是几声？”，他能读对，却不知道这是几声。要培养学生的听辨能力，对于教高级班的老师也会更容易些。留作业的时候可以留一些语音作业，即老师说一段话，学生写拼音。

3. 教学进度的快慢如何掌握

老师在上课之前要问自己，上课追求的是进度还是学生的掌握情况。我们上课的最终目的是要让学生学到知识，所以那些所谓的教学进度是需要根据学生的具体情况进行及时调整的。所以需要老师做到以下几点：

3.1课前：多写几套教案；认真想怎么讲学生容易接受；

3.2课上：多提问学生；注意观察学生的面部表情；

课堂上需要老师注意观察每个学生的表情，有的学生比较内向，即使听不懂也不敢开口问，所以老师要随时通过他们的表情来感受他们是

不是跟上了，如果没跟上，可以适当放慢语速，然后对她进行提问，实在不行，也可以找学得好的同学给她解释一下。

3.3课下：与学生沟通；及时调整教学计划；

4. 学生听不懂纯汉语教学的课堂

不要试图去讲语法，不要试图去解释语法，最好用的办法就是利用图片，或者大量列举贴近她们生活的例子，再做练习题检查她们是不是懂了这个语法点，最后让他们自己造句，来看她们是不是真的掌握了。

“会说汉语”和“会教汉语”是两个完全不同的概念，希望汉语老师能够多多充实自己的汉语知识，改善自己的教学技巧，将汉语事业进行到底。

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В АРКТИКЕ: НАЧАЛО

Чистякова А.Н.

Сибирский институт международных отношений
и регионоведения, г. Новосибирск
Feng@ya.ru

С момента выдвижения Си Цзиньпином в 2013 г. инициативы ЭПШП прошло 5 лет. На повестке дня, кроме использования первоначальных сухопутных маршрутов, освоение и эксплуатация арктического морского маршрута и возможность сопряжения ОПОП с российским Североморским путем.

Китай готовился к проекту освоения Арктики: сначала стал наблюдателем Арктического совета в 2013 г, проводил арктические экспедиции (на 2018 г. их прошло 9), на основании которых были сделаны экономические выводы о транспортных перевозках и построены транспортные маршруты. Так что к сотрудничеству в Арктике Китай подошел хорошо подготовленным.

Руководитель отдела стратегических полярных исследований при Китайском центре полярных исследований Чжан Ся сказал, что с использованием арктических водных путей морские порты Китая смогут сократить маршруты на восточное побережье Северной Америки на 2000...3500 морских миль по сравнению с традиционными маршрутами; рейсы из порта Шанхай в Западную Европу, Северное море, Балтийское море и т. д. сократятся на 25...55 %. К 2020 г. если будет открыт арктический маршрут, то ежегодно можно будет экономить от \$53,3 млрд до \$127,4 млрд на расходах международной морской торговли [2].

Кроме того, другие трансевразийские как сухопутные, так и морские перевозки могут оказаться крайне нестабильными. Основные маршруты перегружены. Северморпуть выгоден прежде всего в плане безопасности. На Ближнем Востоке и в некоторых регионах Южной Азии сложилась неустойчивая обстановка, которая угрожает традиционным морским транспортным маршрутам: морское пиратство, угроза терроризма и т. п. Россия может обеспечить безопасность на всем протяжении маршрута.

Итогом арктической программы КНР стала Белая книга «Политика КНР в Арктике». В ней излагаются интересы Китая в области разработки нефтяных и газовых ресурсов Арктики, развития в регионе возобновляемой ветровой и геотермальной энергетики, налаживания транспортной инфраструктуры с участием китайских компаний. Партнерство в этих сферах создает новые шансы для развития России и ее партнеров по ЕАЭС [4].

В целом арктический маршрут состоит из основных линий: Северо-Восточный, Северо-Западный и Центральный проходы. Американский (Северо-Западный проход) берет начало от Берингова пролива вдоль северного берега Северной Америки через Канадский Арктический архипелаг до пролива Дейвиса. Но тут есть определенные проблемы, прежде всего с Канадой, которая считает, что Северо-Западный маршрут проходит через ее территориальные (внутренние) воды. США так же не поддерживают этот маршрут, так как не хотят иметь торговую магистраль под контролем стратегического конкурента [3].

Северо-Восточный проход является маршрутом с самой высокой судоходной способностью, ее большая часть расположена в северной части России, начинается в Северной Европе, проходит на восток через Баренцево море, море Лаптевых и до Берингова пролива.

Россия пригласила Китай к совместному строительству Северо-Восточного прохода. В мае 2017 г. в ходе встречи министров иностранных дел Китая и России было инициировано совместное строительство Ледового Шелкового пути, которое стало важным направлением китайско-российского взаимодействия.

Преимущества и недостатки

При СССР был возведен ряд военных и стратегических портов на побережье Северного Ледовитого океана. Эти порты в течение длительного времени после распада СССР не восстанавливались, и их пропускная способность оставляет желать лучшего. Но порты привязаны к населенным пунктам, имеют причалы, аэропорты и основные объекты инфраструктуры.

У России большой опыт крупного строительства в северных широтах.

Но на фоне ужесточения санкций со стороны Запада российская сторона сталкивается с немалыми трудностями, в частности, с дефицитом денежных средств [6].

Совместные проекты

В числе современных арктических портов наиболее активно осваивается Сабетта. В 2012 г. в целях обслуживания «Проекта Ямал СПГ» по поставкам сжиженного газа российская сторона приступила к строительству порта Сабетта.

В 2013 г. Китайская национальная нефтегазовая корпорация (КННК) была приглашена к участию в проекте, она владеет 20 % акций, ежегодно продает около 4 млн тонн СПГ на китайском рынке. Транспортировка СПГ осуществляется при помощи Северо-Восточной линии. Расположенное внутри Северного полярного круга предприятие «Ямал СПГ» – это крупнейший проект по производству СПГ в Арктике и первый мегапроект энергетического сотрудничества, запущенный в России в рамках инициативы «Пояс и путь».

В мае 2014 г. Китай и Россия объявили о совместном строительстве российского порта Зарубино в 60 км от Хуньчуня провинции Цзилинь [2].

В конце 2017 г. российские и китайские ученые-кораблестроители договорились вместе разрабатывать новые арктические технологии исследования океана, моделирования ледовых нагрузок и анализа прочности судов. Соглашение об этом было подписано представителями Санкт-Петербургского государственного морского технического университета и Китайского исследовательского центра по судостроению [3].

Таким образом, Ледовый Шелковый путь является самой короткой и безопасной морской линией, соединяющей Китай с Европой.

Строительство опорных портов Ледового Шелкового пути стало началом реализации совместного российско-китайского проекта.

Список литературы

1. Завершена погрузка первой партии СПГ, произведенного 2-й линией китайско-российского предприятия «Ямал СПГ» http://russian.news.cn/2018-08/11/c_137383581_6.htm (дата обращения 13.08.2018) .

2. «Ледяной Шелковый путь»: Возможности Арктического маршрута <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0620/c31521-9230968.html> (дата обращения 13.08.2018).

3. *Лекух Д.* Россия и Китай создадут Полярный Шелковый путь // <http://ria.ru/analytics/20180129/1513490180.html> (дата обращения 13.08.2018).

4. *Ломанов А.* Ледяной Шелковый путь: программа взаимной стыковки <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ledyanoy-shyelkovyy-put/> (дата обращения 13.08.2018).

5. Китай нацелен на строительство «Шелкового пути на льду» в Арктике http://russian.news.cn/2018-01/26/c_136926783.htm (дата обращения 13.08.2018).

6. *Чэнь Сяочэнь, Чжан Тинтин.* Ледовый Шелковый путь. http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2018-06/25/content_53369435.htm (дата обращения 13.08.2018).

КИТАЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» И ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО НЕФТЕГАЗОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Чэнь Цзиньлин

Санкт-Петербургский государственный университет
Chenjinling19890@126.com

В XXI веке Китай и Россия вступили как две великие державы – стратегические партнеры, во многом оказывающиеся в условиях глобализации перед сходными вызовами и угрозами [4]. Развивая и углубляя добрососедство, дружбу, стратегическое взаимодействие и сотрудничество, наши страны способны уверенно продвигаться по пути развития с учетом самостоятельного выбора, сделанного российским и китайским народами.

Соседствующие друг с другом державы – Россия и Китай – играют важную роль в мировом сообществе, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Двусторонние отношения между ними всегда занимали весомое место. Между странами развиты тесные связи в плане геополитики, экономики и культурного обмена, обусловленного историей.

Двустороннее энергетическое сотрудничество между Россией и Китаем не только будет способствовать их экономическому развитию и общему процветанию, но и поможет расширить китайско-российское стратегическое партнерство.

1. Краткая история развития нефтегазовой промышленности Китая.

Китай начал добычу и использование нефти около IV века. Китайцы применяли бамбуковую жердь в качестве «сверла» для добычи нефти, чтобы готовить соляной рассол. В Китае во время династии Северный Сун писатель Шэнь Ко в «Мэн Си Би Тан» впервые использовал слово «石油 (нефть)», это слово китайцы пишут и до настоящего времени [17]. Но до 1949 года в Китае почти не было найдено ни одного крупного нефтяного месторождения. Китай очень много импортирует из-за рубежа. Многие специалисты говорят, что Китай – «бедная нефтью страна» [4]. После 1949 года Китай начал наращивать усилия по разведке нефти. Потом в Китае обнаружили несколько крупных нефтяных месторождений, из которых наиболее известно «Дацин

нефтеместорождение». Китай быстро избавился от ярлыка «бедной нефтяной страны». В начале 1970-х годов Китай начинал экспортировать нефть за границу. В то время многочисленные поставки нефти дали толчок для развития промышленности Китая. Но Китай не заметил, что нефть является важным ресурсом, и не обратил внимание на нефтяную промышленность. Нефть тратилась в больших количествах и использовалась как источник топлива.

2. Краткая история развития нефтегазовой промышленности России.

Современная нефтегазовая индустрия России образовалась не в один миг, ее становление проходило поэтапно. Одним из первых предприятий стал завод, расположенный вблизи города Архангельска, который был запущен в 1703 году. В XIX веке основным районом добычи нефти в России явился Кавказ. В 1846 году на Апшеронском полуострове, относившемся в те времена к Российской империи, в поселке Биби-Эйбат была пробурена первая в мире нефтяная разведывательная скважина. Первая в России эксплуатационная скважина была пробурена на Кубани, в долине реки Кудак в 1864 году.

К началу XX века доля России в мировой нефтедобыче составляла около 30 % [4]. После революции в России добыча газа и нефти приостановилась на некоторое время. Несмотря на то что нефтяные месторождения стали национализировать, иностранный капитал не покинул Россию. В результате сотрудничества с Россией таких компаний, как Standard Oil и Vacuum, уровень экспорта вернулся к прежним значениям 1923 г. Поэтому история нефтегазовой промышленности получила новый шанс на жизнь в конце 20-х годов XX века. После переломного периода началось бурное развитие нефтегазового рынка не только на территории государства, но и во всем мире.

3. Перспективы китайско-российской нефтегазовой промышленности.

В настоящее время между Китаем и Россией имеются хорошие политические и экономические отношения. Механизм регулярных встреч глав правительств Китая и России постепенно становится важным средством координации многогранного делового сотрудничества двух государств и дает плодотворные результаты. Это сыграло важную роль в содействии всестороннему и устойчивому развитию китайско-российского стратегического партнерства и взаимодействия [5].

В начале 2013 года состоялся первый зарубежный визит Председателя КНР Си Цзиньпина в Россию. Это продолжение его первого визита в Россию сразу после вступления в должность Председателя КНР, что говорит об особом внимании к отношениям двух стран. Китайско-российские отношения вошли в новую стадию благоприятного всестороннего взаимодействия.

В связи с быстрым экономическим развитием потребление энергетических ресурсов Китая значительно растет. Китай уже стал большим энергетическим потребителем в мире [3]. В этой ситуации инвестиции в иностранные государства – один из выходов для страны. Поэтому в этом докладе проведен анализ характера и модели нефтегазовых инвестиций Китая в мире, дан анализ возможностей китайских нефтегазовых компаний за рубежом, способных обеспечить соответствующую стратегию китайских инвестиций согласно программе «Один пояс – один путь». Расширение китайско-российского энергетического сотрудничества имеет очень большое значение [12].

Стратегия «Один пояс – один путь» была выдвинута Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. [8]. В эту стратегию включают «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». Это сотрудничество подразумевает большое количество участников.

О китайской стратегии «Один пояс – один путь» писал китайский ученый Чжоу Цзюнь. В своей диссертации он отметил, что страны Центральной Азии вновь становятся важными участниками трансконтинентальных экономических связей. Данный проект будет способствовать развитию евразийского региона, укреплению связей между государствами и разработке ресурсных баз на их территориях [11].

По данным отчета международного энергетического агентства (International Energy Agency) прогнозируется, что спрос Китая на нефть в 2016–2022 гг. будет увеличиваться на 1,8 млн баррелей в день [14, 16]. Огромное количество потребления и эскалация зависимости от иностранной нефти заложили большие перспективы инвестиций Китая в Россию в нефтегазовой отрасли [14].

По данным таможенной статистики Китая, в 2016 году Россия впервые обошла Саудовскую Аравию в качестве крупнейшего поставщика нефти и вышла на первое место по поставкам в Китай. С января–марта 2017 года Россия в течение трех месяцев стала крупнейшим поставщиком нефти в Китай [2].

Председатель КНР Си Цзиньпин во время визита в Россию в июле 2017 года отметил, что «Стороны неизменно поддерживают друг друга по ключевым вопросам, представляющим взаимный интерес, активно развивают сопряжение стратегий развития двух стран, а также состыковку инициативы “Пояса и пути” с Евразийским экономическим союзом» [9]. Он продолжил: «В условиях сложной и постоянно меняющейся международной обстановки Китай и Россия возложили на себя ответственность крупных держав, сформировали международные отношения нового типа, основанные на сотрудничестве и общей выгоде и являющиеся примером для других стран, а также вкладывают энергию в поддержание мира и стабильности» [10].

Можно согласиться с данным высказыванием, что стратегия «Один пояс – один путь» имеет большое политическое значение для поддержания мировой безопасности. Визит председателя КНР будет помогать расширению данной стратегии, а также создавать благоприятные условия для развития дипломатических отношений.

Выводы

В новой международной нефтегазовой структуре общие цели и проблемы между нефтедобывающими странами и странами-импортерами способствуют укреплению сотрудничества. У них есть общие интересы и противоречия, которые являются основой для дальнейшего укрепления отношений между нефтедобывающими странами и странами – импортерами нефти. С одной стороны, нефтедобывающие страны, для того чтобы учесть свои собственные интересы и получить максимальную прибыль, будут искать способы для расширения своей доли рынка. Но из-за постоянных скачков цен им всё равно не избежать конкуренции.

С другой стороны, страны – импортеры нефти и газа имеют общие потребности. Но они будут более серьезно конкурировать за импорт нефти, и также есть потенциальный конфликт из-за источников нефти.

В последние годы с быстрым развитием собственной экономики Китая и растущего спроса на нефть и газ Китай будет находиться под влиянием изменений международной энергетической ситуации. Россия имеет богатые энергетические ресурсы. Чтобы избежать влияния международного энергетического рынка, России также нужно искать больше энергетических партнеров и диверсифицировать ресурсы между страна-

ми-потребителями. Это будет иметь для России важное значение. Несомненно, Китай является одним из лучших вариантов.

Таким образом, инвестиции Китая в российскую нефтегазовую отрасль являются взаимовыгодным условием для двух держав.

Список литературы

1. *Виноградова С.М.* Геополитика: учебник и практикум для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2016. – 273 с.
2. Главное таможенное управление КНР. (General Administration of Customs) [Электронный ресурс]. – <http://www.customs.gov.cn/> 中国海关总署.
3. *Гумарова И.С.* Приоритеты энергетической дипломатии России: дис. ... канд. политол. наук. 23.00.04 / Гумарова Инна Сергеевна; науч. рук. С.М. Виноградова; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2008. – 325 с.
4. Китайская нефтегазовая стратегия [Электронный ресурс] // Китайские энергетические ресурсы. – Режим доступа: <http://www.china5e.com/energy-economy/energy-strategy/>.
5. Китайско-российское стратегическое партнерство [Электронный ресурс] // сайт «ССТV». – Режим доступа: // <http://opinion.cntv.cn/2014/02/07/ART11391781363647600.shtml>.
6. *Лескютин Я.В.* Америко-китайские отношения в условиях трансформирующейся международной системы в начале XXI в: дис. ... д-ра политол. наук. 23.00.04 / Лескютин Яна Валерьевна; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – Санкт-Петербург: [б. и.], 2011. – 324 с.
7. Международное энергетическое агентство [Электронный ресурс]. – <http://www.iea.org/chinese/>.
8. Один пояс – один путь [Электронный ресурс]. – <https://www.yidaiyilu.gov.cn/> 中国一带一路网。
9. Си Цзиньпин встретился с президентом РФ В. Путиным // Журнал «Китай» [Электронный ресурс]. – http://www.kitaichina.com/rbestxinwen/201707/t20170704_800099600.html;
10. Си Цзиньпин прибыл в Москву и начал государственный визит в Россию // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. <http://ru.china-embassy.org/rus/zewlzxdt/t1475231.htm> 中国驻俄罗斯大使馆.
11. *Чжоу Цзюнь.* Политическое измерение взаимодействий Китая и стран Центральной Азии в евразийских интеграционных структурах: автореф. дис. ... канд. политол. наук: 23.00. 04 / Чжоу Цзюнь. – СПб., 2017. – С. 4.

12. Чэнь Цзиньлин. Значение углубления сотрудничества между Россией и Китаем в нефтегазовой отрасли // Изучение и решение. – 2015. – № 24. – С. 81–82. 陈金玲. 中俄深化石油经济领域合作的意义 / 决策探索. – 2015. – № 24.
13. Frank C. Hanighen. The Secret War. – New York: John Day, 1934. – P. 82–83.
14. IEA: Китай будет самый крупный покупатель в мире // сайт «CNPC» (China National Petroleum Corporation) <http://news.cnpc.com.cn/system/2017/03/30/001641264.shtml> IEA: 中国今年将成为全球最大原油买家.
15. Zhao Shukun. Southwest University of Political Science and law. On Non-discriminate Effort and Challenge of China from the Perspective of Law> // Journal of Cambridge Studies. – Vol 4. – № 4. – December 2009.
16. BP мировые нефтегазовые ресурсы 2016 г. [Электронный ресурс] http://www.bp.com/zh_cn/china/reports-and-publications/bp_2016.html
17. [https:// petrodigest.ru/articles/history/kratkaja-istorija-dobychi-nefti-v-rossii](https://petrodigest.ru/articles/history/kratkaja-istorija-dobychi-nefti-v-rossii).

ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА И ТВОРЧЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Шунков А.В.

Кемеровский государственный институт культуры
alexandr_shunkov@mail.ru

Современное высшее образование сегодня не исчерпывается лишь достижением учебных или научных целей. Образование – это только путь, основа гуманитарного сотрудничества, которое включает общественное предназначение и общественную миссию вуза.

Интеграция вуза в международное образовательное и научное пространство напрямую зависит от того факта, насколько вузовское образование, наука и творчество ориентированы на осуществление общественно значимых приоритетов, включая и межкультурную коммуникацию.

Сегодня одним из таких общественно значимых приоритетов для нашего вуза выступает развитие российско-китайского гуманитарного сотрудничества, предполагающего следующее:

- академический обмен и трансферт образовательных технологий;
- разработку проектов молодежных творческих обменов;
- создание совместных российско-китайских проектов в области различных видов искусства;
- создание в Китае образа многокультурной России средствами искусства;
- гуманизацию образа России и ее лидеров.

Образование, научная деятельность, творчество как «мягкая сила» нашего вуза являются основой многостороннего развития российско-китайского партнерства.

В 2017 г. исполнилось 10 лет установления официальных партнерских отношений между двумя вузами – Кемеровским государственным институтом культуры и Чанчуньским педагогическим университетом. За прошедшее десятилетие круг вопросов, регулируемых первым Договором о сотрудничестве 2007 г., существенно расширился и нашел

практическое воплощение в реализации совместных образовательных программ, определении перспектив реализации программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре и ассистентуре-стажировке, в принятии решения о создании на базе Чанчуньского педагогического университета Центра русской культуры.

Рассмотрим более подробно направления нашего взаимодействия.

В 2011 г. между Чанчуньским педагогическим университетом и Кемеровским государственным университетом культуры и искусств был подписан Договор о реализации совместных образовательных программ. Сегодня мы можем говорить об успешной реализации данного договора. Так, в 2016/2017 учебном году совместно с Чанчуньским педагогическим университетом осуществлялся академический обмен и трансферт образовательных технологий в рамках пяти образовательных программ («Музыкально-инструментальное искусство», «Вокальное искусство», «Музыкальное искусство эстрады», «Музыкальное знание и музыкально-прикладное искусство», «Дизайн»).

Еще одним из направлений деятельности Кемеровского государственного института культуры в развитии стратегического, научно-творческого партнерства и взаимодействия с Китаем стало открытие в КемГИК центра китайской культуры. Его открытие состоялось 21 февраля 2012 г.

Основной формой работы Центра стали социально-культурные акции «Дни китайской культуры».

Проводимые социально-культурные акции традиционно сопровождаются образовательными, научными, творческими мероприятиями.

Почему мы говорим на языке достижений культуры, науки и творчества?

Институт международной дипломатии переживает сегодня изменения. Классическая модель дипломатии, предполагающая взаимодействие исключительно государств, становится лишь одним из аспектов современной дипломатической деятельности. Особое место в новейшем инструментарии занимает общественная дипломатия как неотъемлемый элемент того, что называется «мягкой силой».

Для нас коммуникации в образовании через достижения культуры и творчества – это «общественная дипломатия» и основа «мягкой силы».

Самым большим риском в российско-китайских отношениях является взаимное непонимание или неверное понимание. В силу же своей специфики различные виды и жанры искусства и творчества обладают универсальным языком – языком образов, который, как правило, не требует перевода.

Международные творческие проекты дают возможность поддерживать профессиональные контакты с ведущими китайскими специалистами и общественностью в сфере культуры и искусства, нашими вузами-партнерами в Китае, продвигают в международном сообществе идею диалога культур как «мягкой силы» и «общественной дипломатии». Совместные российско-китайские арт-проекты также могут стать ключом для приближения современной российской культуры к интересам китайской аудитории.

Это важный факт общественной миссии вуза.

Конкретное содержание российско-китайского творческого партнерства и сотрудничества заключается в реализации совместных гастрольных туров, проведении мастер-классов деятелей искусств, организации и проведении совместных фестивалей искусств, арт-проектов.

Меняется современный мир, меняется современное мировое сообщество. В настоящее время невозможно существование обособленных, изолированных друг от друга культурных миров. А для вуза это новые формы межкультурной коммуникации, которые и составляют основу «общественной дипломатии»: конкурсы русской словесности для иностранных студентов «Твоя и моя земля», открытие выставки экологического плаката «ДАНЕТ», посвященной Году экологии в России, концерты преподавателей КемГИК в Чанчуньском педагогическом университете (КНР) и др.

В 2016–2017 гг. Кемеровским государственным институтом культуры и Чанчуньским педагогическим университетом был реализован еще один проект – Международный научно-творческий форум «Россия–Китай: медиасфера как социальная основа двухстороннего сотрудничества», посвященный Году китайских и российских СМИ в 2016–2017 гг. Вузы-партнеры при поддержке Министерства культуры Российской Федерации, Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области, Департамента образования и науки Кеме-

ровской области и ГТРК «Кузбасс» выступили организаторами данного научного проекта. В рамках данного проекта на базе КемГИК в мае 2017 г. проведена II Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Визуальные искусства в современном художественном и информационном пространстве», в июне 2017 г. в пресс-центре ГТРК «Кузбасс» прошел Международный круглый стол «СМИ и общественная дипломатия». Следующий этап – участие делегации КемГИК в мероприятиях, организуемых в июле 2017 г. Чанчуньским педагогическим университетом.

В заключение можно отметить, что Кемеровский государственный институт культуры сегодня отвечает вызовам современности, готов к полноценным партнерским отношениям в реализации стратегического взаимодействия России и Китая, к диалогу в сфере национальных культур, науки и образования.

ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КИТАЙСКОГО НАУЧНОГО ИНДЕКСА CNKI РОССИЙСКИМИ УЧЕНЫМИ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ ПУБЛИКАЦИЙ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Фаткулин Б.Г.

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск
fatkulinbg@susu.ac.ru

В наше время многие страны занимаются разработкой собственных наукометрических баз данных для того, чтобы собирать в них продукты научно-исследовательской деятельности своих ученых, а также различных научно-исследовательских центров. Наукометрические базы данных – это базы данных библиографического и реферативного характера, устройство для исследования и отслеживания цитируемости различных научных статей. Для Российской Федерации такой базой данных является РИНЦ, где хранятся научные публикации российских ученых.

Качественная информационная работа и журналистика в области востоковедения невозможна без сбора информации на самих же восточных языках напрямую и без грамотного цитирования источников.

Информационная работа российских аналитических медиаструктур востоковедческого профиля основана, в частности, на анализе публикаций на восточных языках, в том числе научных статей, диссертаций и монографий, и требует от востоковедов владения двумя ключевыми навыками: грамотного цитирования и использования наукометрических баз данных.

Российские бакалавры, магистранты и аспиранты в своих выпускных квалификационных работах, магистерских и кандидатских диссертациях обязаны цитировать оригинальные китайские источники. Все умеют пользоваться РИНЦ. Все регионы мира по мере включения их в глобальные научные сети стремятся обзавестись собственными наукометрическими базами данных и базами цитирования для обмена научной информацией, получения доступа к внешним научным ресурсам и предоставления доступа к своим научным достижениям. У рос-

сийской РИНЦ есть аналог в КНР. CNKI (China National Knowledge Infrastructure) – наукометрическая база данных Китайской Народной Республики. CNKI пользуется большим спросом среди научно-исследовательских институтов Азии, а также среди правительств, крупных компаний, различного рода медицинских центров, академических библиотек не только в Китае или Гонконге и азиатских странах, но и также по всему миру. Китаеведы всех стран, в том числе и российские китаеведы, должны развивать свои навыки по работе с данной наукометрической базой данных. Наукометрическая база данных CNKI помимо содержания в себе платных трудов и статей содержит и статьи с бесплатным доступом. Таким образом, исследователи и журналисты, изучая труды ученых Китая и сопоставляя их с трудами ученых России, могут найти информацию о Китае из первых рук, узнать мнение ученых Китая по важным вопросам современности.

Для того чтобы работать с системой, необходимо знать библиографическую терминологию китайского языка. Например, чтобы начать работу с регистрационной формой и ее заполнением, необходимо нажать иконку 注册.

Данные, необходимые для регистрации.

1. Имя пользователя 用户名
2. Пароль 密码
3. Номер телефона 手机号
4. Электронная почта 您的邮箱
5. Проверочный код 验证码

В поле 检索 необходимо ввести интересующий вас запрос. Параметры, по которым производится поиск.

1. Поиск по тексту 全文
2. Основная тема 主题
3. Поиск по названиям 篇名
4. Автор 作者
5. Издательство 单位
6. Ключевое слово 关键词
7. Краткое содержание 摘要
8. Дополнительная литература 参考文献

В результате ученый, желающий процитировать статью на китайском языке, получает стандартную ссылку на статью, готовую к вклю-

чению в свою работу. Чем более качественную информацию будет получать китаевед в процессе поиска и изучения информации, тем более высоким будет уровень его компетенции по китайскому языку, что обеспечит более высокий уровень подготовки специалистов, изучающих китайский язык.

Получив библиографическое описание источника, российский исследователь может перевести его в транскрипцию на основе алфавита Палладия и включить в список литературы. Например:

[1] 王晓伟. 美国制裁难挡俄制武器受青睐[N]. 北京日报, 2018-10-06(003).

[1] Вансяовэй. Мэйго Чжицай Нань Дан Э Чжи Уци Шоу Цинлай [N]. Бэйцзин Жибао, 2018-10-06(003).

Можно сделать следующие выводы.

- В международной научной коммуникации сложились региональные информационные центры, которые используют для научных исследований национальные языки. Необходимо использовать не только английский, но и китайский язык.

- Недостаточное знакомство российских китаистов и журналистов с публикациями китайских коллег приводит к тому, что количество совместных публикаций китайских и российских ученых пока невелико. К сожалению, пока взаимное цитирование не так распространено из-за трудностей в поиске статей как на китайском, так и на русском языке.

- Российские журналисты и ученые, изучающие Китай, должны освоить наукометрические базы данных КНР. Возможно, это приведет к увеличению совместных публикаций российских и китайских ученых.

- Необходима популяризация РИНЦ среди китайских ученых и журналистов и популяризация китайских наукометрических порталов среди российских ученых

Список литературы

1. Сюй Л. Развитие и совершенствование китайской базы данных индекса цитирования общественно-научных статей // Власть. – 2017. – Т. 25. – №. 2. – С. 176–181.

2. Wan J. et al. The journal download immediacy index (DII): experiences using a Chinese full-text database // Scientometrics. – 2010. – Т. 82. – №. 3. – С. 555–566.

РОССИЯ И КИТАЙ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИНТЕРЕСЫ И ПОЗИЦИИ В СФЕРАХ ТОРГОВЛИ И ИНВЕСТИЦИЙ

Шеров-Игнатъев В.Г.

Санкт-Петербургский государственный университет
vladimirsherov@mail.ru

В докладе анализируются интересы двух стран в регионе, фактическое состояние торгово-экономических связей стран ЦА с Россией и Китаем и имеющиеся тенденции в этой сфере. Гипотеза автора состоит в том, что, несмотря на серьезную конкуренцию за влияние в Центральной Азии (ЦА), у Китая и России есть общий интерес к развитию инфраструктуры и экономическому подъему в регионе, а экономические позиции РФ в ЦА еще достаточно сильны

Последние 150–200 лет Россия имела преобладающее влияние в Центральной Азии, которая вошла в состав Российской империи, а затем – Советского Союза. С конца XX столетия внешние, в том числе экономические, связи теперь уже независимых стран ЦА становятся разнообразнее. Расширяется взаимодействие с Турцией, ЕС, США, Японией, Р. Корея, Ираном и особенно с Китаем. КНР активно инвестирует в инфраструктурные проекты в странах региона, нацеленные как на вывоз ископаемых ресурсов (газопровод из Туркмении, нефтепровод из Казахстана), так и на упрощение и ускорение транзита китайских товаров в Европу и страны Ближнего Востока.

Интересы России в регионе ЦА в первую очередь политические. Укрепление и, возможно, расширение Евразийского экономического союза (ЕАЭС) важно для усиления геополитической роли России. В отсутствие оборудованной границы с Казахстаном Россия заинтересована в стабильном развитии этой страны и ее южных соседей и в укреплении внешнего периметра границ ЕАЭС. Экономические интересы РФ включают закрепление рынков сбыта в странах ЦА за российскими производителями за счет дополнительного конкурентного преимущества благодаря формированию единого экономического пространства с минимумом барьеров и общими или близкими стандартами. Кроме того, экономическое развитие ЦА может ограничить приток

трудовых мигрантов и снизить угрозу экспансии исламизма и нарко-трафика. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов важность сохранения контроля над военными объектами РФ в странах ЦА.

Интересы Китая в ЦА включают доступ к энергетическим и иным сырьевым ресурсам, транзитные маршруты на Ближний Восток и в Европу, выход на местные рынки, экспорт товаров. Как и Россия, Китай заинтересован в снижении угрозы распространения исламизма и нарко-трафика. Наконец, как и Россия, Китай заинтересован в ограничении влияния США в регионе. Два последних фактора привели в 2001 г. к формированию Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которая стала своеобразным инструментом предотвращения конфликтных ситуаций между РФ и КНР и в ЦА.

В дальнейшем Китай пытался использовать ШОС для продвижения идеи либерализации взаимной торговли, однако Россия не была к этому готова. Тогда Китай пошел иным путем – односторонних инициатив. Был сформирован Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и сформулирована глобальная инициатива «Один пояс, один путь». Россия же постепенно свыкается с возможностью двусторонней либерализации (ЕАЭС в 2015 г. заключил соглашение о свободной торговле (ССТ) с Вьетнамом. Однако РФ и ЕАЭС относительно КНР более осторожны: подписанное в мае 2018 г. соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве не предполагает отмены ввозных пошлин; акцент сделан на устранении нетарифных барьеров и упрощении ведения бизнеса на взаимной основе.

Фактическая же картина, судя по данным национальных статистических служб стран региона, такова: несмотря на торговую экспансию Китая, на 2017 г. российский экспорт в страны региона по стоимости превосходит китайский (22 против 18 млрд долл.); обе страны имеют положительное сальдо в торговле товарами с ЦА, но у России оно более значительное. С другой стороны, это означает, что КНР является более значимым рынком для поставок из стран ЦА, чем РФ.

Что касается прямых иностранных инвестиций (ПИИ), ситуация несколько отличается. Ни Китай, ни Россия не входят в число лидеров по ПИИ в регионе ЦА, значительно уступая Нидерландам, США и Швейцарии. КНР, тем не менее входит в пятерку лидеров по накопленным в ЦА ПИИ, опережая Россию (с 2009 года) примерно на 30 %.

Однако в 2013–2015 г. масштабы китайских прямых инвестиций в Казахстан резко снизились (незвизрая на заявленный проект Пояса и Пути). В 2017 г. российские ПИИ в Казахстан превзошли по объему китайские (впервые с 2008 г.). При этом надо иметь в виду, что немалая часть российских инвестиций проводится через офшоры (включая инвестиции государственного «Росатома»).

В 2016 и 2017 гг. российские инвесторы активизировались и в других странах региона: так, в 2017 г. инвестиции из РФ составили 55 % всех иностранных инвестиций в экономику Узбекистана, тогда как доля китайских инвестиций сократилась до 15 %. Вероятно, сказался тренд к деофшоризации. В любом случае Россию рано списывать со счетов в качестве экономической силы в Центральной Азии: ее позиции еще достаточно сильны и, вероятно, сохранятся таковыми в ближайшей, а возможно, и в среднесрочной перспективе.

ГЕОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ С УЧАСТИЕМ КНР

Шишкин В.Г.

Новосибирский государственный технический университет
wital_sh@mail.ru

Современной китайской экономике с каждым годом требуется всё больше энергетических ресурсов. Внутренние запасы, а также добыча на уже открытых месторождениях не могут обеспечить всё возрастающие потребности предприятий КНР. Более того, переход с одних видов энергоносителей на другие, более экологически чистые, также предполагает интенсивные поставки топлива на китайский рынок. В связи с этим актуальной остается проблема закупки газа, нефти, угля и других энергоресурсов за рубежом.

Нехватка собственного топлива и нестабильность мировой экономики подталкивают КНР диверсифицировать направления поставок энергоносителей из других стран, включая Ближний Восток, РФ, США, Австралию и т. д. Китайские фирмы занимаются закупкой топлива, принимают участие в разработке месторождений и создании инфраструктуры в регионах, богатых энергетическими ресурсами. Эти меры позволяют сделать поставки более надежными, помогают расширить сферы влияния китайских компаний на мировой энергетической арене, в том числе за счет перетока инвестиций и технологий.

Инвестиции КНР в мировую энергетику с 2000-х гг. неуклонно возрастают. Суммарно в 2005–2018 гг. китайские компании вложили в энергетические проекты за пределами КНР порядка 853,2 млрд долл. В качестве лидера выступают регионы Северной, Южной и Центральной Азии, куда китайские фирмы инвестировали около 149 млрд долл. На втором месте находятся страны Восточной и Юго-Восточной Азии с показателем в 102,5 млрд долл. Замыкают тройку лидеров страны Африки южнее Сахары, куда инвесторы из КНР вложили 96,9 млрд долл. От тройки лидеров лишь немного отстали государства Южной Америки с показателем в 92,3 млрд долл. Чуть менее привлекательными для китайских инвесторов выглядят государства Ближнего Востока и Северной Африки – около 78,4 млрд долл. Далее следует Европа (учиты-

вая страны, не входящие в ЕС) – 63,9 млрд долл. Наименее привлекательными со стороны КНР с точки зрения инвестиций в энергетические проекты выглядит Северная Америка (без США) – около 44,4 млрд долл., Австралия – 37,6 млрд долл., а также США – всего 15,4 млрд долл. Интересно отметить, что некоторые государства Азии и Ближнего Востока смогли привлечь больше инвестиций из КНР в энергетическую сферу за счет реализации на своей территории инициативы «Один пояс – один путь», в рамках которой китайская сторона выделила около 172,9 млрд долл. [13].

Неравномерность распределения инвестиций в мировую энергетику со стороны китайских компаний связана с комплексом причин, среди которых наличие в том или ином регионе месторождений топливных ресурсов, доступность и открытость энергетического рынка для зарубежных лиц, уровень развития инфраструктуры, договороспособность местных экономических и политических элит. При этом участие в международных энергетических проектах принимают не только крупные государственные или полугосударственные компании КНР, но и частные фирмы, которые надеются получить выгоду от вложений в разработку месторождений, от покупки долей в топливных или генерирующих предприятиях, от строительства инфраструктурных объектов и пр. В этой связи можно также говорить о том, что китайские компании стремятся вкладываться не только в высокодоходные активы, крупные топливные и газовые месторождения, но и в те проекты, которые могут принести прибыль в долгосрочной перспективе. В качестве «прибыли» могут выступать добытые ресурсы или прямые финансовые поступления от приобретенных активов, возможности для закрепления на иностранном рынке, в зарубежных компаниях или отраслях, политические преференции от местных властей, обмен технологиями или инновациями. В последнем случае китайские компании могут выступать и в качестве донора технологий (если партнеры не обладают таковыми) или в качестве реципиента (если речь идет о компании, которая находится на более высоком технологическом уровне). Таким образом, инвесторы из КНР стремятся выстраивать разноплановую политику с зарубежными партнерами в энергетической сфере.

В рамках одной статьи невозможно упомянуть все инвестиционные энергетические проекты КНР в разных регионах мира. Согласно опубликованным данным, китайские фирмы в 2005–2018 гг. приняли участие примерно в 400 проектах [Там же]. Необходимо отметить, что

в разных регионах на энергетическое сотрудничество компаний КНР с местными властями и фирмами оказывает влияние свой набор факторов, а потому и проекты могут различаться по форме и типологии. В этой связи в данном тексте будут обозначены лишь некоторые показательные инициативы в области энергетики, в которых принимают участие китайские компании и их региональные партнеры.

В первую очередь хочется обратить внимание на то, что сотрудничество КНР и России активно идет именно в энергетической сфере. В 2005–2018 гг. сторонами было оформлено около 20 сделок, некоторые из которых уже завершены, а другие находятся в стадии реализации [Там же]. Так, в 2013 г. было подписано соглашение между российской группой «Синтез» и Государственной электросетевой корпорацией Китая о сотрудничестве при проектировании, строительстве и эксплуатации энергетических объектов на территории РФ, а также об экспорте электроэнергии в Китай. В рамках договоренностей компания Huadian занялась возведением «под ключ» Ярославской ТЭЦ. В Карелии в строительстве двух ГЭС и ветряной электростанции задействована государственная энергетическая компания Sinomes. Китайская компания «Амур-Сириус» является подрядчиком на энергетических проектах в Благовещенске. С 2014 г. с помощью дочерней «Солар Системс» китайская сторона приступила к развитию солнечной энергетики в Самарской, Астраханской и Волгоградской областях, а также в Ставропольском крае и Калмыкии. Китайская фирма ZTE инвестирует в солнечную энергетику Дагестана. Суммарно китайские инвестиции в российскую энергетику в рамках указанных договоренностей оцениваются в 1,1 млрд долл. [1].

Более привлекательными для китайских инвесторов остаются энергетические проекты, которые осуществляются в Сибири и на Дальнем Востоке. Партнером «Роснефти» при строительстве Восточного нефтехимического комплекса (ВНХК) в Приморском крае является государственная компания ChemChina, доля которой составляет 40 % в общем объеме финансирования. Предполагается, что мощность ВНХК составит около 24 млн тонн нефтепереработки и 6,6 млн тонн нефтехимии, а общая стоимость комплекса – 1,5 трлн руб. Инвестиционную активность демонстрирует государственный Фонд Шелкового пути, который является владельцем 10 % акций российского «Сибура». В апреле 2017 г. китайская государственная компания Beijing Gas договорилась с «Роснефтью» о приобретении 20 % «Верхнечонскнефтегаз», добыв-

шего в 2016 г. 8,7 млн тонн нефти [4]. «Китайская национальная нефтегазовая корпорация» (CNPC) имеет через свое дочернее предприятие долю 20 % в проекте «Ямал СПГ» по освоению Южно-Тамбейского газоконденсатного месторождения, включая строительство завода по сжижению природного газа. На стадии планирования инвестиции в проект оценивались в 1 трлн руб. [8, с. 318].

Таким образом, инвестиционное сотрудничество КНР и России в области энергетики идет одновременно по нескольким каналам. Если оставить за скобками закупки российского топлива, то можно отметить, что китайские фирмы активно участвуют в проектировании и возведении объектов энергетической инфраструктуры в европейской и азиатской частях России. Компании из КНР владеют пакетами акций в разных компаниях и перспективных месторождениях по добыче ресурсов, проникают не только в традиционную энергетику, но и стремятся занять рынок альтернативных источников энергии. При этом активность проявляют как государственные, так и частные фирмы, готовые предложить весь спектр услуг для реализации энергетических проектов в РФ.

Россия является важным, но не единственным партнером КНР на постсоветском пространстве в сфере энергетики. Наиболее крупные проекты реализуются в нескольких республиках, обладающих топливными ресурсами. В Азербайджане с начала 2000-х гг. местная нефтяная компания SOCAR сотрудничает с «Китайской национальной нефтегазовой корпорацией». В рамках договоренностей азербайджанская сторона закупила оборудования на 500 млн долл. для нефтехимической сферы, а также выступила партнером китайских фирм при проектировании газоперерабатывающих и нефтеперерабатывающих комплексов возле Баку. Проекты оцениваются в 4 млрд долл. [9, с. 268].

Традиционными являются инвестиционные связи КНР с Казахстаном, богатым топливными ресурсами. Так, с Казахстаном у китайских компаний сложилось сотрудничество по широкому спектру вопросов в сфере энергетики. От первых проектов, в рамках которых проводились изыскания и добыча нефти и газа, китайские компании сформировали на территории Казахстана индустриальную цепь, в рамках которой занимаются прокладкой и поддержанием в функциональном состоянии трубопроводной инфраструктуры, нефтепереработкой и реализацией готовой продукции. Этапным стало начало строительства в 2016 г. совместного предприятия по производству ядерного топлива и после-

дующих планов по возведению АЭС в Казахстане [12]. Таким образом, стороны продолжили расширять сотрудничество за счет реализации более высокотехнологических проектов в сфере энергетики.

Несколько неожиданным может показаться развитие энергетического сотрудничества КНР и Украины. По предварительным данным, государственная компания CNBM International Corporation намерена направить до 2 млрд долл. на модернизацию энергетических предприятий Украины, а компании China National Complete Engineering Corporation и Golden Concord Holdings Limited планируют инвестировать 1 млрд долл. в строительство солнечных электростанций в зоне отчуждения Чернобыльской АЭС [9, с. 267].

Таким образом, постсоветское пространство является для китайских компаний одним из тех рынков, где можно реализовать разноплановые проекты. Привлекают инвесторов из КНР не только богатые топливными ресурсами страны, но и государства, которые могут быть перспективны, например, за счет развития альтернативной энергетики, находящейся здесь в зачаточном состоянии. Фактически страны бывшего СССР можно рассматривать лишь в качестве одного из энергетических рынков, куда устремились инвесторы КНР, надеясь заполнить освободившиеся или еще неосвоенные ниши. При этом конкуренция за китайские инвестиции остается высокой и в других регионах.

На Ближнем Востоке представители КНР не только закупают топливные ресурсы, но и оказывают всестороннюю помощь в развитии местной энергетики. Показательным примером является Пакистан, где с 2013 г. стал оформляться проект «Китайско-Пакистанского экономического коридора», в рамках которого одним из направлений двухстороннего взаимодействия стала энергетика. Китайские компании осуществляли комплексное внедрение на местный рынок. Для преодоления энергодефицита проводилась замена линий электропередач на нескольких направлениях, шло строительство трех электростанций, работающих на угле, а также ветряной станции, солнечной установки и пр. В среднесрочной и долгосрочной перспективе предусмотрена реализация 16 проектов, в том числе строительство дамбы Дасу и плотины Диамер-Бхаша. Участие в них примет китайская China Gezhouba Group. Суммарно на энергетические проекты в Пакистане было выделено более 35 млрд долл. инвестиций КНР [3, с. 293–294].

Для перспективных рынков развивающихся стран, каким является Пакистан, компании из КНР становятся крупным донором финансовых ресурсов и технологий, а сами, в свою очередь, превращаются в площадку, которая получает обновленную и модернизированную инфраструктуру и более тесную привязку к китайскому рынку. При этом энергетическое сотрудничество с Пакистаном может носить не только экономический характер, связанный с укреплением КНР на рынке соседнего государства и реализацией инициативы «Один пояс – один путь», но и одним из геополитических элементов китайской внешней политики, а именно осуществлением косвенного давления на Индию. Последняя попадает в своеобразное «окружение» соседних государств, которые ориентируются на КНР в дипломатическом и экономическом плане. Таким образом, они стремятся обеспечить дополнительные экономические преференции со стороны китайских партнеров.

В Латинской Америке энергетическая сфера также является привлекательной для инвесторов из КНР. Первые попытки проникновения на местные рынки китайские компании предпринимали еще в 2005–2006 гг., но полномасштабное сотрудничество началось фактически только с 2010 г. За этот период на двухсторонней основе было инициировано около 40 проектов, и более половины пришлось на Бразилию [13]. Инвестиционная деятельность КНР идет в регионе в нескольких направлениях. В первую очередь это приобретение долей в местных энергетических компаниях. В качестве примера можно привести крупную сделку между китайской нефтегазовой корпорацией Sinopec, которая в октябре 2010 г. приобрела 40 % бразильских активов испанской нефтегазовой компании Repsol общей стоимостью 7,1 млрд долл. [Лексютина, 2012: 26]. Совместно с мексиканской государственной нефтяной компанией Petroleos Mexicanos (Pemex) при участии трех государственных компаний из КНР был создан Энергетический фонд Sino-Mex, цель которого – инвестиции в строительство энергетической инфраструктуры, разведку и добычу нефти и природного газа [10].

В данных случаях речь идет не только о покупке компаниями из КНР активов местных энергетических структур, но и о проникновении на рынок, где традиционно были сильны позиции североамериканских и европейских фирм. Предлагая более выгодные условия, китайские инвесторы становятся не только крупными игроками в энергетическом секторе региона, но и получают больше возможностей перенаправить

топливные потоки в нужном направлении. Таким образом, обеспечивается более стабильный канал поставок энергоресурсов в КНР. При этом в ряде случаев, как, например, в проекте с Pemex, китайские инвесторы получили преференции, которых не было даже у США.

Среди государств Европы также присутствует интерес к китайским инвестициям для реализации проектов в энергетической сфере. Ключевыми странами для приложения инвестиций являются наиболее развитые государства ЕС – Великобритания, Франция, ФРГ, Нидерланды и Италия. Среди крупных проектов можно отметить покупку в 2013 г. Китайской национальной нефтегазовой корпорацией за 4 млрд долл. миноритарной доли в восточноафриканском подразделении итальянского энергетического гиганта Eni SpA. Другим масштабным проектом является возводимая на территории Великобритании атомная электростанция Hinkley Point C стоимостью 24 млрд долл., строительство которой на треть финансируется государственной корпорацией China National Nuclear Corp. Китайским инвесторам также принадлежит около десяти объектов по генерации ветряной и солнечной энергии на территории Испании, Великобритании, Дании, а также в Северном море. Кроме того, в Шотландии находятся два нефтяных терминала, а в Северном море семь нефтяных вышек компании Repsol Sinopet Resources UK Limited, миноритарием которой является китайская China Petroleum & Chemical Corporation [14].

Одной из крупнейших сделок китайских инвесторов было приобретение за 14,1 млрд долл. крупного пакета акций компании Rio Tinto, подразделения которой занимаются добычей урана и угля (в США и Австралии). При этом КНР не спешит открывать свой рынок для европейских инвестиций. В этой связи ряд политиков ЕС и авторитетных местных СМИ заговорили о необходимости более осторожного подхода к инвестициям из КНР в стратегические отрасли европейской хозяйственной системы, в том числе в энергетику [7]. Часть проектов в области энергетики КНР реализует в европейских странах за пределами ЕС. В настоящее время идет речь о том, что в Сербии и Боснии–Герцеговине китайскими компаниями будут построены угольные электростанции [5].

Европа не обладает крупными запасами энергетических ресурсов, но там, где они добываются, присутствуют китайские инвесторы. Компании из КНР заходят на европейский рынок, используя широкий спектр приемов. Менее развитым странам фирмы КНР предлагают

выгодные условия по развитию традиционных отраслей энергетики. В более развитых государствах приобретаются отдельные мощности и предприятия топливного комплекса, а также доли в крупных компаниях. Получение контроля над европейскими энергетическими гигантами открывает перед китайскими акционерами доступ к рынкам других регионов, где ведут оперативную деятельность данные фирмы.

В этой связи показателен пример с Африкой, которая в последние годы прочно вошла в орбиту интересов КНР и является важнейшим поставщиком ресурсов для китайской экономики, рынком сбыта товаров и полигоном для реализации проектов, в том числе и в энергетической сфере. Среди африканских стран основными поставщиками топливных ресурсов для китайской экономики являются Гана, Египет, Нигер, Габон, Эфиопия, Намибия, Республика Конго, Чад и Кения [2]. Необходимо учесть, что китайские фирмы не только владеют долями в нефтяных компаниях этих стран, но и усиливают контроль над торговлей топливными ресурсами за счет использования опосредованных механизмов воздействия, а именно компании, штаб-квартиры которых находятся в других регионах. В качестве примера можно привести швейцарскую фирму Addax Petroleum Corporation, которая занимается разведкой и добычей нефти и газа в Африке, на Ближнем Востоке и в Северном море. В 2009 г. китайская Sinopec приобрела 100 % акций компании за 7,2 млрд долл. В 2017 г. 51 % акций швейцарского трейдера Glencore были приобретены китайской HNA за 580 млн долл. [13]. Таким образом, китайские инвесторы устанавливают не прямой контроль над ресурсной базой развивающихся стран, регулируя уровень добычи, направления поставок полезных ископаемых и корректируя их в нужном для себя направлении.

Таким образом, можно утверждать, что с начала XXI в. китайские инвесторы всё активнее проникают в мировую энергетику. При этом комплекс причин по активизации китайских компаний на международной арене достаточно широк, как и география приложения их усилий. В развивающихся государствах компании из КНР предлагают местным властям выгодные условия сотрудничества, выступая в качестве донора финансовых ресурсов и технологий. Речь идет о приобретении китайскими фирмами активов местных компаний и месторождений, модернизации и развитии инфраструктуры. В ряде случаев совместные энергетические проекты выступают составной частью более крупных инициатив, например, «Один пояс – один путь». При этом

методы прямого проникновения на региональные рынки могут подкрепляться и за счет практик косвенного влияния с использованием связей крупных компаний и создания совместных предприятий. В энергетическом секторе развитых государствах китайских инвесторов привлекают не только технологии, но и возможности занять долю на перспективном рынке, который может принести финансовую прибыль и обогатить новыми практиками, важными для развития ТЭК в частности и энергетической стратегии КНР в целом.

Список литературы

1. *Александрова М.В.* Китайские инвестиции в России: отраслевой срез // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXII: ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. – М.: ИДВ РАН, 2017. – С. 219–242.
2. *Дейч Т.Л.* Китай и Африка: итоги экономического сотрудничества последних лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.inafran.ru/node/1548> – Загл. с экрана (дата обращения: 26.10.2018).
3. *Замараева Н.А.* Китайско-Пакистанский экономический коридор – первый этап реализации // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXII: ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. – М.: ИДВ РАН, 2017. – С. 289–307.
4. *Кильзие Ф.* Энергетика отношений: Китай не может найти в России ничего, кроме сырья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/biznes/345361-energetika-otnosheniy-kitay-ne-mozhet-nayti-v-rossii-nichego-krome-syrua> – Загл. с экрана (дата обращения: 22.10.2018).
5. *Коростиков М.* Китайский клин в Евросоюз никак не вбивается [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3677449> – Загл. с экрана (дата обращения: 22.10.2018).
6. *Лексютина Я.В.* Китай – активный игрок на просторах Латинской Америки // Латинская Америка. – 2012. – № 8. – С. 22–36.
7. *Мануков С.* Китай купил большую часть Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/2018/04/26/kitaj-skupil-solidnuyu-chast-evropy/> – Загл. с экрана (дата обращения: 22.10.2018).
8. *Матвеев В.А.* Международное сотрудничество КНР в газовой сфере как стратегический приоритет современной энергетической политики Китая // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXII: ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. – М.: ИДВ РАН, 2017. – С. 308–321.
9. *Мокрецкий А.Ч.* «Экономический пояс Шелкового пути» как механизм экономической геополитики Китая в постсоветских странах // Китай в миро-

вой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXII: ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. – М.: ИДВ РАН, 2017. – С. 257–273.

10. *Пития Л.К., Дорогокупец В.С.* Экономическая активность Китая в странах Латинской Америки // Наука за рубежом. – 2017. – № 61. – С. 1–41.

11. *Сафронова Е.И.* К вопросу о соперничестве и сотрудничестве КНР и США на Африканском континенте // Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко. – М.: Форум, 2014. – С. 343–358.

12. Энергетическое сотрудничество Китая и Казахстана постепенно совершенствуется, перспективы расширяются в трех областях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-07/14/content_41216528.htm – Загл. с экрана (дата обращения: 28.10.2018).

13. China Global Investment Tracker [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aci.org/china-global-investment-tracker/> – Загл. с экрана (дата обращения: 08.10.2018).

14. *Tartar A., Rojanasakul M., Diamond J.S.* How China Is Buying Its Way Into Europe [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/graphics/2018-china-business-in-europe/> – Загл. с экрана (дата обращения: 23.10.2018).

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.С. ЛЕСКОВА И ЛУ СЮНЯ

Яо Сун

Национальный исследовательский Новосибирский
государственный университет
yaosong0311@mail.ru

I. Отличительный русский писатель Лесков. Н.С. Лесков – талантливый, уникальный, самобытный и яркий автор со своим особенным языком, стилем и манерой повествования. Он является русским писателем второй половины XIX века. Говорят, что Лесков – писатель будущего, его жизнь в литературе глубоко поучительна. У него много известных романов, повестей и рассказов, таких как «Левша», «Очарованный странник», «Леди Макбет Мценского уезда», «Соборяне», «На ножах» и многие другие. Писатель уже в ранних рассказах заявил, что так называемые «простые человеки» совсем не просты, они обычно живут в низком положении в социалистическом обществе, но представляют собой сложный духовный мир, и каждый человек в условиях социалистического общества способен вырасти в необыкновенную, самобытную личность, и вместе с тем тот же человек, если он не проявит максимальную активность в развитии своих сил, может потерять человеческий облик. Поэтому исследование произведений Н.С. Лескова с помощью языковых средств играет очень важную роль для понимания его произведения. В течение жизни Лесков пошел своим, особенным путем. В его художественной жизни способ познания перестает быть определяющим и выступает уже как средство достижения более глубокой, чем искусство, собственно религиозной цели.

II. Китайский писатель Лу Сюнь, который отказался от врача. Оценка Александра Александровича Фадеева (советского писателя): «Лу Сюнь – настоящий китайский писатель. Благодаря этому он внес много национальных форм неимитации в литературу мира. Его язык в народной форме. Хотя его ирония и юмор имеют общий характер людей, у них также есть национальные характеристики, которым нельзя подражать». Он также прокомментировал Лу Сюнь как «Горький» в

Китае. Жизнь Лу Сюнь и Н.С. Лескова имеет такие же характеристики: мальчик потерял отца в детстве, а его семья была в смятении. Позже благодаря своему особому периоду в обществе он пошел в школу, а после окончания занимался различными профессиями. Наконец он решил «отказаться от врача и заниматься литературой» и хотел изменить мысль народов. Таким образом, общественные мысли меняют судьбу страны. Лу Сюнь – культурный гигант в XX веке. Он внес большой вклад во многие области, такие как романы, проза, современная поэзия, знаменитый перевод и современные ученые. Будучи великим основателем современной китайской литературы, в нескольких романах Лу Сюнь появилась новая форма китайских романов, его очерки и эссе оказывают глубокое влияние на литературу. Будучи переводчиком, он широко перевел зарубежные литературные произведения и представил передовые научные и культурные идеи.

III. Сходства и различия между литературными мастерами

1. Сходства. Во всех двух литературных гигантах, хотя они находятся в разных эпохах, их семейная ситуация такая же, как и в их социальный период. Их мысли претерпели период перемен, который укрепил их идеи и направления литературного творчества. Их объекты произведений начинаются с простых социальных работников, стиль произведений прост, и на языке написания используется множество народных диалектов и народных языков. В то же время у них есть одна и та же цель литературного творчества. Лу Сюнь – пионер времени, идеологический гигант, национальный герой на культурном фронте. Он знает, что необходимо использовать литературу, чтобы изменить сознание общественности и тем самым изменить свою судьбу.

2. Различия. С точки зрения стиля произведений творчество Н.С. Лескова основано на теме романа и подбирает разные символы для анализа и описания. Тем не менее письмо Лу Сюнь имеет широкий круг тем, включая романы, прозу, поэзию, переводы, которые могут отражать мысли и литературные достижения писателя с разных точек зрения и нескольких направлений.

Заключение

Русские литературные произведения и писатели оказывают влияние на многих китайских писателей. Литература – отличный способ отразить характеристики времени и мысли.

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЯХ ВОЕННОГО ПЕРЕВОДЧИКА И ИХ УЧЕТЕ ПРИ РАЗРАБОТКЕ УЧЕБНИКА ПО КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Хрипунов И.Г.

УЦ «Институт Конфуция» Новосибирского
государственного технического университета
i.g.khripunov@gmail.com

Начиная с 2003 года, мы являемся свидетелями активного взаимодействия РФ и КНР в военной сфере. Военное сотрудничество между нашими странами сегодня достигло небывалого уровня. Ежегодно проводятся совместные военные маневры и учения с использованием всех видов вооруженных сил. Особое место отводится военному взаимодействию двух стран в рамках ШОС при отработке вопросов противодействия терроризму, экстремизму и сепаратизму. Проводятся совместные международные соревнования различных родов войск, направленные в первую очередь на повышение качества боевой подготовки. В учениях ежегодно принимает участие всё большее число подразделений стран-участниц. Учения проходят на территории РФ и КНР. В связи с этим возрастает роль качества лингвистического обеспечения совместной деятельности войск. Возникает потребность в высококлассных специалистах, обладающих сформированными профессиональными компетенциями, позволяющих осуществлять межкультурную коммуникацию на различных этапах деятельности войск, начиная с вопросов переброски войск, размещения на месте и заканчивая их практическим применением, что возлагает на военного переводчика большую ответственность за качество выполняемого перевода. Сегодня ситуация складывается таким образом, что большую часть работы по выполнению письменного и устного перевода в ходе совместных учений выполняют китайские переводчики, что вызывает много вопросов к качеству подготовки российских военных переводчиков.

В связи с этим остро стоит вопрос подготовки требуемых специалистов, обладающих соответствующим набором компетенций, а также разработки на основе компетентностного подхода базового учебника

по военному переводу, отвечающего современным требованиям и новым реалиям.

Изучение нормативной документации, основных образовательных программ, регламентирующих содержание профессиональной подготовки военных переводчиков по специальности 035701 «Перевод и переводоведение», квалификация «специалист», специализация «Лингвистическое обеспечение военной деятельности» [1], позволило констатировать отсутствие конкретизированного перечня наименований профессиональных компетенций, отражающих профиль профессиональной деятельности специалиста, основу деятельности которого составляет китайский язык.

Концепция переводческой компетенции, разработанная В.Н. Комиссаровым [2], включающая в себя языковую, текстообразующую, коммуникативную, техническую и личностную характеристики переводчика, легла в основу при разработке учебника по военному переводу авторов Анкина А.В. и Хрипунова И.Г. [3].

В данной концепции выделены профессиональные компетенции, которые должны быть сформированы у военного переводчика в процессе его обучения в вузе.

1. Языковая компетенция – использование всех доступных языковых средств адекватно ситуации общения, взаимоотношениям между коммуникантами, их ролевым функциям и регистру общения (официальному, неофициальному, нейтральному). Военный переводчик должен в совершенстве владеть военной лексикой, понимать узус военных текстов, уметь подбирать правильный эквивалент при переводе военных терминов, обладающих полисемией или вовсе не имеющих прямых аналогов в русском. Так, китайский военный термин 营 (yíng), 连 (lián) будет переводиться как «батальон» или «дивизион», «рота» или «батарея» в зависимости от того, о каком роде войск идет речь. Знать общепринятые сокращения военных терминов (аббревиатуры), в том числе недавно появившихся (например, ВПШГ – вертолетно-поисковая штурмовая группа 直升机搜索突击组 и др.).

2. Коммуникативная компетенция – формирование правильных выводов из высказывания на основе фоновых знаний. Для военных переводчиков фоновые знания имеют решающее значение, так как именно они со знанием военной терминологии составляют то, чем отлича-

ется военный переводчик от своих коллег по переводу в других областях. Фоновые знания, в свою очередь, помогают достичь эквивалентности, точности и адекватности перевода, более конкретного понимания смысла высказывания. Фоновые знания также могут облегчить понимание военного сленга.

3. **Текстообразующая** компетенция – умение создавать тексты различных типов. Военные тексты подразделяются на жанры: военнонаучные, военно-технические, военно-информационные, военно-публицистические, военно-деловые тексты, уставы, наставления и т. д. Каждый жанр определяет структуру самого текста, его цели. Например, большие различия как в композиции, так и в других своих аспектах имеют тексты военно-технического обозрения и военно-проблемного обозрения. Если в первом поджанре задачей ставится рассмотрение нескольких событий с точек зрения немногочисленных коммуникантов, то военно-проблемное обозрение рассматривает чаще всего одно событие с привлечением большого количества коммуникантов.

4. **Техническая компетенция** – специальные знания, умения и навыки, необходимые для совершения переводческой деятельности. Среди специальных переводческих умений выделяются следующие:

1) умение выполнять параллельные действия на двух языках и переключаться с одного языка на другой;

2) умение видеть глубинную и поверхностную структуру высказывания, умение переключаться между ними;

3) умение совершать максимально точный перевод при отсутствии прямых соответствий;

4) умение правильно выбирать и применять различные приемы перевода, чтобы преодолеть трудности, связанные с особенностями исходного языка;

5) умение анализировать текст оригинала, выявлять в нем переводческие проблемы и успешно их решать. В работе военного переводчика присутствуют и некоторые специфические виды перевода: перевод при радиообмене, допрос пленного, перевод с листа, требующие своих собственных подходов.

5. Особый вид компетенции выделяет В. М.Панькин [4] – **стратегическую** компетенцию. Она заключается в умении восполнять недо-

статки во владении языком как языковыми, так и внеязыковыми средствами. Сюда также входит знание определяющих перевод факторов (прагматических, социокультурных, дискурсивных и лингвистических) и изменение их влияния на выбор общей стратегии перевода для последующей максимизации использования этих факторов в определенной коммуникативной ситуации.

6. Операциональная компетенция – умение различать языковые картины мира различных языковых коллективов, владеть на базе этих картин переводческими категориями и выполнять адекватный перевод с помощью таких категорий. Например, эта переводческая компетенция важна при переводе китайских числительных на русский язык. В китайском языке система счета отличается от русской, поэтому умение быстро переводить числительные из одной системы в другую критично при выполнении устного последовательного перевода ввиду временных рамок.

Ввиду исключительной ответственности дела военного переводчика профессия предъявляет и некоторые требования к личности, без которых эффективный военный перевод невозможен или контрпродуктивен. Так, военный переводчик должен уметь работать в любой обстановке, в том числе с риском для жизни, что составляет особую компетенцию военного переводчика уже как потенциального участника боевых действий. Следовательно, военный переводчик должен не только быть подготовленным морально и физически, но и знать военные дисциплины, уметь читать топографические карты, обращаться с оружием, анализировать оперативно-тактическую обстановку и т. д. Эта профессия, поскольку является синтезом двух других – переводчика и военного, имеет и морально-этические нормы, присущие обеим ее составляющим [5].

Таким образом, выделенные профессиональные компетенции, их формирование и развитие у обучающихся в учебном процессе, в том числе с помощью учебно-методического комплекса по военному переводу, будут способствовать достижению обучающимися целей обучения и необходимого уровня квалификации, определяемого требованиями государственного образовательного стандарта.

Список литературы

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 035701 «Перевод и переводоведение». – Режим доступа: <http://fgosvo.ru/news/3/2067>
2. *Комиссаров Н.В.* Современное переводоведение: учебное пособие. – 2-е изд., испр. – М.: Р. Валент, 2011. – 424 с.
3. *Анкин А.В., Христунов И.Г.* Учебник практического курса перевода (военного перевода). Китайский язык. – Новосибирск: Изд-во НВВКУ, 2009. – 589 с.
4. *Панькин В.М.* Языковые контакты: краткий словарь / В.М. Панькин, А. В. Филиппов. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 157 с.
5. *Тихонова Е.В., Белов Д.Н.* Профессиональная компетентность военного переводчика (на материале китайского языка) // Молодой ученый. – 2015. – № 14. – С. 525–528.

**РОССИЯ И КИТАЙ:
ДВУСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

**Материалы III международной
научно-практической конференции**

г. Новосибирск, 2–3 ноября 2018 г.

Под редакцией *В.А. Гавриловой, И.Г. Хрипунова*

Выпускающий редактор *И.П. Брованова*
Корректор *Л.Н. Кинит*
Дизайн обложки *А.В. Ладыжская*
Компьютерная верстка *Н.В. Гаврилова*

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
Издание соответствует коду 95 3000 ОК 005-93 (ОКП)

Подписано в печать 24.01.2019. Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная
Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 13,71. Печ. л. 14,75. Изд. № 11. Заказ № 355
Цена договорная

Отпечатано в типографии
Новосибирского государственного технического университета
630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20